

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024
3(43)

ISSN 2587-9472

Эп № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 3 (43)' 2024

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

*Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик
Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.*

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Бандурина Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерова Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федонин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВИДОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	7
<i>Дейнеко Алексей Геннадьевич</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕФОРМ 1860-Х ГОДОВ	15
<i>Видова Татьяна Александровна</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАНИЕ, ЕГО НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ, ДОСТОВЕРНОСТЬ И ПОЛНОТА КАК УСЛОВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИИ.....	23
<i>Бабурин Сергей Николаевич</i>	
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	36
<i>Минникес Ирина Викторовна</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	44
<i>Партненко Светлана Ивановна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЕГО ОЦЕНКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	51
<i>Горбатов Сергей Васильевич, Краснова Елена Александровна, Кузина Светлана Ивановна, Сагирян Инга Григорьевна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ.....	59
<i>Кривошеев Сергей Владимирович</i>	
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ХОДЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	65
<i>Палиева Оксана Николаевна, Палиев Владимир Борисович, Осипян Наталья Борисовна</i>	
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ	73
<i>Семенцова Ирина Анатольевна, Федорова Екатерина Алексеевна</i>	

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА.....	79
<i>Карпова Наталья Анатольевна, Юдина Ульяна Сергеевна</i>	

НАПАДЕНИЕ НА ТРУБОПРОВОД «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК»: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА. Статья вторая	85
<i>Срето Ного, Драган Манойлович</i>	

Трибуна молодого ученого

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ К ПРИЗНАНИЮ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ	94
<i>Лаптев Григорий Михайлович</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

- ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF TYPES OF RESPONSIBILITY
FOR THE ACTIONS OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES
IN THE INFORMATIONAL SPACE.....7
Deineko A.G.
- THE FORMING OF ELEMENTS OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA
AS A RESULT OF THE REFORMS OF THE 1860s15
Vidova T.A.

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

- POLITICAL AND LEGAL KNOWLEDGE, ITS MORAL FOUNDATIONS, RELIABILITY
AND COMPLETENESS AS A CONDITION FOR THE CIVILIZATIONAL
SELF-IDENTIFICATION OF RUSSIA.....23
Baburin S.N.
- ON THE ISSUE OF LEGAL PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL OBJECTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION.....36
Minnikes I.V.
- LEGAL REGULATION OF INTER-BUDGETARY RELATIONS
OF REGIONAL DEVELOPMENT ON THE EXAMPLE OF THE BRYANSK REGION.....44
Partnenko S.I.

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

- ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE QUALITY OF EDUCATION
AND THE ORGANIZATION OF ITS ASSESSMENT
AT THE PRESENT STAGE.....51
Gorbatov S.V., Krasnova E.A., Kuzina S.I., Sagiryay I.G.

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

- THE REASONS AND CONDITIONS FOR THE HOSTAGE-TAKING
IN THE DETENTION CENTER.....59
Krivosheev S.V.
- LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF ORDERING FORENSIC EXAMINATIONS
DURING A JUDICIAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS.....65
Palieva O.N., Paliev V.B., Osipyay N.B.
- PROBLEMATIC ASPECTS OF THE STRUGGLE AGAINST BRIBERY OF OFFICIALS.....73
Sementsova I.A., Fedorova E.A.

SUBJECTIVE SIGNS OF ENCROACHMENT ON THE LIFE OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER.....	79
<i>Karpova N.A., Yudina U.S.</i>	

ASSAULT ON THE NORD STREAM PIPELINE: AN INTERNATIONAL CRIME OF A STATE CHARACTER. Article two.....	85
<i>Sreto Nogo, Dragan Manojlovic</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

APPLICATION OF GENERAL AND SPECIAL RULES TO INVALIDATION OF STATE AND MUNICIPAL CONTRACTS.....	94
<i>Laptev G.M.</i>	

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВИДОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дейнеко Алексей Геннадьевич¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: adeineko@hse.ru,

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В исследовании рассматриваются нормативные положения, появившиеся в российском информационном законодательстве в последние годы и характеризующиеся особым кругом субъектов, оснований, источников и содержания мер юридической ответственности. Путем анализа таких нормативных положений выявлен новый подход к правовому регулированию, при котором учитывается экономическая и техническая природа киберпространства. Благодаря этому эффективность мер информационно-правовой ответственности оценивается нами как более высокая по сравнению с действием классических видов юридической ответственности в условиях трансграничного и анонимного киберпространства.

Наряду с применением органами публичной власти мер воздействия на субъектов информационных правоотношений, нами отмечена практика применения таких мер хозяйствующими субъектами, в частности, лицами, владеющими или управляющими цифровыми платформами. Это позволяет утверждать о возможности выделения категории договорной информационно-правовой ответственности.

Вместе с тем, несистематизированный круг субъектов отношений, складывающихся в киберпространстве, а также ряд других насущных проблем информационного права обуславливают отсутствие системности в порядке применения мер информационно-правовой ответственности. Это обстоятельство рассматривается нами как дополнительный аргумент в пользу кодификации информационного законодательства.

Ключевые слова: информационное право, информационно-правовая ответственность, информационные правонарушения, публичное право, цифровая трансформация, информационное общество, цифровые платформы

ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF TYPES OF RESPONSIBILITY FOR THE ACTIONS OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES IN THE INFORMATIONAL SPACE

Deineko A.G.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: adeineko@hse.ru,

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

The paper describes the normative provisions that have appeared in Russian information regulations in recent years and are characterized by a special range of subjects, grounds, sources and content of responsibility measures. The analysis of such regulatory frameworks made it possible to reveal a new approach to legal regulation, which takes into account the economic and technical nature of Cyberspace. Due to this, we assess the effectiveness of information and legal measures to be higher than that of classical types of legal responsibility in cross-border and anonymous cyberspace. Along with the application of measures by public authorities to influence information legal relations subjects, we have also noted the practice of business entities applying such measures, in particular, individuals who own or manage digital platforms. This allows us to establish the possibility of categorizing contractual information and legal responsibility.

At the same time, the wide range of subjects involved in relations developing in cyberspace, along with a number of other pressing issues in information law, contribute to inconsistencies in the application of information

and legal measures. We consider this circumstance as an additional argument in favor of the codification of information legislation.

Keywords: Information Law, Information Responsibility, Information Offenses, Public Law, Digital Transformation, Information Society, Digital Platforms

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-7-14

Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что стремительное развитие общественных отношений, связанных с повсеместным применением информационных технологий, сформировало практику принудительного воздействия на субъектов информационных отношений, которое может осуществляться как органами публичной власти, так и хозяйствующими субъектами, управляющими цифровыми платформами и иными интернет-ресурсами. По своим основаниям и содержанию данное принудительное воздействие не укладывается в традиционные категории ответственности, известные правовой науке.

В качестве **задач исследования** нами были определены: анализ взаимосвязи норм информационного законодательства с нормами иных отраслей, определяющих конкретные меры юридической ответственности за правонарушения в информационной сфере, исследование оснований возникновения и содержания мер информационно-правовой ответственности, выработка предложений по совершенствованию российского законодательства. Вопрос о самостоятельном характере информационно-правовой ответственности, ее соотношения с мерами предупредительного, пресекающего, восстановительного и обеспечительного характера остается дискуссионным в российской правовой науке, в связи с чем формат нашего исследования предполагает не окончательное разрешение дискуссии, а выработку дополнительных аргументов к ней.

В рамках исследования нами использовались общенаучные **методы** анализа и синтеза, дедукции и индукции, а также специальные юридические методы, такие как метод юридического толкования и сравнительно-правовой метод. Подчеркнем, что при написании данного исследования нами не использовались генеративные алгоритмы искусственного интеллекта или аналогичные им технологии, позволяющие генерировать псевдонаучный текст.

Основная часть

На протяжении большей части периода становления в нашей стране информационно-правовой науки вопрос о выделении информационно-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности по существу не ставился и не обсуждался. Данное понятие подменялось понятием ответственности за правонарушения в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, закреплённым в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (далее – Закон об информации). Бланкетная норма ч. 1 ст. 17 Закона об информации, упоминает о четырёх видах ответственности: дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной, каждый из которых подробно исследован в правовой науке [1].

Заметим, что авторы Закона об информации воздержались от упоминания пятого «классического» вида юридической ответственности – материальной, что на наш взгляд, не выглядит бесспорным. В аналогичных бланкетных нормах, например в законодательстве о природных лечебно-оздоровительных ресурсах, можно встретить все пять видов ответственности². Остановимся на этом вопросе подробнее.

Как известно, трудовое законодательство устанавливает в качестве основания возникновения материальной ответственности работника перед работодателем причинение последнему прямого дей-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ст. 19 Федерального закона от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствительного ущерба, под которым понимается «реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества»³. В силу того, что информация с 2006 года не является объектом гражданских прав в российском законодательстве, называть её имуществом в этом контексте было бы некорректно. Вместе с тем Трудовой кодекс Российской Федерации упоминает в качестве частного случая возложение на работника *полной* материальной ответственности за «разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну»⁴.

В десятках федеральных законов и подзаконных актов упоминается множество видов тайн, систематизировать которые непросто⁵. Так, заслуживает внимания классификация Д.В. Огородова, который предлагает выделять тайны публично-правового (военная, государственная и служебная тайны) и частноправового (личная, семейная, коммерческая и профессиональная тайны) характера [2, с. 10]. Но вне зависимости от специфики правовой природы названных тайн их содержание охватывается определением информации, как «сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления», закреплённым в тезаурусе Закона об информации⁶.

Таким образом, любой случай несанкционированного разглашения информации, составляющей охраняемую законом тайну, является, по существу, информационным правонарушением. За такое информационное правонарушение может наступать материальная ответственность, например в случаях, когда действия работника, взаимодействующего с информационной системой работодателя, привели к нарушению режима конфиденциальности информации, содержащейся в системе. Основанием для определения объема ответственности работника в приведённом примере может служить размер административного штрафа, наложенного на работодателя уполномоченным органом власти за нарушение требований информационного законодательства, размер имущественной претензии третьего лица в связи с раскрытием их коммерческой тайны и иные данные.

Следовательно, закреплённый в ст. 17 Закона об информации перечень видов ответственности является неполным уже по той причине, что в нем не указана материальная ответственность работника. Перейдем далее к вопросу о том, имеются ли основания для выделения шестого вида юридической ответственности – информационно-правовой.

Рассматривая вопрос об основаниях выделения видов юридической ответственности, коллеги по Кафедре ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ «Высшая школа экономики» пришли к выводу, что критериями такого выделения является специфика источника, оснований ответственности и содержания мер ответственности⁷. Наряду с указанными критериями, М.П. Авдеенкова предлагает также выделять виды ответственности, исходя из особого круга субъектов, совершающих правонарушения, и субъектов, уполномоченных на применение мер принудительного воздействия [3]. Проанализируем данные критерии подробнее.

Специфика источников информационно-правовой ответственности заключается в их неконсолидированности по сравнению с источниками, определяющими основания других видов юридической ответственности. Данный признак роднит информационно-правовую ответственность с конституционно-правовой. Кодификация информационного законодательства, необходимость которой, на наш взгляд, давно назрела, помогла бы систематизировать перечень мер, основания и порядок привлечения к информационно-правовой ответственности. В пользу такой кодификации неоднократно высказывались видные отечественные правоведы [4].

³ Ст. 238 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ П. 7 ст. 243 Трудового кодекса Российской Федерации.

⁵ Ст. 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 4 августа 2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 февраля 2024 г.) «О государственной тайне»; ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 12 декабря 2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 мая 2024 г.) «О банках и банковской деятельности»; ст. 102 Налогового кодекса Российской Федерации (части первой) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 23 марта 2024 г.); ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 апреля 2024 г.) «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации»; ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и мн. др.

⁶ Ст. 2 Закона об информации.

⁷ Информационное право: учебник и практикум для вузов / М.А. Федотов [и др.]; под ред. М.А. Федотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – С. 711.

В отсутствие кодифицированного акта «квазикодекс» в виде Закона об информации ограничивается бланкетной нормой, а наиболее полный перечень мер ответственности содержится в Федеральном законе от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» (далее – Закон о приземлении)⁸.

Логика таких мер ответственности проста: если государство не в состоянии «дотянуться» до владельцев или администраторов интернет-ресурсов, распространяющих запрещенную или вредную информацию и находящихся за пределами российской юрисдикции, то эффективной мерой воздействия в такой ситуации будет контроль за локализованными в национальной юрисдикции рекламодателями, кредитными организациями и операторами связи. Лишение или существенное сокращение источников финансирования деятельности таких интернет-ресурсов значительно уменьшит их стимулы к продолжению работы в российском сегменте киберпространства. Это впрочем, не касается деятельности интернет-ресурсов, которые изначально создаются с целью распространения соответствующей информации и уходят от ответственности, пользуясь системным характером проблемы юрисдикции в киберпространстве [5].

В числе мер ответственности, упомянутых в Законе о приземлении, которые вряд ли возможно отнести к одному из пяти «классических» видов юридической ответственности, можно отнести:

- 1) полную или частичную блокировку либо замедление скорости доступа к информационным ресурсам, распространяющим запрещенную или недостоверную информацию;
- 2) запрет на размещение рекламы на таких ресурсах или рекламы таких ресурсов на сторонних интернет-сайтах;
- 3) ограничение осуществления переводов денежных средств в пользу юридического лица, администрирующего такой ресурс;
- 4) запрет на поисковую выдачу информации о таких ресурсах в поисковых системах, либо предупредительная надпись (баннер) рядом со ссылкой на такой ресурс в результатах поисковой выдачи;
- 5) ограничение сбора и трансграничной передачи персональных данных такими ресурсами.

Первая из указанных мер появилась в российском законодательстве задолго до Закона о приземлении, первоначально она применялась и продолжает применяться в законодательстве о противодействии нарушениям интеллектуальных прав. В наших исследованиях проблемы «цифрового пиратства» мы неоднократно указывали на невысокую эффективность метода блокировок [6]. Во-первых, технические меры по блокировке доступа к информационным ресурсам легко нивелируются современными технологиями, позволяющими видоизменить или скрыть IP-адрес пользователя и обойти блокировку. Во-вторых, «побочным эффектом» применения таких мер является ограничение доступа к добросовестным интернет-ресурсам, которые используют «плавающие» (изменчивые) IP-адреса, или же IP-адреса, которые находятся в одной ветке с заблокированным.

Поправки к Закону об информации 2017 года установили запрет на использование программного обеспечения, позволяющего пользователям скрывать или изменять свои IP-адреса, если при этом они посещают заблокированные интернет-ресурсы. Примечательно, что ответственность за нарушение законодательства была возложена не на пользователей, а на владельцев информационно-телекоммуникационных сетей (в т.ч., VPN-сетей) и интернет-ресурсов. При этом сокрытие или изменение IP-адресов в иных целях (например, для обеспечения безопасности военкоров, работающих в зоне боевых действий) по-прежнему допускается законом.

Значимые изменения в алгоритме блокировок произошли в 2019 году, когда поправками к Закону об информации и Федеральному закону от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» на собственников или владельцев линий связи, пересекающих географическую границу Российской Федерации, была возложена обязанность информировать уполномоченный орган публичной власти (Роскомнадзор) о целях использования оборудования (для формирования реестра точек обмена трафиком), а также установить в своих сетях «технические устройства, обеспечивающие автоматизированную блокировку запрещенных ресурсов и выявление источников происхождения интернет-трафика»⁹.

⁸ Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, если ранее провайдеры стационарной и мобильной связи должны были самостоятельно обеспечивать блокировку запрещённых в нашей стране ресурсов, получая соответствующие предписания Роскомнадзора (пусть и в виде электронных документов), то теперь такие блокировки реализуются самим Роскомнадзором в автоматизированном режиме. В данном случае можно утверждать о технико-юридическом механизме реализации меры информационно-правовой ответственности. Вместе с тем практика «замедления» популярного зарубежного видеохостинга в 2024 году продемонстрировала, что на высоко конкурентном рынке интернет-услуг хозяйствующие субъекты нередко сами оказываются заинтересованными в предоставлении пользователям качественного доступа к замедляемым ресурсам (например, путем маскировки трафика в собственных сетях).

Наряду с такими «государственными» блокировками широко практикуются блокировки, осуществляемые владельцами цифровых платформ (социальных сетей, экосистем, маркетплейсов, метавселенных и др.) в отношении отдельных пользовательских аккаунтов в случае нарушения пользователями правил использования цифровых платформ. Несмотря на то, что зарегистрировать новый аккаунт в социальной сети обычно не составляет труда, в отдельных случаях такая мера показывает высокую эффективность. В качестве примера можно привести цифровые платформы краткосрочной аренды средств индивидуальной мобильности или автомобилей (кикшеринга или каршеринга), блокирующие доступ пользователей к аренде транспортных средств, если они систематически или грубо нарушают правила дорожного движения. Пользовательские аккаунты на таких цифровых платформах привязаны к документам, удостоверяющим личность, и банковским картам, поэтому их замена в целях преодоления блокировки сопряжена с известными трудностями.

Такую ответственность можно именовать договорной информационно-правовой ответственностью, поскольку источником применения мер принудительного воздействия является не нормативный правовой акт, а договор, заключаемый пользователем с собственником транспортных средств при помощи соответствующей цифровой платформы. Обычно такие договоры облекаются в форму лицензионного соглашения (определяющего порядок пользования платформой, как объектом интеллектуальной собственности), различного рода условий сервиса (*ToS, Terms of Service*) и условий использования (*ToU, Terms of Use*).

Таким образом, важным условием эффективности применения меры юридической ответственности в виде блокировки является сочетание собственно юридических и технических мер. Другим способом обеспечить эффективность привлечения к информационно-правовой ответственности является сочетание юридического и экономического воздействия.

Специфика экономической природы киберпространства заключается в том, что внимание пользователей становится главным ресурсом, за который конкурируют интернет-ресурсы. Повышенное внимание к ресурсу позволяет его владельцу генерировать высокие рекламные доходы. В числе таких «экономико-правовых» мер – запрет рекламодателям заключать контракты на размещение рекламы на информационных ресурсах, нарушающих требования законодательства. Впервые подобный механизм был апробирован в 2018 году в Меморандуме стран Европейского Союза применительно к интернет-ресурсам, неправомерно распространяющим объекты авторских и смежных прав¹⁰. При этом, обязательство рекламодателей не распространять рекламу на «пиратских» интернет-ресурсах не имело обратной силы, сохраняя действие ранее заключенных рекламных договоров. В 2020 году к указанному Меморандуму присоединилась и наша страна в лице Роскомнадзора¹¹.

Третья мера ответственности также характеризуется экономико-правовой природой, но при этом реализуется через систему государственного финансового контроля. В соответствии со ст. 14 Закона о приземлении, обязанность по ограничению денежных переводов в пользу юридического лица, администрирующего интернет-ресурс и нарушающего российское законодательство, возлагается на кредитные организации и операторов связи, а общий контроль за исполнением ими такой обязанности осуществляет Банк России. Как мы отмечали выше, данные субъекты локализованы в российской юрисдикции, что существенно облегчает органам публичной власти взаимодействие с ними.

¹⁰ Memorandum of Understanding on Online Advertising and Intellectual Property Rights, Jun 25, 2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/30226> (дата обращения: 10.06.2024 г.).

¹¹ Официальный сайт Роскомнадзора [Электронный ресурс]. – URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73070.htm> (дата обращения: 10.06.2024 г.).

Четвертая из названных мер ответственности преследует целью, с одной стороны, обеспечение ограничения доступа российских пользователей к недостоверной или запрещённой информации (в случае запрета на поисковую выдачу), а с другой – также и их информирование о том, что определённый интернет-ресурс функционирует с нарушениями российского законодательства. Так, с 2022 года некоторые результаты поисковой выдачи поисковых систем по запросам на общественно-политические темы содержат уведомление вида «РКН: сайт нарушает законы РФ».

Операторы поисковых систем обязаны размещать такие уведомления в течение суток с момента получения соответствующего решения Роскомнадзора¹². В этой ситуации оператор поисковой системы выступает в роли информационного посредника (не в частноправовом, а в публично-правовом смысле) и с большой долей вероятности выполнит предписание органа публичной власти. Данная мера воздействия, на наш взгляд, обладает и косвенным экономическим эффектом, поскольку некоторая доля пользователей, увидев такое уведомление в результатах поисковой выдачи, возможно, примет решение не переходить на такие интернет-ресурсы, в результате чего их показатели посещаемости несколько снизятся.

Наконец, в пятой из перечисленных мер информационно-правовой ответственности обязанность реализации ограничений по сбору и использованию персональных данных пользователей возлагается на сами интернет-ресурсы, а также на широкий круг участников общественных отношений по обороту персональных данных, включая органы публичной власти и коммерческие организации¹³. Данная мера ответственности представляется нам наименее проработанной на данном этапе в связи с тем, что персональные данные составляют значительную часть оборота данных в киберпространстве и обладают высокой ценностью. Как отмечает Э.В. Талапина, проблема защиты размещенных в киберпространстве персональных данных сохраняет свою актуальность даже после смерти гражданина, являющегося их носителем [7, с. 126].

Что же касается критерия субъектов, подлежащих привлечению к такой ответственности, и субъектов, уполномоченных привлекать к такой ответственности, то их круг чрезвычайно широк, и вместе с тем, не систематизирован. В 2023 году мы опубликовали исследование механизмов функционирования публично-правовых норм в киберпространстве, где отметили, что в роли субъектов общественных отношений, складывающихся в киберпространстве, выступает широкий круг лиц, относящихся к частному и публичному праву, многие из которых до сих пор не получили своего легального определения [8]. Эта особенность не позволяет предложить для информационно-правовой ответственности путь включения в уже существующие виды ответственности, который прошла, например, ответственность за нарушения таможенного законодательства, «растворившись» в уголовном и административном законодательстве.

Применение государством мер информационно-правовой ответственности требует поддержания надлежащего уровня безопасности критической информационной инфраструктуры. Ещё в 2000 году Ю.А. Нисневич предупреждал, что широкое заимствование зарубежного программного обеспечения (и шире – информационных технологий) приведет к тому, что «национальный научно-технический потенциал нашей страны резко сократится, фундаментальные и прикладные научные исследования, проектные и опытно-конструкторские работы будут проводиться в минимальных объемах, а производственный потенциал переключится на внедрение и сопровождение технических систем и средств зарубежного производства» [9, с. 78].

Для того чтобы избежать указанных последствий необходима реализация комплекса мер, направленных на создание «цифрового суверенитета» государства [10]. На решение данной задачи направлены принятые в 2018–2019 годах федеральные законы, установившие требования к безопасности информационных систем, относящихся к критической информационной инфраструктуре, и обусловившие создание национальной системы доменных имён (НСДИ)¹⁴. Можно констатировать, что реализация указанных актов не привела к изоляции российского сегмента киберпространства, падению скорости передачи данных или иным неблагоприятным последствиям. Органами публичной власти,

¹² П. 2 ст. 11 Закона о приземлении.

¹³ Ст. 16 Закона о приземлении.

¹⁴ Федеральные законы от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»; от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ответственными за реализацию правовых новелл, по всей видимости, был учтен как положительный, так и отрицательный опыт построения аналогичной суверенной инфраструктуры доступа к киберпространству в зарубежных странах, прежде всего, в Китае [11].

Заключение

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что уголовная, гражданская и иная ответственность за информационные правонарушения не тождественна информационно-правовой ответственности, рассмотренной в данной статье. Рассмотренные меры имеют ярко выраженную специфику источника, оснований, содержания и субъектов ответственности, что позволяет отграничить их от других известных правовой науке видов юридической ответственности. В то же время, эти меры нуждаются в систематизации, которая может быть обеспечена путем кодификации информационного законодательства. Принятие информационного кодекса позволит зафиксировать самостоятельный характер информационно-правовой ответственности и увязать ее с кругом субъектов информационных правоотношений.

Практическая реализация проанализированных в исследовании мер ответственности не лишена недостатков, но уже сейчас можно положительно оценить подход законодателя, который учёл при проектировании правовых норм трансграничную природу киберпространства, а также экономическую основу складывающихся в нем общественных отношений.

Список литературы

1. Кузьмин И.А. Система юридической ответственности, как объект научных исследований // Государство и право. – 2018. – № 10. – С. 61–70.
2. Огородов Д.В. Правовые отношения в информационной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.14. – Москва: Институт государства и права РАН, 2002.
3. Авдеенкова М.П. Элементы системы юридической ответственности и особенности их взаимодействия // Современное право. – 2008. – № 5. – С. 44–49.
4. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации общества // Государство и право. – 2024. – № 1. – С. 81–91. – DOI: 10.31857/S1026945224010087.
5. Kohl U. Jurisdiction in Cyberspace: Research Handbook on International Law and Cyberspace – Cheltenham, 2015.
6. Дейнеко А.Г. Авторское право в киберпространстве: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 152 с.
7. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 5. – С. 117–150.
8. Дейнеко А.Г. Публичное право в киберпространстве (публично-правовое регулирование информационных отношений): монография. – Москва: Проспект, 2023. – 248 с.
9. Нисневич Ю.А. Информация и власть. – Москва: Мысль, 2000.
10. Duarte M. Network Sovereignty: Building the Internet Across Indian Country. – Seattle, WA: University of Washington Press, 2017.
11. Троцинский П.В., Молотников А.Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 2. – С. 309–326.

References

1. Kuz'min I.A. Sistema yuridicheskoy otvetstvennosti, kak ob'ekt nauchnyh issledovaniy // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 10. – S. 61–70.
2. Ogorodov D.V. Pravovye otnosheniya v informacionnoj sfere: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk 12.00.14. – Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN, 2002.
3. Avdeenkova M.P. Elementy sistemy yuridicheskoy otvetstvennosti i osobennosti ih vzaimodejstviya // Sovremennoe pravo. – 2008. – № 5. – S. 44–49.

4. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* K voprosu o kodifikacii informacionnogo zakonodatel'stva v usloviyah cifrovoj transformacii obshchestva // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 1. – S. 81–91. – DOI: 10.31857/S1026945224010087.
5. *Kohl U.* Jurisdiction in Cyberspace: Research Handbook on International Law and Cyberspace – Cheltenham, 2015.
6. *Dejneko A.G.* Avtorskoe pravo v kiberprostranstve: monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 152 s.
7. *Talapina E.V.* Zashchita personal'nyh dannyh v cifrovuyu epohu: rossijskoe pravo v evropejskom kontekste // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2018. – T. 13, № 5. – S. 117–150.
8. *Dejneko A.G.* Publichnoe pravo v kiberprostranstve (publichno-pravovoe regulirovanie informacionnyh ot-noshenij): monografiya. – Moskva: Prospekt, 2023. – 248 s.
9. *Nisnevich Yu.A.* Informaciya i vlast'. – Moskva: Mysl', 2000.
10. *Duarte M.* Network Sovereignty: Building the Internet Across Indian Country. – Seattle, WA: University of Washington Press, 2017.
11. *Troshchinskij P.V., Molotnikov A.E.* Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya cifrovoj ekono-miki i cifrovyh tekhnologij v Kitae // Pravovedenie. – 2019. – T. 63, № 2. – S. 309–326.

УДК 316.3

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕФОРМ 1860-Х ГОДОВ

Видова Татьяна Александровна¹,

канд. ист. наук, доцент,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Статья посвящена актуальным аспектам формирования гражданского общества в России. Институт гражданского общества является неотъемлемым атрибутом любого правового государства, однако его формирование обусловлено появлением определенных условий в политической, социальной, экономической и культурной сферах. В истории России данные предпосылки появились во второй половине XIX века в результате реформ императора Александра II, которые создали условия для становления гражданского общества. Целью автора является проанализировать исторический ход страны к формированию гражданского общества, рассмотреть реформы 1860-х годов в России в контексте появления оснований к формированию гражданского общества, выявить сущность данных предпосылок, определить роль реформ для формирования гражданского общества в России.

В ходе исследования были применены исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Автор делает вывод о появлении необходимых условий в политической, социальной, экономической и культурной сферах для формирования гражданского общества в России, а также о формировании элементов гражданского общества в результате реформ 1860-х годов в России.

Ключевые слова: реформы 1860-х годов, отмена крепостного права, земская реформа, судебная реформа, сословное равенство, военная реформа, школьная реформа, гражданское общество, гражданская ответственность

THE FORMING OF ELEMENTS OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AS A RESULT OF THE REFORMS OF THE 1860s

Vidova T.A.¹,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article discusses important aspects of the development of civil society in Russia. The institution of civil society is an integral attribute of any State governed by the rule of law. However, its formation is conditioned by the emergence of certain prerequisites in the political, social, economic and cultural spheres. In the history of Russia, these prerequisites occurred in the second half of the XIX century as a result of the reforms of Emperor Alexander II, which created the conditions for the forming of civil society. The aim of the author is to analyze the historical course of the country towards the forming of civil society; to consider the reforms of the 1860s in Russia in the context of the occurrence of prerequisites for the forming of civil society; to identify the essence of these prerequisites; to determine the role of reforms for the forming of civil society in Russia.

During the study, historical, comparative legal, and formal legal methods were applied. The author concludes that the necessary conditions for the formation of civil society have emerged in the political, social, economic, and cultural spheres in Russia, as well as the emergence of elements of civil society resulting from the reforms of the 1860s.

Keywords: reforms of the 1860s, abolition of serfdom, zemstvo reform, judicial reform, class equality, military reform, school reform, civil society, civil responsibility

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-15-22

Введение

Вопросы формирования и развития гражданского общества в России представляют непреходящий интерес как для ученых-юристов, так и политологов и историков. Специалисты в области права предлагают разные подходы в понимании гражданского общества, его элементов, периодов формирования. Изучение истории становления гражданского общества в России является актуальным еще и потому, что его развитие не было прямолинейным, имело периоды регресса (например, в советское время), что безусловно, оказало влияние на характер и функционирование современного гражданского общества.

Существуют различные определения термина «гражданское общество». Автор придерживается подхода, разделяемого рядом ученых, о том, что гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми, культурными отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним [1, с. 58]. В качестве важного аспекта следует отметить, что все члены гражданского общества (от индивида до различных объединений) выражают разнообразные интересы, потребности членов общества и воздействуют на государство с целью их удовлетворения. В свою очередь, государство также требует от общества участия в разных сферах деятельности с целью решения государственных задач.

Таким образом, роль гражданского общества в жизни любого государства достаточно велика, и успешность взаимодействия этих двух институтов сильно зависит в том числе и от уровня сформированности гражданского общества. Однако гражданское общество не присутствует в государстве изначально. Оно складывается на протяжении долгого времени под влиянием специфических предпосылок. Наличие его может быть установлено достижением определенного уровня в политической, социальной, экономической и культурной сферах [2, с. 167]. В политической сфере общества необходимыми условиями являются гражданское равенство (равенство перед законом), гражданские права и свободы, демократизация власти – появление институтов, защищающих права людей, наличие правовой культуры. В социальной сфере общества должен быть высокий удельный вес среднего класса. Средний класс – это социальная группа людей, имеющая устойчивые доходы, достаточные для удовлетворения широкого круга материальных и социальных потребностей, и составляющая социальную базу гражданского общества. В экономической сфере общества должна присутствовать частная собственность, свободный рынок, конкуренция. Наконец, в культурной сфере общества должен быть высокий образовательный уровень населения.

В истории России огромный импульс для формирования указанных предпосылок дали реформы 1860-х годов. В настоящей статье автор постарается показать, что в результате преобразований Александра II в России началось формирование гражданского общества. В то же время движение к гражданскому обществу во второй половине XIX века столкнулось с рядом проблем, изучение которых позволит избежать трудностей в становлении гражданского общества в современной России.

Элементы гражданского общества в России до 1860-х годов

Одним из наиболее ранних проявлений гражданственности в истории России можно считать веченое самоуправление в Древнерусском государстве IX–XII вв. и Новгородской и Псковской республиках в XII–XIV вв., поскольку оно предполагало политическое равенство, демократию, плюрализм мнений, личную свободу и независимость участников. Однако вече как политический институт прекратил свое существование после включения территорий Новгорода (1478 г.) и Пскова (1510 г.) в состав Московского централизованного государства. Геополитической необходимостью для Руси стала мощная государственность, вызревшая в противостоянии как иноземным вторжениям, так и оппозиционным княжествам периода раздробленности. Это повлияло на специфику социальной дифференциации общества. В результате в период XVI–XVII вв. все население России оказалось распределено на сословия, отличавшиеся видами и объемом обязанностей по отношению к государству, однако все они находились в подчиненном, «подданническом» состоянии и ни одно из них не могло стать тем социальным слоем, который смог бы дать толчок в развитии института гражданского общества.

В ряде исследований отмечается, что потенциальными элементами гражданского общества в России могли стать церковь или крестьянская община как воплощение нравственных начал общества, как это наблюдалось в западноевропейских странах [3, с. 62]. Однако специфика социально-экономического и духовного развития России препятствовала этому. Православная церковь на протяжении почти всей отечественной истории была тесно связана с государством и зависима от него. Можно выделить лишь несколько попыток противостояния церкви государству, попыток утверждения независимости церкви (митрополит Филипп в XVI в. выступил против опричнины Ивана Грозного и патриарх Никон в XVII в. – против реформ Алексея Михайловича). В целом же православное духовенство было пассивным провластным [4, с. 30]. Торговое купеческое сословие, которое могло бы стать зародышем «среднего класса», тоже постоянно ощущало давление со стороны государства. Аналогично дела обстояли и с крестьянской общиной. Несмотря на то, что она в определенной степени являлась формой самоорганизации крестьянства, но при этом она была подчинена государству, а прежде всего – помещикам. Существование системы крепостного права, превратившей большую часть населения в бесправный придаток к земле, препятствовало созданию предпосылок для формирования гражданского общества в России [5, с. 307].

В итоге в течение длительного времени в России практически отсутствовали общественные организации, которые могли бы в своих недрах сформировать элементы гражданского общества, и оставались неразвитыми такие ценности, как равенство перед законом, гражданские свободы, правовая культура, частная собственность, свободный рынок, высокий образовательный уровень населения. Городское и местное самоуправление развивалось эпизодически (реформы Ивана IV, Петра I) и не имело независимости от верховной власти.

Существует точка зрения, согласно которой гражданское общество в России начало формироваться в период правления Екатерины II. Сторонники этого подхода утверждают, что Жалованная грамота дворянству, закрепившая привилегии, права и свободы дворян, включая право частной собственности на землю и право самоуправления, способствовала возникновению первой общественности, хоть и представленной узким и привилегированным слоем населения – дворянством [3, с. 61]. Можно согласиться с тем, что дворяне действительно получили права продвигать и защищать перед государством свои сословные и частные интересы, однако задача распространения этих прав и свобод на остальные социальные группы императрицей не принималась во внимание. Однако формирование гражданского самосознания, что, по нашему мнению, является неотъемлемым элементом гражданского общества, происходило весьма медленно и стало явлением последующих периодов. И безусловно, ни одно сословие при Екатерине II, включая дворян, не могло посягать на абсолютную власть и политические полномочия самодержца [2, с. 168].

Для населения в целом был характерен низкий уровень распространения грамотности и малая доступность образования; слабость территориальной и социальной мобильности; низкая плотность и регулярность социальных коммуникаций, степень секуляризации.

Таким образом, в результате особенностей социально-экономического и политического развития в России вплоть до середины XIX века формирование гражданского общества было невозможно, а его элементы находились в зачаточном состоянии.

Формирование в обществе идеи о необходимости преобразований и отмена крепостного права

Постепенно в передовой российской общественной мысли утверждалась идея о необходимости полного уничтожения крепостного права, которое являлось основным фактором, вызывающим отставание России от передовых на тот момент государств как в социально-экономической, так и в политической сферах. Начиная с А.Н. Радищева (1749–1802), ее представители обличали крепостничество как главное зло, которое мешает хозяйственному развитию страны и в целом недопустимо с нравственной точки зрения [6]. Еще более активно эта идея стала распространяться в первой половине XIX века. Конституционные проекты начала XIX столетия, программы декабристских обществ [7], модели общественного устройства России славянофилов и западников одной из важнейших задач ставили освобождение

дение крестьян. В частности, Н.М. Муравьев считал личную свободу неотъемлемым условием гражданства, а среди прочих условий гражданства называл законопослушность, постоянное жительство, владение грамотой [8].

Один из крупнейших российских реформаторов, опередивший свое время, М.М. Сперанский разработал проект преобразований, который должен был направить Россию по пути правового государства и гражданского общества. Он выступал за ограниченную монархию, над императором должен стоять закон. Чтобы гарантировать соблюдение императором законов, реформатор хотел создать просвещенный и политически образованный слой людей (собственников) – своеобразный буфер между престолом и народом, знающий пределы власти монарха – прототип современного среднего класса. Для этого было необходимо развитое общественное мнение (гражданское общество), которого было возможно добиться при условии ликвидации крепостничества, просвещения населения и существования независимого в экономическом и политическом отношении сословия [9]. Опора государственной власти на общество и общественный контроль над бюрократическим аппаратом были, по мнению М.М. Сперанского, залогом успеха общественно-политических перемен. К сожалению, проект остался нереализованным из-за нерешительности Александра I и противодействия консервативной части дворянства.

Веянием времени стало изменение мировоззрения и в кругах просвещенной аристократии. Эта тенденция особенно усилилась к середине XIX века и охватила царскую семью и высшие сановные круги. В числе противников сохранения крепостного права были императрица Мария Александровна, князь Константин Николаевич, великая княгиня Елена Павловна, а также министр внутренних дел С.С. Ланской. Сам император придерживался подобных мыслей. Выступая в 1856 г. в Москве перед представителями дворянства, он произнес слова, которые вошли в историю: «Я убеждён, что рано или поздно мы должны к этому [отмене крепостного права] прийти. Я думаю ... гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»¹.

Крупнейшим шагом в этом направлении стало подписание Александром II 19 февраля 1861 года Манифеста об освобождении крестьян, согласно которому крестьяне получили личную свободу, право на свое личное имущество, гражданские права². Несмотря на недостатки реформы в виде сокращения земельных наделов крестьян и установления выкупных платежей, она была прогрессивна как в политическом, так и в экономическом плане: крестьяне получили личные и гражданские права, равные правам других сословий, стали развиваться товарно-денежные отношения, производительные силы, началось формирование класса собственников.

Отдельно следует подчеркнуть моральную сторону отмены крепостного права. 1861 год вернул большей части населения Российской империи статус человека: крестьян нельзя было продавать, покупать, распоряжаться их жизнью, трудом, семейными отношениями. Думается, что отмена крепостного права положительно повлияла и на мировоззрение дворян и других состоятельных сословий, ранее являвшихся владельцами крепостных и дворовых. Идеи гуманизма и политического равенства людей, пусть неохотно, но стали внедряться в умы многих, что также способствовало повороту к гражданскому сознанию в обществе.

Формирование гражданского сознания в результате земской и городской реформ

Отмена крепостного права стала лишь первым шагом на пути к гражданскому обществу, повлекшим дальнейшие общественные преобразования. 1 января 1864 года Александр II утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», что стало основой земской реформы³. Все сословия могли участвовать на выборной основе в работе земских учреждений. В сферу деятельности земств входило: устройство и содержание местных путей сообщения, почты, школ, больницы, богаделен

¹ Речь Александра II, произнесенная 30 марта 1856 года перед московскими губернскими и уездными предводителями дворянства // История России, XVIII–XIX вв.: хрестоматия / авт.-сост. Л.Ф. Писарькова, Г.Я. Данилина. – Москва, 2003. – С. 274.

² Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». 19 февраля 1861 г. // История России, XVIII–XIX вв.: хрестоматия / авт.-сост. Л.Ф. Писарькова, Г.Я. Данилина. – Москва, 2003. – С. 292–294.

³ Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г.: хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. – Москва: Просвещение, 1990. – С. 80–82.

и приютов, «попечение» о местной торговле и промышленности, содержание местных тюрем, домов для умалишенных, организация медицинского обслуживания населения, создание сети общеобразовательных школ, ветеринарной службы, оказание агрономической помощи. Земства оказывали поддержку местным промыслам, проводили статистические исследования, занимались благоустройством городов. В 1870 году по типу земской реформы была проведена городская реформа – созданы городские думы с аналогичными полномочиями.

Создание указами Александра II земств и городских дум явилось важнейшим историческим событием. Оно означало, что на политической сцене России появился еще один субъект – общество. К началу XX в. в 34 губерниях было избрано более 10 тыс. гласных. То есть, опыт общественной работы приобретал значительный круг людей. Кроме того, к работе в земствах привлекались учителя и статистики, врачи и ветеринары, агрономы и техники. Деятельность на благо своего родного края способствовала формированию гражданского сознания. Таким образом, реформы положили начало формированию в России гражданского общества.

Формирование правового судопроизводства

Необходимость решения вопроса о соблюдении гражданских прав населения вызвала к жизни судебную реформу. 20 ноября 1864 г. Александр II подписал четыре закона:

- 1) «Учреждение судебных установлений»⁴;
- 2) «Устав уголовного судопроизводства»;
- 3) «Устав гражданского судопроизводства»;
- 4) «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

В судопроизводстве устанавливались новые демократические принципы: равенство всех перед законом (сословное равенство); равенство истца и ответчика в гражданском процессе, обвиняемого и обвинителя – в уголовном; принцип «презумпция невиновности»; независимость предварительного следствия от суда, а суда – от исполнительной власти; несменяемость судей и судебных следователей; введение институтов присяжных заседателей, адвокатуры и прокуратуры; устный характер, состязательность и гласность судебного процесса; возможность обжалования судебного решения.

Одним из важнейших политических результатов судебной реформы стало то, что представления власти и общества о предназначении суда претерпели кардинальные изменения. Вместо суда, выполняющего карательные функции, был создан суд как орган государственной власти в ходе формирования гражданского общества, деятельность которого, в первую очередь, направлена на защиту прав и свобод людей, законных интересов, разрешение на основе права споров и конфликтов [10, с. 9].

Несмотря на некоторые ограничения и сохранившиеся пережитки феодальной системы, судебная реформа была наиболее последовательной и прогрессивной из буржуазных реформ, которая сломала устаревшую инквизиционную (розыскную) систему в судопроизводстве, заложила традицию соблюдения гражданских прав и сделала шаг по повышению уровня законности самой власти.

Повышение образовательного уровня населения

Важным шагом на пути к гражданскому обществу можно также считать принятие в 1864 году законов о начальной и средней школе, так называемая школьная реформа. Разрешалось открывать и содержать общественные и частные начальные школы, вводился принцип равенства в среднем образовании для всех сословий и вероисповеданий, появились женские гимназии. Благодаря этому число лиц, получивших начальное или среднее образование, возросло к концу XIX века в 10 раз (с 450 тыс. до 3,8 млн чел.), число грамотных людей к 1897 году достигло 21,1 % от общего населения страны [11].

В 1863 году был утвержден университетский устав, предоставлявший университетам большую автономию: расширились права Совета вуза, вводилась выборность ректора, деканов, профессоров. В

⁴ Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г.: хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. – Москва: Просвещение, 1990. – С. 82–85.

70-е годы XIX века было положено начало высшему женскому образованию. Это способствовало повышению образовательного уровня населения, включению все большего числа лиц в политическую и духовную жизнь страны. Бурное развитие печати, распространение газет и журналов, последовавшее в результате реформ, создавало единое информационное пространство и общественное мнение в стране.

Наконец, военная реформа также изменила отношение населения к государству. Введение всеобщей воинской повинности заменило рекрутчину, воспринимавшуюся крестьянством как пожизненное наказание, падающее только на их сословие, распространением воинской службы на все сословия (кроме духовенства), которая отличалась адекватными сроками службы, наличием льгот по семейному положению и образовательному уровню и формировала восприятие службы как честь и долг по защите Родины.

Таким образом, в результате серии преобразований 1860-х годов, которые современники называли «эпохой великих реформ», произошли существенные изменения во всех сферах жизни общества – политической, экономической, социальной и духовной. Они способствовали утверждению гражданского равенства, становлению среднего класса, складыванию института частной собственности и просвещению народа.

В середине XIX века возник ряд структур, вокруг которых происходило формирование общественной деятельности: Вольное экономическое общество и Императорское Географическое общество, Литературный фонд, Студенческая секция и Вольный университет, комитеты по распространению грамотности, воскресные школы, Шахматный клуб, различные предпринимательские союзы. Они способствовали активизации политической жизни в России [2, с. 170–171].

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что, безусловно, формирование гражданского общества невозможно осуществить в короткие сроки или по чьей-либо воле. Оно происходит под влиянием объективных исторических процессов при условии соответствующих сложившихся обстоятельств. Однако нельзя отрицать, что период 1860-х годов и реформы, проведенные Александром II и его сторонниками, способствовали трансформации общественного сознания, снижению правового нигилизма и значительно продвинули Россию по пути формирования гражданского общества.

В итоге в результате реформ 1860-х годов в Российской империи появились политические, экономические, социальные и культурные предпосылки для возникновения гражданского общества, вследствие чего, по нашему мнению, и началось его формирование. К концу XIX века сложились важные элементы гражданского общества: все сословия имели гражданское равенство, все они имели гражданские свободы, являлись субъектами гражданского права, возросла социальная и образовательная мобильность населения, появилась гласность в общественной сфере и судопроизводстве; в экономике быстрыми темпами развивались частная собственность и капиталистические отношения, формировались классы. Бесспорным был рост образования и просвещения народа.

Однако серьезным недостатком реформ являлось слабое взаимодействие государства и общественных союзов, пренебрежение верховной властью, не допускавшей мысли о смене формы политического устройства (переход от абсолютной монархии к конституционной). Этого требовал весь ход преобразований Александра II, а также внутренняя логика развития гражданского общества. По словам Б.Н. Чичерина, в гражданском обществе «точкою отправления служат субъективные требования лица, которые постепенно ведут к восстановлению необходимого для удовлетворения их общественного строя» [12, с. 556].

Общественное движение, появившееся после 1860-х годов и не подкрепленное соответствующим движением государственной власти, из двух возможных вариантов развития – правового и силового – неизбежно выбрало второй как более легкий, что привело к росту оппозиционных и террористических сил, а также политической апатии части населения.

Поэтому, отдавая должное мероприятиям Александра II, которые способствовали существенным изменениям во всех сферах жизни общества, политической, экономической, социальной и духовной и привели к формированию элементов гражданского общества, нельзя не отметить, что этот процесс не

мог быть завершён без диалога власти и общества, смены политической системы в соответствии с развитием общества. Игнорирование этой взаимосвязи его преемниками привело к трагическим событиям 1905–1907, а затем 1917 годов.

В настоящее время российское общество также переживает трудный период, присутствуют такие явления, как измельчание среднего класса, разрастание бюрократического аппарата, недоверие к власти, политический нигилизм. И сохранить институт гражданского общества в России можно только, если обратиться к урокам прошлого и постараться избежать ошибок истории.

Список литературы

1. *Кашанина Т.В., Кашанин А.В.* Российское право: учебник. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 784 с.
2. *Нурлыгаянов М.Ф.* Формирование элементов гражданского общества в России в эпоху великих реформ // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2014. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-elementov-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii-v-epohu-velikih-reform> (дата обращения: 20.06.2024).
3. *Углов С.А.* Становление и развитие института гражданского общества в современной России // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 56–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-instituta-grazhdanskogo-obschestva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.09.2024).
4. *Фадеева А.Н.* Этапы и предпосылки формирования гражданского общества в России // Диалог. – 2015. – № 1. – С. 26–31.
5. *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. История народного рабства. – Москва: Вече, 2011. – 320 с.
6. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Избранные произведения. – Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1949. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1850/index.html> (дата обращения: 29.07.2024).
7. *Пестель П.И.* Русская правда. – URL: <https://hrono.ru/dokum/1800dok/1825pravda.php> (дата обращения: 29.07.2024).
8. *Муравьев Н.М.* Конституция. – URL: <https://hrono.ru/dokum/1800dok/1825konstmur.php> (дата обращения: 29.07.2024).
9. *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования). – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (дата обращения: 29.07.2024).
10. *Попова А.Д.* Судебные реформы как механизм формирования гражданского общества в России (на материалах судебных реформ второй половины XIX века и рубежа XX–XXI веков): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 Отечественная история. – Москва, 2009. – 54 с.
11. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1919). Статистические очерки / под ред. С.Г. Струмилина. – Москва: Гос. стат. изд-во, 1956. – URL: <https://istmat.org/node/86> (дата обращения: 29.07.2024).
12. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство / под ред. И.И. Евлампиева. – Санкт-Петербург, 2005.

References

1. *Kashanina T.V., Kashanin A.V.* Rossijskoe pravo: uchebnik. – 2-e izd., peresmotr. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2013. – 784 s.
2. *Nurlygayanov M.F.* Formirovanie elementov grazhdanskogo obshchestva v Rossii v epohu velikih reform // Social'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya. – 2014. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-elementov-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii-v-epohu-velikih-reform> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
3. *Uglov S.A.* Stanovlenie i razvitie instituta grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2021. – № 15. – S. 56–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-instituta-grazhdanskogo-obschestva-v-sovremennoj-rossii> (data obrashcheniya: 03.09.2024).
4. *Fadeeva A.N.* Etapy i predposylki formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii // Dialog. – 2015. – № 1. – S. 26–31.
5. *Tarasov B.Yu.* Rossiya krepostnaya. Istoriya narodnogo rabstva. – Moskva: Veche, 2011. – 320 s.
6. *Radishchev A.N.* Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu // Izbrannye proizvedeniya. – Moskva; Leningrad: Goslitizdat, 1949. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1850/index.html> (data obrashcheniya: 29.07.2024).

7. *Pestel' P.I.* Russkaya pravda. – URL: <https://hrono.ru/dokum/1800dok/1825pravda.php> (data obrashcheniya: 29.07.2024).
8. *Murav'ev N.M.* Konstituciya. – URL: <https://hrono.ru/dokum/1800dok/1825konstmur.php> (data obrashcheniya: 29.07.2024).
9. *Speranskij M.M.* Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennyh zakonov (Plan vseobshchego gosudarstvennogo obrazovaniya). – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/speran.htm> (data obrashcheniya: 29.07.2024).
10. *Popova A.D.* Sudebnye reformy kak mekhanizm formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii (na materialah sudebnyh reform vtoroj poloviny XIX veka i rubezha XX–XXI vekov): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02 Otechestvennaya istoriya. – Moskva, 2009. – 54 s.
11. *Rashin A.G.* Naselenie Rossii za 100 let (1813–1919). Statisticheskie ocherki / pod red. S.G. Strumilina. – Moskva: Gos. stat. izd-vo, 1956. – URL: <https://istmat.org/node/86> (data obrashcheniya: 29.07.2024).
12. *Chicherin B.N.* Sobstvennost' i gosudarstvo / pod red. I.I. Evlampieva. – Sankt-Peterburg, 2005.

УДК 177+321+34.1+342.571

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАНИЕ, ЕГО НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ, ДОСТОВЕРНОСТЬ И ПОЛНОТА КАК УСЛОВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИИ¹

Бабурин Сергей Николаевич¹⁻⁵,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Приднестровской Молдавской Республики, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии, e-mail: 1357343@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия,

³Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия,

⁴Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,

⁵Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Целью исследования является оценка места политико-правового знания в современном развитии государства и права, определение роли его нравственных основ, достоверности и полноты как условий цивилизационной самоидентификации России. С использованием общенаучных методов обобщения и аналогии таких специально-юридических методов, как формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой проведено сопоставление основных компонентов российского политико-правового знания с политико-правовыми подходами Запада. Аргументируется необходимость преодоления в отечественном политико-правовом знании устоявшихся стереотипов социального универсализма, экономического детерминизма и секуляризма, унаследованного от эпохи Великих революций. В основе борьбы за российский научный суверенитет должно лежать преодоление европоцентризма как мировоззренческого основания уничтожения национального самосознания и деформаций российского цивилизационного развития. Переосмысление российского политико-правового знания предполагает рассмотрение Советского Союза как опытной политико-правовой модели государства справедливости и социального равенства. Обосновывается вывод, что любая конституция строится на ценностных приоритетах общества. Цивилизационные духовно-нравственные особенности России несовместимы с мировоззренческими принципами Запада. Современное российское политико-правовое знание отражает результаты культурно-исторического развития многонационального народа РФ и сложившиеся за многие поколения свойственные ему архетипы как прообразы государственно-правовых форм, представлений общества о справедливости и роли права. Политико-правовые знания могут быть плодотворны и эффективны только при условии их гармоничной опоры на культурно-исторический опыт народа, при преодолении ими нравственного нейтралитета самого знания и вырастающей из него практики государственного строительства, при принятии в качестве камертона знания традиционных духовно-нравственных ценностей. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: политико-правовое знание, духовно-нравственные ценности, цивилизационное развитие России, достоверность и полнота системы политико-правовых знаний, нравственное государство, культурно-исторические особенности, суверенитет, национальное самосознание

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

POLITICAL AND LEGAL KNOWLEDGE, ITS MORAL FOUNDATIONS, RELIABILITY AND COMPLETENESS AS A CONDITION FOR THE CIVILIZATIONAL SELF-IDENTIFICATION OF RUSSIA

Baburin S.N.¹⁻⁵,

*Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist Worker of the Russian Federation,
Honored Lawyer of Pridnestrovian Moldavian Republic,
Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
Foreign Member of the Academy of Sciences of Abkhazia,
e-mail: 1357343@mail.ru,*

¹*Moscow Witte University, Moscow, Russia,*

²*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

³*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,*

⁴*Donetsk State University, Donetsk, Russia,*

⁵*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*

The purpose of the study is to assess the place of political and legal knowledge in the modern development of the state and law, to determine the role of its moral foundations, reliability and completeness as conditions for the civilizational self-identification of Russia. Using general scientific methods of generalization and analogy, such special legal methods as formal legal, historical and legal, comparative legal, the main components of Russian political and legal knowledge are compared with the political and legal approaches of the West. The need to overcome the established stereotypes of social universalism, economic determinism and secularism inherited from the era of the Great Revolutions in the domestic political and legal knowledge is argued. The struggle for Russian scientific sovereignty should be based on overcoming Eurocentrism as a worldview basis for the humiliation of national self-consciousness and deformations of Russian civilizational development. The reinterpretation of Russian political and legal knowledge involves considering the Soviet Union as an experienced political and legal model of the state of justice and social equality. The conclusion that any constitution is built on the value priorities of society is substantiated. The civilizational spiritual and moral features of Russia are incompatible with the worldview principles of the West. Modern Russian political and legal knowledge reflects the results of the cultural and historical development of the multinational people of the Russian Federation and the archetypes inherent in it that have developed over many generations as prototypes of state and legal forms, society's ideas about justice and the role of law. Political and legal knowledge can be fruitful and effective only if it is harmoniously based on the cultural and historical experience of the people, if it overcomes the moral neutrality of knowledge itself and the practice of statecraft that grows out of it, and if it accepts knowledge of traditional spiritual and moral values as a tuning fork. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: political and legal knowledge, spiritual and moral values, civilizational development of Russia, reliability and completeness of the system of political and legal knowledge, wholesome state, cultural and historical features, sovereignty, national identity

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-23-35

Введение

Отношение к государству и праву, к справедливости и закону всегда зависит от культурно-исторических особенностей развития нации. Для народа России, как и для всех носителей мировоззрения Русского мира, справедливость имела и имеет приоритет над внешними формами права, над законодательством и судебными установлениями. Если последние несправедливы, то просто отторгаются самосознанием русского народа. Цивилизационная самоидентичность лежит в основании политико-правового развития любых наций, а потому важна адекватность соотношения с нею политико-правового знания, ориентация этого знания на традиционные духовно-нравственные ценности.

В прошлом не раз складывались ситуации, когда казалось, что нет будущего у цивилизации любви, открытой словом Христа Спасителя. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл именно поэтому напоминает, что мы должны помнить историю, должны стараться, чтобы в сознании своём замкнуть времена, связать концы и начала: «Именно в этом обретается полнота ведения смысла человеческой истории, и без этого ведения невозможно движение в будущее. Иначе мы, как и много раз в прошлом, будем вновь спотыкаться из-за стремления объявить временные, тактические цели целями стратегическими и направить на их достижение все силы народа, тем самым истощая их» [1, с. 141–142]. Отсюда решающая роль достоверности и полноты политико-правового знания, его нравственных основ.

Помимо теневого прямого вмешательства во внутренние дела России со стороны её международных недоброжелателей (о примерах зарубежного финансирования крамольников в российских университетах на примере XIX в. писал ещё Д. Менделеев [2, с. 277–284]), существует и воздействие на общественные настроения через деформацию российского (русского) цивилизационного развития чуждыми Русскому миру идеями и институтами, пленение мозгов формирующегося поколения привлекательными западными теориями.

Конфликт современных цивилизаций с уровня экономики и политики, социального моделирования будущего, перешёл как никогда раньше в область мировоззренческого противостояния. Элементы такого противостояния имели место уже в противоборстве капитализма и социализма, но ныне они получили цивилизационный масштаб. Идёт бескомпромиссная война смыслов.

Цель настоящего исследования – оценить место политико-правового знания в современном развитии государства и права.

Задача исследования – проанализировать значение нравственных основ, достоверности и полноты политико-правового знания как результата культурно-исторического развития многонационального народа Российской Федерации и условия его цивилизационной самоидентичности.

Президент РФ В.В. Путин характеризует современные международные отношения как мировоззренческий цивилизационный кризис, выход из которого возможен только через укрепление морали и ценностей, опоры на этику в деятельности государства. Напомнив, что ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный, Президент РФ подчеркивает, что попытки ценностного диктата влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат¹. Потому и пишет помощник Президента РФ Н.П. Патрушев о необходимости системной работы по наращиванию гуманитарного присутствия России в мире, по противодействию русофобии и «отмене» российской культуры, а также по сохранению за рубежом исторической правды и памяти о роли России в мировой истории [3].

Отсюда необходимость не только знать, но и понимать политико-правовые процессы, смыслы элементов политической и правовой систем, закономерности культурного и социально-экономического развития как отдельных народов, так и всего человечества. В.С. Стёпин, выявляя несколько смыслов цивилизации, выделял среди них и цивилизацию как особый тип общества, различающийся особенностями культуры, базисных ценностей, социальных отношений и институтов, способа взаимодействия с природой, типами личностей и образа жизни [4, с. 80].

Политико-правовое знание во все века было острейшим оружием межгосударственного противоборства, ведь все перемены и революции происходят первоначально в сфере мировоззрения, лишь потом воплощаясь в социально-политические и экономические институты. Экономический детерминизм социального развития – такой же политико-правовой миф, как и любая иная доктрина, за которой стоят политические интересы. Применительно к многонациональной Русской цивилизации будем исходить из отмеченного великим Д.И. Менделеевым обстоятельства, что народы Азии представляют своего рода социальную тезу, европейцы антитезу, и лишь у русских больше всего имеется задатков для достижения цивилизационного синтеза [2, с. 276].

Но моделирование построения в России нравственного государства и цивилизационного общества не является предметом настоящего исследования, хотя и остается центральной задачей политико-правового знания [5, с. 500–520; 6, с. 431–435; 7, с. 44–56; 8]. Сосредоточим внимание на предпосылках

¹ Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 22.06.2024 г.).

такого моделирования на условиях успешного противодействия деформации российского цивилизационного развития.

При написании статьи использовались классические общенаучные методы, такие как обобщения и аналогии, специально-юридические методы: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, что позволило провести сопоставление основных компонентов политико-правового знания различных цивилизационных систем современности.

Противодействие деформациям российского цивилизационного развития

Великие революции XVII–XVIII вв. разрушили не только европейский феодализм, они разрушили европейские традиционные ценности, перестроили в эпоху Просвещения европейское общество на началах гуманистического безбожия, либерального отрицания традиционной охранительной роли государства, отказа от национальной самоидентичности народов. Революционный космополитизм Кондорсе сменился воинствующим интернационализмом К. Маркса, а последний – глобализацией мира по североамериканским социально-экономическим стандартам общества потребления.

Конституционная реформа 2020 г. стала основой возрождения в Российской Федерации духовно-нравственных основ политико-правового знания, без чего восстановление российского цивилизационного пути развития просто невозможно. Вся система российских конституционных норм, даже нормы «неизменяемой» гл. 1 Конституции РФ, обрели новое звучание, исходя из того, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Она чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды, а семейные ценности, духовное, нравственное развитие детей, воспитание в них патриотизма взяла под свою защиту (ст. 67.1 Конституции РФ). «Победа в Великой Отечественной войне была праведной», – подчёркивает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. С самого начала она «стала именоваться священной войной, то есть войной за правду» [9, с. 29]. Историческая память, почитание героев войны – основа современного самосознания граждан России.

Цивилизационные ценности русского культурно-исторического типа очерчены ныне целой серией актов Президента РФ. Это признание России государством-цивилизацией², признание существования нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны³. 8 мая 2024 г. Президент РФ подписал Указ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»⁴, в котором сформулировал основополагающие шаги по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний, направленные на формирование научного понимания прошлого и настоящего России как одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти. Особо оговорена роль противодействия попыткам умаления подвига народа России при защите Отечества.

Возрождение духовно-нравственных основ политико-правового знания позволяет найти пути успешного противодействия деформациям российского цивилизационного развития. В мировоззренческом плане это означает, что необходимо безжалостно преодолеть в отечественном политико-правовом знании устоявшиеся стереотипы социального универсализма, экономического детерминизма и унаследованного от эпохи Великих революций секуляризма.

² Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 13.06.2024 г.).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.12.2022 г.).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 23.06.2024 г.).

Политико-правовой универсализм отрицает роль самобытности народов и государств, считая возможным к формированию политических и правовых систем национальных государств подходить с едиными – универсальными – критериями. Универсализм, став политико-правовым механизмом глобализации, ныне стал основной методологией транснационального управления человечеством. Между тем, ещё Н.Я. Данилевской подчёркивал: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций [10, с. 91]. Тем более, что даже в суверенитете государств отражаются не только правовые и политические, но и духовно-нравственные основы государственной деятельности [11, с. 54].

Очень обоснованно И.А. Тарасевич утверждает, что экзистенциальная база проявляется в правовой сфере, когда научные концепции, а также нормативно-правовые акты, выстроенные на их основе, в том числе Основной закон того или иного государства, формируются на базе жизненного опыта и часто глубоко личных переживаний авторов, их религиозных взглядов. При этом мотивы научной и законотворческой деятельности чаще всего остаются глубоко латентными, но без их вскрытия адекватное правоприменение затруднено [12, с. 30]. Отсюда важность конкретно-исторического, цивилизационного подхода политико-правовых исследований, преодоление укоренившихся в политико-правовом знании за XX в. традиций правового универсализма и безосновательной унификации.

Экономический детерминизм К. Маркса как социально-экономическая доктрина полагает, что только экономические отношения являются фундаментом, над которым надстраиваются все социальные, в том числе политические, правовые, культурные механизмы общества. Социально-экономический прогресс происходит первоначально в мировоззрении, в идеологии эпохи, лишь потом он обретает материальные формы в экономике и политике. Потому В.И. Ленину, как революционеру-практику с гениальной политической интуицией, и довелось, убедившись в провале революционной попытки быстрого строительства «военного коммунизма», признать абсолютную необходимость отказа от классических марксистских представлений об экономической основе коммунизма и провозгласить «новую экономическую политику», исправляющую политико-экономические ошибки большевиков, признать даже необходимость перемены сущности и формы союза крестьян и рабочих [13, с. 150–151; 14, с. 308]. Роль экономического базиса велика, но экономические отношения рождаются первоначально в умах людей, там же назревает и их пересмотр. Отсюда решающее значение духовно-нравственных основ любого мировоззрения, конструирующего экономические отношения.

Продолжая богоборческую линию Великих буржуазно-демократических революций прошлого, большевики в России отвергли веру в Бога и гордились тем, что борются с религией по-настоящему [13, с. 146]. Отрицание религиозных начал отечественного культурно-исторического наследия было одной из системных ошибок советского социализма. Секуляризм привёл Запад к бездуховному обществу. Россия до 2020 г. была на пути к тому же результату. Именно поэтому видеть в распространении конституционного регулирования на духовно-нравственные и социокультурные отношения лишь гуманизм конституции [15, с. 36], защита плюралистического общества от нравственных императивов [16, с. 62–64] означает вольное или невольное сохранение духовной слепоты общества. Укрепление нравственных начал общества важно, но оно должно сопровождаться укреплением в обществе веры и святых, признания стремления к спасению души целью достойной жизни, а это выходит за рамки секулярного гуманистического мировоззрения.

Серьёзного переосмысления требует и различие в подходах российской и западной политико-правовой науки к вопросу законности. Если проблематика правового государства и власти законов в западной политико-правовой мысли в целом акцентировала внимание на устройстве внешнего порядка и равнозакония [17, с. 83], то в отечественных подходах на протяжении веков сохранялось доминирование приоритета справедливости и правды. Как, впрочем, заслуживает отдельного внимания конкретно-исторический подход к либерализму и проблеме свободы как важным компонентам политико-правового знания [18, с. 26–32].

Противодействие деформации российского цивилизационного развития ещё только началось. Нравственные ценности, став не только этическими, но и правовыми категориями, всё настойчивее входят в правотворческую и правоохранительную деятельность органов публичной власти [19, с. 153]. Но в основе борьбы за национальную самоидентичность – восстановление исторической правды о прошлом и настоящем.

**Роль полноты и достоверности политико-правового знания в укреплении
цивилизационной самоидентичности России**

Национальная самоидентификация – это память о Родине и любовь к ней. Это в либерализме патриот лишь тот, кто стремится сделать свою страну открытой для сотрудничества со всеми другими странами и народами, поскольку либерализм есть гуманизм, а либерал – гражданин мира, космополит [20, с. 31]. Традиционные общества, к которым относится не только Россия, но и весь Русский мир, рассматривают подобную интерпретацию патриотизма как опаснейшую цивилизационную деформацию. Любовь к Богу, к Отечеству, к семье не противостоит в нашем понимании любви к ближнему и всем другим людям, но предполагает двусторонние отношения любви и братства при сохранении права каждого народа на его особую культурно-историческую личность. И суверенитет такой личности должен быть безусловно защищён суверенитетом государства. В этом ценностно-смысловая основа национальной безопасности в абсолютном большинстве концепций политико-правового знания [21, с. 16–21].

Для российского общества ныне очевидно, что противодействие фальсификации истории является приоритетным направлением деятельности органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества [3]. В основе борьбы за российский научный суверенитет должно лежать преодоление европоцентризма как мировоззренческого основания уничтожения национального самосознания и деформаций российского цивилизационного развития.

Ярким примером нахождения отечественной истории в плену западной историографии и политологии является датировка Второй мировой войны. Далеко не случайно Запад празднует день победы над гитлеровской Германией не 9, а 8 мая. Само подписание акта о капитуляции Германии 7 мая в Реймсе было сделано с целью принизить роль Советского Союза в общей Победе.

Следует изменить наше отношение к дате начала Второй мировой войны. Общепринятым даже в отечественной историографии полагается, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. с нападения Германии на Польшу при соучастии СССР в новом разделе Польши [22, с. 52, 68]. А ведь это не соответствует фактической стороне дела. Мировая война началась в Азии 7 июля 1937 с нападения Японии и государств, её сателлитов, на Китай. Да и в Европе начало мировой войны следует датировать 1 октября 1938 г. когда после Мюнхенского сговора Великобритании, Франции, Италии и Германии началось вторжение Германии в Чехословакию. Да, кровопролитных боёв не было, но попытки сопротивления имели место, суверенитет европейского государства был уничтожен вопреки воле его народа, а территория Чехословакии после этого разделена 2 октября 1938 г. между Германией и Польшей. Позднее в разделе Чехословакии приняла участие и Венгрия.

«Война была отложена», – утверждает о событиях 1938 г. Запад. Цель подтасовки даты начала войны проста: при признании начала войны в Европе 1 октября 1938 г. её виновниками оказываются не только Германия, но и Великобритания, Италия и Франция. А с ориентиром на 1 сентября 1939 г. – Германия и занявшая Восточную Белоруссию и Восточную Украину Россия (Советский Союз). Правда о подготовке и начале Второй мировой войны ещё только начинает пробиваться на авансцену политико-правового знания, как и достоверная оценка роли Договора между Германией и СССР от 3 августа 1939 г. [23].

Столь же важно переосмыслить наше собственное отношение к германо-советским соглашениям 1939 г., позволившим Советскому Союзу выиграть два года мира и перенацелить агрессию Германии на запад. Постановление Второго Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» должно быть отменено как политически ошибочное и юридически безосновательное.

От апологетики Великой Октябрьской социалистической революции и её социальных последствий, как и от привнесённого с Запада огульного антисоветизма и антикоммунизма пора переходить к осмыслению отечественной истории XX в. на основе достоверных и полных фактов и закономерностей.

Никакая социально значимая цель не может возникнуть без духовно-нравственных и интеллектуальных потребностей общества. В результате свержения Царя и Февральской буржуазно-демократической революции Россию попытались подстроить под Европу, игнорируя чаяния и интересы русского крестьянства, заигрывая с национальной элитой окраин. Единое Российское государство перестало существовать, о своём самоопределении заговорили Украина, Финляндия, области Прибалтики и Закавказья.

казья, даже Сибирь с её воспрянувшим областничеством. Февралисты попытались перекроить Россию под западные буржуазные стандарты, сделать из России «европейское государство и общество», но народ этого не понял и не принял. Обрушился фронт, а потом и страна. На территории некогда могучей и прочной мировой державы воцарились хаос и этнический эгоизм некогда дружных народов.

Большевики, представляя Россию «тюрьмой народов», попытались построить новое счастливое общество всеобщего равенства и братства на отказе от «буржуазных» государства и права, от религии и нравственности, от семьи и других «родимых пятен» капитализма. Уже в Декларации прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. они провозгласили раскрепощение не только крестьян, рабочих, солдат, но и народов, за которыми признали право на самоопределение вплоть до отделения. Но подчеркнули при этом, что всё это – ради установления полного взаимного доверия⁵. В январе 1918 г. в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа они повторили лозунг свободного союза свободных наций. Закрепили этот лозунг в первой советской конституции – Конституции РСФСР 1918 г. Однако, даже пролетарский террор не помог успеху этой попытки насильственного, по туманным схемам К. Маркса, построения нового общества. Большевики отступили, перешли к НЭПу, «временно» признали необходимость государства.

Но вот как восстанавливать разрушенное единство народов – это был вопрос. Изначально В.И. Ленин и его последователи были за традиционное унитарное устройство государства, против федераций, но практика жизни им показала, что восстановление единого Российского государства на основе унификации невозможно. Даже в самой партии большевиков были сильны национально-сепаратистские настроения. Вот сегодня можно себе представить, чтобы Белоруссия, Казахстан или Молдова вступили бы в Российскую Федерацию на правах её субъектов?

Ориентировавшиеся на создание Российской Советской Республики большевики попытались провозгласить федеративное устройство Советской России, но это лишь частично погасило территориальный и национальный сепаратизм. Тогда родилась идея Союза ССР и договорной федерации по национальному признаку, революционный напор пролетарской Красной Армии сил дополнил эту идею.

Советский Союз, задуманный как политико-правовая модель государства справедливости и социального равенства, стал реальностью и просуществовал до 1991 г. Погубили его не столько происки и спецоперации внешних врагов, сколько цивилизационное предательство части партийно-хозяйственной номенклатуры – советской элиты, захотевшей приватизировать народное достояние.

Были, однако, и системные мировоззренческие ошибки, ошибки советского политико-правового знания, которые советское общество начало исправлять (для того и была необходима Перестройка), но не успело, и эти ошибки изнутри ослабили СССР, сыграли на руку разрушителям.

Первое – роковой революционной чертой советского социализма было отрицание духовно-нравственных ценностей общества, уходящих корнями в религиозную традицию народа. Агрессивная борьба с Церковью и верой вообще, попытка вслед за Западом убрать Бога их центра системы нравственных координат общества. Со времён Великой Отечественной войны ситуацию стали исправлять, однако возглавивший КПСС недобитый троцкист Н.С. Хрущев попытался вновь сделать атеизм религией общества. Не удалось, но и найти гармонию в отношениях общества, государства и религии в СССР не успели. В революционной Кубе баланс нашли, потому социалистическая Куба устояла даже тогда, когда её предали вожди советской Перестройки.

Вторая изначальная ошибка большевиков не менее серьёзна. Был ошибочно решен вопрос о собственности. Справедливо объявив частную собственность главным принципом капитализма, уничтожающим свободу и равенство людей, революционеры провозгласили землю, недра, природные богатства общенародным достоянием. Ошибка была сделана потом, когда вместо наделения именно народа этой собственностью, её передали государству. При управлении народной собственностью от лица государства сформировался целый класс номенклатурной бюрократии, который к 80-м гг. захотел эту собственность присвоить и передать по наследству. Именно она, гнилая часть партийно-хозяйственной номенклатуры и была заказчиком убийства СССР. А простой человек, человек физического и умственного труда, честный труженик, был лишен доступа к общенародной собственности в течение всего XX века. Да и в личной собственности он имел самые нелепые ограничения.

⁵ Декларация прав народов России, 2 (15) ноября // Декреты Советской власти. – Т. 1. – Москва: Госполитиздат, 1957. – С. 40.

Для русской национальной идеи важны не западный рационализм и правильное законодательство, а традиционная для Руси нравственная опора, предполагающая справедливость, общинность, солидарность, сострадание и взаимопомощь. Русская идея немыслима без формулы Ф.М. Достоевского, которую он вывел при завершении своего романа «Братья Карамазовы»: «Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг о друге»⁶. В этих мудрых словах – отражение цивилизационной основы современной российской государственности, высвобождающейся из-под груза прошлых ошибок.

Пора вносить коррективы в наши собственные политические и правовые оценки отечественной истории XX в. Что должно сопровождаться современным переосмыслением роли России в мировой истории XX в. Следует вернуться, например, к полной и достоверной правовой оценке Версальского мирного договора 1919 г., в котором Запад не только не вознаградил Россию за большой вклад в победу Антанты в Первой мировой войне, но, пользуясь Гражданской войной в России, изрядно помародерствовал у России территориально. Необходима достоверная и полная самооценка роли России в Первой мировой войне 1914–1918 гг., потерявшейся в отечественной историографии XX в. в тени Гражданской войны 1918–1922 гг.

Борьба за достоверность и полноту отечественного политико-правового знания началась, впрочем, ещё во времена М.В. Ломоносова с вопроса о роли варягов в становлении российской государственности. «Норманисты» и «антинорманисты» и ныне остаются символом мировоззренческой борьбы в недрах политико-правового знания, олицетворением важности поиска достоверного основания для русской национальной самоидентичности.

Отнесение к особо значимым ныне для российского общества традиционным духовно-нравственным ценностям патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высоких нравственных идеалов, приоритета духовного над материальным, исторической памяти и преемственности поколений позволяет нам бороться за российский научный суверенитет, за достоверность и полноту системы российского политико-правового знания, за выверенность и достоверность юридической историографии.

Конституционализм нравственных основ российского политико-правового знания

Деформация российского цивилизационного развития базируется на либеральной парадигме социального развития, закреплённой во многих нормах гл. 1 Конституции РФ, прежде всего в ст. ст. 2, 8, 13, 14, 15 Конституции РФ. Пока единственной высшей ценностью объявлены права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ) нет места для ценностей, которые не ниже прав и свобод человека, таких как его вера, святости, Отечество. Да и такие традиционные ценности как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России лишаются конституционно-правовой надёжности.

Между тем, духовно-нравственным камертоном российского политико-правового знания всегда выступало и выступает стремление к справедливости.

В римском праве справедливость также выступала основой порядка, обретая свои отражения в нормах законов. Лишь при легистах форма победила содержание, заложив основание для юридического позитивизма. На Руси справедливость, воплотившаяся в нормы Русской правды, стала стержнем рождавшейся Русской цивилизации как культурно-исторического союза народов.

Страшны, но преодолимы нашествия военные, ещё более опасны искушения, меняющие душу человека, а порой и целого народа. Духовный выбор Св. благ. Князя Александра Невского, который предпочёл сохранить веру даже ценой подчинения игу Золотой Орды, способствовал тому, что Русь устояла духовно, а через поколения воспряла и как могучее государство [24, с. 9–17].

Именно восстановление духовно-нравственных основ российского политико-правового знания позволяет беспристрастно оценить, например, ересь жидовствующих, соблазнявшую Русь в XV в., от-

⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман в четырёх частях с эпилогом. Ч. III–IV. – Москва: Правда, 1991. – С. 523.

рицавшую Божественную природу Иисуса Христа, да и цивилизационную самобытность Московского государства, как отражение нараставшего в Европе секулярного гуманизма, отринутого русским обществом. Осмыслить роль европейского нигилизма, повлиявшего через террор и секуляризм Великой Французской революции на многие принципы марксизма.

Любая конституция строится на ценностных приоритетах общества. Естественное конституционное возрождение России было насильственно прервано событиями сентября–октября 1993 г. Конституция РФ 1993 г. изначально стала актом русской цивилизационной капитуляции. За фиговыми листочками механизмов разделения властей и иных конституционных институтов скрывались не только здравые, но и весьма ложные идеи. Как главное правовое воплощение победившей неolibеральной государственной идеологии, Конституция была построена на внедрявшейся в России сверху идеологии либерализма и капитализма, западноцентризма, социал-дарвинизма и антисоветизма [25]. Жестокость, обман, ложь, предательство, стяжательство, цинизм, эгоистический индивидуализм устанавливались как нормы человеческого общения и деловой этики [26, с. 182]. На культивирование этих черт образа жизни была нацелена вся система охваченных эйфорией средств массовой информации.

Перерождение европейской цивилизации в Запад развеяло иллюзии советского, а потом российского общества о желательности и возможности «общеευропейского дома». Первоначально привлекательное европейское общество потребления, совершенствуя результаты своего секулярного просвещения, интерпретируя свободу как вседозволенность, провозглашая человеческие и социальные аномалии нормой, наконец, обнажило свои несовместимые с традиционным укладом жизни сущностные черты, свойственные обществу двойных моральных и политических стандартов, культуре без Бога в системе нравственных координат.

Запад и Европейская цивилизация не тождественны. Как отмечал А.А. Зиновьев, западнизм есть сложный и целостный социальный феномен, в котором можно увидеть и капитализм, и демократию, и социализм (коммунизм), и прочие общеизвестные явления, но который как специфическое целое не есть ни капитализм, ни демократия, ни социализм (коммунизм), ни любое из прочих его свойств в отдельности. Западнизм – это особое целостное образование в теле западных стран, это «общество второго уровня по отношению к тому обществу, которое существует в этих странах испокон веков... Западнизм, став доминирующим явлением в жизни западных народов, превратил их в среду и средство своего бытия» [27, с. 46]. Гениальная догадка А.А. Зиновьева о социальном происхождении западнизма сегодня может быть дополнена пониманием, что сущностная черта этого феномена заключается в вырождении и духовно-нравственной деградации западной европейской цивилизации. Отдельные общественно-политические силы Европы ещё борются против западнизма, но в силу контроля транснациональных корпораций и космополитических элит над государством и правом, доминирования западного политико-правового знания в общественном сознании Европы большинство западных народов уже проиграло.

Эволюция либерализма, мировоззренчески опиравшегося на свободу как преференцию для избранных, всегда бывшего лишь иллюзией свободы [28, с. 237, 238], завершается тоталитаризмом транснациональных корпораций [29]. Интерпретация свободы как вседозволенности превращает Запад в общество, лишенное реальной свободы. Политические и правовые доктрины Запада такое превращение оправдывают, а Совет Европы и Европейский суд по правам человека передают этой безнравственности форму обязательного правового предписания.

Лишь конституционная реформа 2020 г. остановила Россию перед пропастью западнизма и начала превращать Конституцию РФ из манифеста неolibерализма в Основной закон общества, имеющего чёткие культурно-исторические и цивилизационные принципы. Формируется национально ориентированный конституционный нравственный каркас Российской Федерации.

Оценивая смысл конституционной поправки 2020 г., можно убедиться, что она, опираясь на традиции русского политико-правового знания, вернула Россию к традиционному ценностному мироощущению, трансформировала аксиологические основы конституционного строя, значительно развил принципы, уже имевшиеся в Преамбуле Конституции, даже в ущерб ряду норм «неизменяемой» первой главы. И речь не только о новых статьях 67.1, п. ж. 1 ч. 1 ст. 72, 75.1 и других Конституции РФ. Поправка 2020 г. акцентированно уточнила мировоззренческий смысл большинства «неизменяемых» норм

гл. 1 Конституции РФ. Такая «старая» конституционная ценность, например, как демократический правовой светский социальный характер государства опирается ныне на нормы о сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, о преемственности в развитии Российского государства и объединении России тысячелетней историей (ч. 2 ст. 67.1). Можно приводить и другие примеры смысловой трансформации привычных конституционных норм.

Начавшееся в 2020 г. в России конституционное укоренение духовно-нравственных ценностей политико-правового знания получило серьёзную опору в правовом пространстве России с утверждением Президентом РФ В.В. Путиным «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁷.

Традиционные ценности не препятствуют социально-экономическому развитию, задавая ему лишь параметры внутренней свободы. Верность традиции не должна препятствовать технологическому прогрессу.

Заключение

Итак, современное российское политико-правовое знание отражает результаты культурно-исторического развития многонационального народа РФ и сложившиеся за многие поколения свойственные ему архетипы как прообразы государственно-правовых форм, представлений общества о справедливости и роли права. Нравственное основание политико-правового знания для российской политической и правовой культуры уходит корнями в православную религиозную традицию, что принимается в России даже народами, не исповедующими православие. Однако для результативности современного политико-правового знания необходимо добиваться его достоверности и полноты, избавления от чужеродных мировоззренческих наслоений.

Пётр Великий осуществил крайне важный и нужный России технологический рывок в развитии, но этот рывок был сопровождён принудительным подражанием Европе, что нанесло удар по духовным скрепам общества и фактически подготовило потрясения конца XIX – начала XX вв. Вообще, для всей обозримой истории России характерна борьба традиционализма и новаторства, охранительства и интеллектуального прогресса. Об ошибках советского социализма уже много говорилось и писалось, но это были ошибки первопроходцев. Они были серьёзно проанализированы и учтены, например, при конструировании политической доктрины кубинского социализма, в практическом государственно-правовом развитии Вьетнама, Китая. Особняком стоит государственно-правовой опыт Ирана, не просто укрепившего свою цивилизационную идентичность, но создавшего уникальную политико-правовую конструкцию современной исламской республики.

Восстановление духовно-нравственных основ российского политико-правового знания позволяет поставить в отечественном государствоведении вопросы о возрождении народовластия наперекор привнесённого с Запада парламентаризму, о преодолении чужеродного для нашего традиционного общества синдрома многопартийности, об отечественном опыте прямого народоправства и закономерностях перерастания русского земства в систему съездов Советов, а значит и о Съезде народных депутатов СССР как недооценённой советским обществом модели Земского собора.

Политико-правовые знания могут быть плодотворны и эффективны только при условии их гармоничной опоры на культурно-исторический опыт народа, при преодолении ими нравственного нейтралитета самого знания и вырастающей из него практики государственного строительства, при принятии в качестве камертона знания традиционных духовно-нравственных ценностей.

Именно полнота и достоверность политико-правового знания обеспечивают легитимность непрерывности и преемственности российской истории, создает политический и правовой фундамент для норм ст. 67.1 Конституции РФ.

Конституционная реформа Российской Федерации, призванная избавить общество от правовых предпосылок для деформации цивилизационного развития России, началась в 2020 г., но могла бы за-

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.07.2023 г.).

глохнуть, едва начавшись, если бы не очистительная для духовности общества специальная военная операция на Украине. Развивающие принципы Преамбулы Конституции РФ ст. 67.1, ч. 4 ст. 68 о единстве культуры многонационального народа, ст. 72, 75.1 о солидарности и социальном партнерстве и др. ст. Конституции РФ, например, ст. 79 о порядке исполнения решений межгосударственных органов, являются сегодня важным основанием для преодоления Россией любых цивилизационных деформаций. Ради успешного дальнейшего государственно-правового развития России необходимо укрепление духовно-нравственных основ политико-правового знания и построение этого знания на достоверном историко-правовом фундаменте.

Список литературы

1. *Кирилл*, Патриарх Московский и всея Руси. Слово к ближним и дальним. Собрание трудов. Сер. IV. Т. 3. – Москва: Изд-во МП РПЦ, 2018. – 712 с.
2. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 г.). – Москва, 1995. – 413 с.
3. *Патрушев Н.* Защита исторической памяти – фундамент российской государственности [Электронный ресурс] // Национальная оборона. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/zashchita-istoricheskoy-pamyati-fundament-rossijskoj-gosudarstvennosti-45910.shtml> (дата обращения: 22.06.2024 г.).
4. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. – 408 с.
5. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – Москва: Норма, 2020. – 536 с.
6. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 848 с.
7. *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. – 2018. – № 7. – С. 44–56.
8. Нравственное государство. От теории к проекту / Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И.; под общ. ред. С.С. Сулакшина. – Москва: Наука и политика, 2015. – 424 с.
9. *Кирилл*, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах / сост. В.М. Терехихин. – Москва: Изд-во МП РПЦ, 2019. – 456 с.
10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – Москва: Книга, 1991. – 574 с.
11. *Шамаров В.М.* Государственный суверенитет и современные реалии: проблема соответствия // Учёные записки Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 1. – С. 51–55.
12. *Тарасевич И.А.* Россия как правопреемница СССР в борьбе с фашизмом: конституционно-экзистенциальные детерминанты // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. – 2024. – № 1. – С. 28–35. DOI 10.21777/2587-9472-2024-2-28-35.
13. *Ленин В.И.* К четырехлетней годовщине Октябрьской революции: полн. собр. соч. Т. 44. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 144–152.
14. *Ленин В.И.* О внутренней и внешней политике Республики. Отчёт ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г.: полн. собр. соч. Т. 44. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 291–329.
15. *Хабриева Т.Я.* Конституционная реформа в современном мире: монография. Москва: Наука, 2016. – 320 с.
16. *Варламова Н.В.* Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 62–64.
17. *Савенков А.Н.* Проблема законности в западной и российской юридической мысли XIX–XXI вв.: монография. – Москва: ИГП РАН; Саратов: Амирит, 2022. – 188 с.
18. *Козлихин И.Ю.* Очерки сравнительного правоведения: учебное пособие для вузов. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2020. – 204 с.
19. *Юсубов Э.С.* Духовно-нравственные ценности Конституции России как объект правовой науки // Тенденции развития юридической науки на современном этапе: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (12–13 мая 2023 г.) / отв. ред. Е.С. Трезубов. – Москва: РГ-Пресс, 2023. – С. 147–154.

20. Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее / под общей ред. Юшенкова С.Н. – Москва: Новый фактор; Минувшее, 2002. – 440 с.
21. Азутин А.В. Формирование ценностно-смысловых основ обеспечения национальной безопасности и содержание механизма реализации принципов правосудия // Вестник. Государство и право. – 2022. – № 3 (34). – С. 15–22.
22. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Е.Н. Кульков. – Москва: Наука, 2002. – 597 с.
23. Шишкин И.С. Безупречный пакт. Кто разрушил Британскую империю. – 2-е изд. – Москва: Наше Завтра, 2024. – 194 с.
24. Бабурин С.Н. Мировоззренческий выбор Александра Невского как цивилизационная основа современной российской государственности // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. – 2021. – № 3. – С. 9–17. DOI 10.21777/2587-9472-2021-3-9-17.
25. Багдасарян В.Э., архимандрит Сильвестр (Лукашенко). Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / науч. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. – Ярославль: ООО «СПК», 2022. – 256 с.
26. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории: монография. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 191 с.
27. Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения. – Москва: Астрель, 2008. – 512 с.
28. Багдасарян В.Э. Матрицы общественного сознания. – Москва: Наше завтра, 2021. – 416 с.
29. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. – Москва: Проспект, 2020. – 448 с.

References

1. Kirill, Patriarh Moskovskij i vseya Rusi. Slovo k blizhnim i dal'nim. Sbranie trudov. Ser. IV. T. 3. – Moskva: Izd-vo MP RPC, 2018. – 712 s.
2. Mendeleev D.I. Zavetnye mysli: polnoe izdanie (v pervye posle 1905 g.). – Moskva, 1995. – 413 s.
3. Patrushev N. Zashchita istoricheskoy pamyati – fundament rossijskoj gosudarstvennosti [Elektronnyj resurs] // Nacional'naya oborona. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/zashchita-istoricheskoy-pamyati-fundament-rossijskoj-gosudarstvennosti-45910.shtml> (data obrashcheniya: 22.06.2024 g.).
4. Stepin V.S. Civilizaciya i kul'tura. – Sankt-Peterburg: SPbGUP, 2011. – 408 s.
5. Baburin S.N. Nravstvennoe gosudarstvo. Russkij vzglyad na cennosti konstitucionalizma. – Moskva: Norma, 2020. – 536 s.
6. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava: uchebnik. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2017. – 848 s.
7. Lapaeva V.V. Socializm kak zakonmernyj etap vsemirno-istoricheskogo processa: s pozicij koncepcii civilizma V.S. Nersesyanca // Voprosy filosofii. – 2018. – № 7. – S. 44–56.
8. Nravstvennoe gosudarstvo. Ot teorii k proektu / Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Vilisov M.V., Netesova M.S., Ponomareva E.G., Sazonova E.S., Spiridonova V.I.; pod obshch. red. S.S. Sulakshina. – Moskva: Nauka i politika, 2015. – 424 s.
9. Kirill, Patriarh Moskovskij i vseya Rusi. O smyslah / sost. V.M. Terebihin. – Moskva: Izd-vo MP RPC, 2019. – 456 s.
10. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa. – Moskva: Kniga, 1991. – 574 s.
11. Shamarov V.M. Gosudarstvennyj suverenitet i sovremennye realii: problema sootvetstviya // Uchyonye zapiski Rossijskogo universiteta advokatury i notariata im. G.B. Mirzoeva. – 2024. – № 1. – S. 51–55.
12. Tarasevich I.A. Rossiya kak pravopremnica SSSR v bor'be s fashizmom: konstitucionno-ekzistencial'nye determinanty // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 2. Yuridicheskie nauki. – 2024. – № 1. – S. 28–35. DOI 10.21777/2587-9472-2024-2-28-35.
13. Lenin V.I. K chetyrehletnej godovshchine Oktyabr'skoj revolyucii: poln. sobr. soch. T. 44. – Moskva: Politizdat, 1974. – S. 144–152.
14. Lenin V.I. O vnutrennej i vneshnej politike Respubliki. Otchyot VCIK i SNK 23 dekabrya 1921 g.: poln. sobr. soch. T. 44. – Moskva: Politizdat, 1974. – S. 291–329.

15. *Habrieva T.Ya.* Konstitucionnaya reforma v sovremennom mire: monografiya. Moskva: Nauka, 2016. – 320 s.
16. *Varlamova N.V.* Cennostnyj diskurs v sovremennom konstitucionnom prave // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 6. – S. 62–64.
17. *Savenkov A.N.* Problema zakonnosti v zapadnoj i rossijskoj yuridicheskoj mysli XIX–XXI vv.: monografiya. – Moskva: IGP RAN; Saratov: Amirit, 2022. – 188 s.
18. *Kozlihin I.Yu.* Oчерki sravnitel'nogo pravovedeniya: uchebnoe posobie dlya vuzov. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr, 2020. – 204 s.
19. *Yusubov E.S.* Duhovno-nravstvennye cennosti Konstitucii Rossii kak ob'ekt pravovoj nauki // Tendencii razvitiya yuridicheskoj nauki na sovremennom etape: materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (12–13 maya 2023 g.) / otv. red. E.S. Trezubov. – Moskva: RG-Press, 2023. – S. 147–154.
20. Postzapadnaya civilizaciya. Liberalizm: proshloe, nastoyashchee i budushchee / pod obshchej red. Yushenkova S.N. – Moskva: Novyj faktor; Minushee, 2002. – 440 s.
21. *Agutin A.V.* Formirovanie cennostno-smyslovyh osnov obespecheniya nacional'noj bezopasnosti i sodержanie mekhanizma realizacii principov pravosudiya // Vestnik. Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 3 (34). – S. 15–22.
22. Mirovye vojny XX veka: v 4 kn. Kn. 3: Vtoraya mirovaya vojna: ist. oчерk / otv. red. E.N. Kul'kov. – Moskva: Nauka, 2002. – 597 s.
23. *Shishkin I.S.* Bezuprechnyj pakt. Kto razrushil Britanskuyu imperiyu. – 2-e izd. – Moskva: Nashe Zavtra, 2024. – 194 s.
24. *Baburin S.N.* Mirovozzrencheskij vybor Aleksandra Nevskogo kak civilizacionnaya osnova sovremennoj rossijskoj gosudarstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 2. Yuridicheskie nauki. – 2021. – № 3. – S. 9–17. DOI 10.21777/2587-9472-2021-3-9-17.
25. *Bagdasaryan V.E.*, arhimandrit *Sil'vestr (Lukashenko)*. Tradicionnye cennosti: strategiya civilizacionnogo vrozozhdeniya / nauch. red. Yu.Yu. Ierusalimskij. – Yaroslavl': ООО «СПК», 2022. – 256 s.
26. *Kerimov A.D.* Gosudarstvennaya organizaciya obshchestvennoj zhiznedeyatel'nosti: voprosy teorii: monografiya. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2018. – 191 s.
27. *Zinov'ev A.A.* Zapad: izbrannye sochineniya. – Moskva: Astrel', 2008. – 512 s.
28. *Bagdasaryan V.E.* Matricy obshchestvennogo soznaniya. – Moskva: Nashe zavtra, 2021. – 416 s.
29. *Savenkov A.N.* Gosudarstvo i pravo v period krizisa sovremennoj civilizacii: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2020. – 448 s.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Минникес Ирина Викторовна¹,

д-р юрид. наук, профессор,

e-mail: ivminnikes@mail.ru,

¹Институт правовых исследований Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия

Статья посвящена проблемам правовой охраны нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации. Анализ современного состояния охраны данных объектов в России предваряется обзором международных актов аналогичного содержания. Обозначено несколько возможных направлений приложения сил для улучшения охраны нематериальных объектов культуры. Это, во-первых, более широкое представительство культуры России на международной арене. Во-вторых, устранение коллизии в современном российском праве и правоприменительной практике, возникшей из-за неполной смены наименования объекта охраны. В-третьих, точное соблюдение предписаний ст. 6 Федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», где предусмотрено разделение объектов нематериального этнокультурного достояния на три категории: федерального значения, регионального значения и местного (муниципального) значения. Поэтому федеральный реестр должен включать только те объекты, которые действительно представляют особую историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры Российской Федерации. В-четвертых, это уточнение списка объектов нематериального этнокультурного достояния. Рекомендовано отнести к ним традиционную символику, а также сделать в законах о государственных символах акцент на их культурно-историческую, духовно-нравственную ценность. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: национальная культура, нематериальное культурное наследие, правовая охрана этнокультурного достояния, объекты нематериальные культуры, реестр, символы государства

ON THE ISSUE OF LEGAL PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL OBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Minnikes I.V.¹,

Doctor of Legal Sciences Professor,

e-mail: ivminnikes@mail.ru,

¹Institute of Legal Studies of Baikal State University, Irkutsk, Russia

The article is devoted to the problems of legal protection of the intangible ethno-cultural heritage of the Russian Federation. The analysis of the current situation of protection of these facilities in Russia is preceded by a review of international acts of similar content. Several possible ways to apply forces to improve the protection of intangible cultural assets are outlined. First, this is a wider representation of Russian culture in the international arena. Second, elimination of the conflict in modern Russian law and law enforcement practice, which arose due to the incomplete change of the name of the object of protection. Third, strict compliance with the requirements of Article 6 of the Federal Law «On Intangible Ethnocultural Heritage Of the Russian Federation», which provides for the division of objects of intangible ethnocultural heritage into three categories: federal, regional and local (municipal) significance. Therefore, the federal register should include only those objects that really represent a special historical, cultural and scientific value for the history and culture of the Russian Federation. Fourth, it is to clarify the list of objects of intangible ethno-cultural heritage. It was recommended to include traditional

symbols, as well as to emphasize their cultural-historical, spiritual and moral value in the laws on state symbols. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: national culture, intangible cultural heritage, legal protection of ethno-cultural heritage, intangible cultural objects, registry, symbols of the state

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-36-43

Введение

В настоящее время особое значение придается вопросу о национальной идентичности. Если десять лет назад исследователи, признавая «особую значимость» для России проблемы национальной идентичности, вопроса о «самоидентификации, определения ее роли и места в мировом сообществе, её предназначения, миссии», тем не менее, отмечали, что в науке эта тема не является приоритетной [1, с. 15], то в настоящее время вопрос национальной идентичности занимает умы представителей различных направлений научного сообщества. Интерес историков также вполне обоснован, поскольку «национальная идентичность не может быть создана в одночасье... Национальная идентичность может быть основана как на прошлом национальном опыте, так и на достижениях»¹.

Национальная идентичность позволяет сохранить целостность нации и государства. Она формируется веками, зависит от множества факторов социально-экономической, политической и правовой природы. Значимую роль в этом процессе играет национальная культура, нравственные установки и ценностные ориентиры: «Духовно-нравственные ценности, национальная культура составляют сердцевину самосознания нации. Только сохраняя культурную самобытность народов России можно обеспечить развитие сильной и единой страны» [2, с. 53].

История нашего государства доказывает, что даже частичная смена духовно-нравственных ориентиров, отказ от исторически сложившихся ценностей весьма болезненны для общества. Ныне же, как отмечает С.Н. Бабурин, основой развития государственности является сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей нашего многонационального народа [3, с. 9]. Поэтому обращение к данной проблеме в современной ситуации особенно актуально.

Сохранять элементы национальной культуры – это значит признавать свою сопричастность группе людей, нации, государству, отстаивать «культурный суверенитет», «культурное своеобразие»². В осуществлении этой задачи огромную роль играют правовые средства.

Механизм правовой защиты объектов материального культурного наследия сложился и действует. Достаточно вспомнить особый правовой режим памятников архитектуры и искусства и т.п. Правовые ограничения, наложенные на объекты культурного наследия, вполне оправданы – любой материальный объект конечен, и нужны усилия, чтобы сохранить его возможно долго.

Но в правовой защите нуждаются не только объекты материальной культуры. Есть более уязвимые элементы культурного наследия. Это объекты нематериальной культуры – песни, сказания, знания, праздничные обряды и т.д. В отличие от материальных объектов их нельзя подклеить или подкрасить.

Охрана объектов нематериальной культуры: к истории вопроса

Правовая защита нематериальных ценностей – это сравнительно недавняя практика.

Точкой отсчета целевой охраны объектов нематериального культурного наследия на международном уровне стал 1989 г., когда на 25 сессии 15 ноября 1989 г. в Париже Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) были обнародованы Рекомендации ЮНЕСКО «О сохранении фольклора». Принятию данного документа предшествовал ряд меро-

¹ Sourajeet Pradhani Importance of national symbols, national identity. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dailypioneer.com/2023/state-editions/importance-of-national-symbols--national-identity.html> (дата обращения: 27.06.2024 г.).

² Мухаметшина Е., Матвеева Л. Президент своим указом документально оформил культурный суверенитет России [Электронный ресурс] // Ведомости 25 лет. 26 января 2023 г. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/01/26/960489-prezident-ofornil-kulturnii-suverenitet-rossii> (дата обращения: 09.07.2024 г.).

приятый, в частности, разработка Типовых положений для национального законодательства об охране фольклора от незаконного использования и других наносящих вред действий³.

Важность «Рекомендаций» состояла в обозначении нового направления в деятельности по охране всемирного культурного наследия, однако их юридическая природа не предполагала наложения каких-либо обязательств.

В 1999 г. вместо понятия «фольклор» в оборот была введена категория «нематериальное культурное наследие» (далее – НКН, нематериальное наследие).

В 1997 г. началась работа над программой Провозглашения шедевров устного и нематериального наследия. Особый интерес представляли критерии, которым должны соответствовать претенденты на место в списке шедевров. Согласно Правилам провозглашения, чтобы быть признанным в качестве шедевра, объект должен иметь уникальную ценность, укорениться в культурных традициях определенного сообщества, выступать средством утверждения культурной самобытности и доказательством живой культурной традиции этого сообщества, отличаться непревзойденным мастерством исполнения и находиться под угрозой исчезновения.

18 мая 2001 г. в Париже состоялась первая церемония провозглашения ЮНЕСКО «Шедевров устного и нематериального наследия человечества». На церемонии объявлены первые 19 шедевров (из 36 заявленных), в ноябре 2003 г. список пополнили еще 28 шедевров, в ноябре 2005 г. – еще 43.

Несмотря на активность стран, выдвигающих свои объекты в список шедевров нематериального наследия (свыше 150 заявок от более чем сотни стран), «Рекомендация», по оценке исследователей, не в полной мере обеспечивала «адекватную и эффективную охрану» нематериального культурного наследия [4, с. 168], поскольку, как признано позднее, не было «имеющего обязательную силу многостороннего правового акта, касающегося охраны нематериального культурного наследия»⁴.

17 октября 2003 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране нематериального культурного наследия. В Конвенции в ст. 2 указано, что понимается под «нематериальным культурным наследием»⁵, и в каких областях оно проявляется. Это, в частности, устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Важно отметить, что охрана в данном документе понимается широко. Она охватывает разнообразные меры, нацеленные на «обеспечение жизнеспособности» нематериального культурного наследия: это и идентификация объектов НКН, их исследование, популяризация, возрождение, передача и т. п. Идентификацию обеспечивают обновляемые перечни нематериального культурного наследия, имеющегося на территории конкретного государства (охрана на национальном уровне) и Репрезентативного списка нематериального культурного наследия человечества и списка нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране (международный уровень охраны). Последние включали в себя и те объекты, которые признаны шедеврами в соответствии с Провозглашениями, состоявшимися в 2001, 2003 и 2005 гг.⁶

Со времени принятия Конвенции прошло более 20 лет. Представляется, что это достаточно значительный период для того, чтобы подвести первые итоги и оценить, насколько успешными были мероприятия по сохранению нематериального культурного наследия.

Основная направленность данного исследования – выяснить, как реализован посыл сохранения нематериального культурного наследия в нашей стране.

³ Model Provisions for National Laws on the Protection of Expressions of Folklore Against Illicit Exploitation and Other Prejudicial Actions.

⁴ Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 30.06.2024 г.).

⁵ «Обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» (ч. 1 ст. 2).

⁶ Конвенция вступила в силу 20 апреля 2006 г.

Некоторые проблемы охраны нематериального культурного достояния в Российской Федерации

Проблема охраны НКН в настоящее время является востребованной и рассматривается с самых разных позиций [5, с. 73–77; 6, с. 244–247; 7, с. 192–194; 8, с. 108–110]. Не претендуя на всеохватывающий масштаб исследования, представим авторскую оценку лишь нескольких аспектов.

Аспект 1. Российское нематериальное наследие в списке ЮНЕСКО

Представляется, что начать нужно с международного уровня. В 2008 г. от Российской Федерации в Репрезентативном списке ЮНЕСКО числилось два объекта – это традиционная культура старообрядцев – семейских Тарбагатайского района Забайкалья (получила статус шедевра в 2001 г.) и якутский эпос Олонхо⁷ (признан шедевром в 2005 г.). Это важные элементы национальной культуры и заслуженно представляют Россию на международной арене.

Теперь о проблемах. Спустя пятнадцать лет в списке ЮНЕСКО по-прежнему лишь два ранее обозначенных шедевра.

Стоит задать вопрос – не слишком ли мало двух объектов от нашей богатой на исторические традиции многонациональной страны? Для сравнения – Италия внесла в список ЮНЕСКО 19 объектов, Туркменистан – 9, Азербайджан – 23, Австрией описано 11 объектов и т.д. Основную причину отставания видят в отказе от ратификации Конвенции 2003 г. [9, с. 129].

Но как же жаль, что, например, Австрия заявила даже два весьма сходных объекта НКН – это традиции разведения коней липицианской породы и классическую верховую езду и школу испанской верховой езды в Вене, которая использует тех же липицианов, а знаменитая на весь мир русская тройка до сих пор не получила правового статуса культурного наследия. А ведь технология изготовления упряжи, отбор и съездка лошадей, мастерство управление упряжкой, в которой лошади идут разным аллюром, обеспечивая немислимую для конного экипажа скорость, отвечают всем требованиям к шедеврам мировой культуры – критерию уникальной ценности и традиционности, а также постепенно забываемого мастерства исполнения. Касательно культурной самобытности русской тройки вообще не может быть сомнений, ведь на долгое время именно она была символом русской души и российского государства.

Таким образом, не отрицая существования «общечеловеческой составляющей» российской системы ценностей [10, с. 197], необходимо признавать и факт общемирового значения шедевров российской культуры.

Аспект 2. Российское законодательство и правоприменение: вопросы терминологии

Следующий вопрос – это состояние законодательства о нематериальном культурном наследии и его реализация в рамках Российской Федерации.

За два десятилетия со времени Конвенции 2003 г. в России вступили в силу несколько нормативных правовых актов, предмет которых прямо или косвенно затрагивает охрану НКН. Это, в частности, законы «О народных художественных промыслах»⁸; «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»⁹; указы Президента «Об утверждении Основ государственной культурной политики»¹⁰; «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹¹; правительственные акты «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации»¹²; «Об утверждении концепции сохранения и развития нематериаль-

⁷ По оценкам историков, «возраст» Олонхо превышает 1200 лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://1sn.ru/olonxo-sedevr-mirovogo-naslediya> (дата обращения: 26.06.2024 г.).

⁸ Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ в ред. 12.12.2023 № 585-ФЗ.

⁹ Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809.

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 1277.

ного культурного наследия народов РФ на 2009–2015 годы»¹³, «Концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния России на период до 2030 года»¹⁴ и др.

Можно только приветствовать принятие актов, нацеленных на сохранение НКН. Но этот же факт является причиной своего рода коллизии.

Закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» требует от органов государственной власти всех уровней формирования и ведения государственного реестра объектов нематериального этнокультурного достояния (далее – НЭКД). Порядок внесения объектов в данный реестр обозначен Положением о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации, а 24 октября 2003 г. Министерство культуры объявило о приеме заявок в реестр НЭКД. Но на общегосударственном уровне продолжает действовать и пополняться Реестр объектов нематериального культурного наследия¹⁵. Напрашивается вопрос – как соотносятся два упомянутых реестра? Судя по контексту – это разные реестры.

С другой стороны, 14 ноября 2022 г. пресс-служба Министерства культуры РФ анонсировала новость о том, что «В Санкт-Петербурге в Антологию народной культуры представили 100 объектов нематериального культурного наследия», а в тексте сообщения указано, что «В Антологию народной культуры вошли обряды и праздники, эпические сказания, ремёсла, промысловые, песенные и танцевальные традиции – ровно 100 объектов нематериального этнокультурного достояния народов России»¹⁶.

На уровне субъектов федерации также возникла путаница. Некоторые субъекты сохранили в названии реестра термин «объект нематериального культурного наследия», другие объявили о создании реестра с новым названием «нематериальное этнокультурное достояние», при этом сохранив и реестры с прежним заголовком, третьи смешали оба наименования в одном реестре¹⁷, а кто-то просто счел их идентичными (о чем, в частности свидетельствует заявление о том, что в Татарстане уже в 2020 г. было много «зафиксированных объектов нематериального этнокультурного достояния»¹⁸, хотя этот термин датирован 2022 г. и в 2020 г. еще не использовался). Такие разночтения в правоприменительной практике отнюдь не способствуют улучшению общего состояния правовой охраны культурного наследия РФ.

Аспект 3. Федеральный реестр и его наполнение

Важным моментом нового законодательства РФ является разделение объектов нематериального этнокультурного достояния на три категории: объекты НЭКД федерального значения, объекты регионального и местного (муниципального) значения. Как представляется, такая градация оправдана и заслуживает положительной оценки. Есть значительные этнокультурные ценности, утрата которых нанесет удар по нации в целом, а есть рангом ниже, например, цветовые сочетания на вышивке и т.п., которые идентифицируют отдельную местность, конкретный поселок.

Но вот по поводу реализации данного предписания есть серьезные вопросы. Как указывает законодатель, объекты этнокультурного достояния федерального значения должны представлять «особую историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры Российской Федерации» (ст. 6), т.е. в общегосударственный список следует включать те ценности, которые имеют глубокие исторические корни и формируют население РФ как единую культурно-идеологическую общность.

Как выглядит реестр объектов НКН под углом зрения требований данной статьи?

В данный момент в федеральном списке НКН нашего государства находится 169 утвержденных объектов и еще 26 – кандидатов на включение в реестр. Некоторые действительно представляют цен-

¹³ Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 17 декабря 2008 г. № 267.

¹⁴ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 02.02.2024 № 206-р.

¹⁵ Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusfolkknasledie.ru/#/nkn/cb0b55ca-d848-0991-57a5-3e04619a27b2> (дата обращения: 28.06.2024 г.).

¹⁶ Сайт Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_sankt_peterburge_v_antologiyu_narodnoy_kultury_predstavili_100_obektov_nematerialnogo_kulturnogo_n/?sphrase_id=1020814 (дата обращения: 6.07.2024 г.).

¹⁷ Сайт Министерства культуры Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: <https://nknrb.ru/advice> (дата обращения: 28.06.2024 г.).

¹⁸ Республика. XXI век. Информационно-аналитический журнал [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.республика21век.рф/2023/12/13/в-татарстане-пополнят-реестр-объекто/> (дата обращения: 29.06.2024 г.).

ность в масштабах всего государства, например, традиции изготовления и игры на саратовской гармонике с колокольчиками, техника обработки и плетения из лыка, традиции создания народного костюма у ряда регионов. Но, как представляется, не все объекты соответствуют требованиям ст. 6. Так, стоит задуматься, имеет ли «особую историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры Российской Федерации», например, недавно включенная в реестр технология изготовления музыкального инструмента санктвилтап у сосьвинских манси? Или стоит оценить ее как достояние регионального значения? Тот же вопрос можно задать и относительно технологии изготовления ковриков посредством особого вида плетения, празднования Дня села Быково Беловского муниципального округа Кемеровской области, Коми-Пермяцкого праздника «Строча» (Троица) в дер. Кукушка Кочевского района Пермского края, традиции почитания Никольской горы в Ульяновском Присурье и т.п. Представляется, что все эти объекты скорее относятся к группе наследия, представляющего «историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры субъектов РФ» (ст. 6). Правда, это авторская точка зрения и вполне может быть оспорена специалистами в области культуры.

Многочисленность, разнообразие объектов НЭКД, значение культурного наследия народов РФ неоспоримы. Но нужно ли стремиться включать каждый вид узора, каждый обряд, каждый рецепт в общенациональный список? Ведь чем больше в нем объектов, тем меньше та доля внимания властей, которая связана с предоставлением защиты, финансовых гарантий, распространением и передачей наследия.

Аспект 4. Перечень объектов нематериального этнокультурного достояния

Еще один вопрос в данном исследовании касается перечня объектов НЭКД. Согласно ст. 5 выделено несколько основных видов объектов:

- 1) устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации;
- 2) формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического);
- 3) традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, игрищах и других формах народной культуры;
- 4) знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории...

Нужно сказать, что список не закрыт, поскольку п. 5 включает возможность существования «иных» объектов НЭКД.

Но, несмотря на наличие п. 5, перечень объектов, как представляется, не соответствует запросам настоящего времени. Есть ряд объектов, которые с очевидностью заслуживают отдельного упоминания в законе. Так, если сравнить перечень ст. 5 нашего закона с содержанием ст. 7 монгольского Закона об охране культурного наследия¹⁹, можно сделать вывод, что монгольский список не только втрое больше, но и обогащен рядом объектов, которые не учтены в российском.

Это, в частности, традиции генеалогии; традиционная религия, культовые практики и ритуалы; традиционные названия земли и воды и традиционная символика. И если генеалогические или культовые традиции еще можно по умолчанию включить в категорию российских «иных» объектов, то роль традиционной символики, как представляется, заслуживает отдельного упоминания в законе.

Символика, особенно государственная, имеет особый смысл: «Символ является словесным, событийным и предметным носителем идеи национального единства, отражая значимые ценности и образы. Наличие общей символики обеспечивает универсальность средств коммуникации внутри национального сообщества, становясь, таким образом, идентифицирующим фактором» [11, с. 248].

К сожалению, современный отечественный законодатель, видимо, не воспринимает символику как часть национального культурного наследия [12, с. 221]. Достаточно проанализировать, например, текст современного закона о гербе²⁰: значительная часть содержания данного акта ориентирована на бю-

¹⁹ Соелын Өвийг хамгаалах тухай / Шинечилсэн найруулга. 2014 оны 5 дугаар сарын 15-ны өдөр Улаанбаатар хот.

²⁰ Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О Государственном гербе Российской Федерации».

рократическую сторону вопроса – на каких бланках и документах допустимо изображение герба, но совершенно не содержит информации об идеологическом, духовно-нравственном наполнении элементов, составляющих герб, о причинах выбора и смысле определенных цветовых сочетаний – т. е. обо всем, что превращает графическую картинку в инструмент для укрепления национальной идентичности, наполненный историческим смыслом [13, с. 1353]. Можно заключить, что в этом контексте у законодателя имеется серьезный повод задуматься и уйти с позиции «нравственного нейтралитета» власти [3, с. 9].

Заключение и выводы

Проблема сохранения российского нематериального этнокультурного достояния многопланова и требует усилий со стороны государства, общественных организаций, частных лиц и сообществ, профессионалов и любителей, ученых и практиков. Правовая охрана выступает гарантом заинтересованности государства, при этом, в отличие от охраны иных объектов – материального наследия, жизни, чести, собственности и т. п., защита объектов нематериального этнокультурного достояния не опирается на санкции. Характер нематериального наследия как объекта охраны апеллирует к сознательности личности, заинтересованности в сохранении собственной культуры, исторически сложившихся традиций, признанию себя частью социума. Но, тем не менее, именно закон выступает тем ориентиром, который определяет цели и формы охраны, круг объектов, роли и задачи субъектов. В данной работе акцент сделан лишь на нескольких проблемах современного законодательства – это устранение терминологической путаницы в определении объекта охраны, расширение списка объектов, прежде всего, за счет включения символики и ее идеологического обоснования. В контексте правоприменения в процессе составления реестров нематериального этнокультурного достояния следует обратить внимание на положения закона, разграничивающие объекты на те, которые имеют особую историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры Российской Федерации (объекты федерального значения), региональные и местные. Но это, безусловно, не исчерпывающий список проблем. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование российского законодательства о нематериальном этнокультурном достоянии таким образом, чтобы и нормативные правовые предписания и практика их реализации были максимально эффективны в решении поставленных перед ними задач.

Список литературы

1. *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3–16.
2. *Юдин В.И.* Сохранение нематериального культурного наследия – вопрос безопасности страны // Культура и образование. – 2015. – № 2 (17). – С. 50–53.
3. *Бабурин С.Н.* Конституционный принцип многообразия, но единства культуры как нравственная основа суверенитета России // Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия I-й союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2024. – С. 8–13.
4. *Галкова О.В.* Международные документы о сохранении и защите нематериального культурного наследия // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 4. – С. 167–172.
5. *Бороздина Я.А.* Международно-правовое регулирование охраны нематериального культурного наследия // Мир юридической науки. – 2011. – № 6. – С. 73–77.
6. *Кирюшина Ю.В.* Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – Т. 1, № 2 (70). – С. 244–247.
7. *Суразаков А.С.* О содержании феномена «нематериальное культурное наследие» // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2007. – № 5. – С. 192–194.
8. *Шулбаев О.Н., Новоселова Н.В.* ЮНЕСКО и российский опыт сохранения нематериального культурного наследия на современном этапе // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 1 (115). – С. 108–110.

9. *Бойко Е.И.* Нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО – сравнение российского и австрийского путей // *Международные отношения.* – 2019. – № 2. – С. 126–134.
10. *Шатковская Т.В.* Правовая экспертиза законодательства об охране традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации // *Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия I-й союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия.* – Улан-Удэ, 2024. – С. 195–198.
11. *Шевлякова Д.А.* К вопросу о национальной идентичности: теоретико-методологические подходы исследования // *Культура и цивилизация.* – 2018. – Т. 8, № 1А. – С. 248–254.
12. *Минникес И.В.* Конституционно-правовой статус государственного герба (сравнительный анализ законодательства стран Восточной и Юго-Восточной Азии) // *Академический юридический журнал.* – 2024. – № 2 (25). – С. 216–223.
13. *Загоруйко М.В., Алиев О.Г.* Сначала мы создаем герб, а потом герб создает нас // *Политика и Общество.* – 2013. – № 11. – С. 1346–1356.

Reference

1. *Gadzhiev K.S.* Nacional'naya identichnost': konceptual'nyj aspekt // *Voprosy filosofii.* – 2011. – № 10. – С. 3–16.
2. *Yudin V.I.* Sohranenie nematerial'nogo kul'turnogo naslediya – vopros bezopasnosti strany // *Kul'tura i obrazovanie.* – 2015. – № 2 (17). – С. 50–53.
3. *Baburin S.N.* Konstitucionnyj princip mnogoobraziya, no edinstva kul'tury kak npravstvennaya osnova suvereniteta Rossii // *Sohranenie tradicionnyh duhovno-npravstvennyh cennostej kak osnova razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti: istoricheskie, pravovye i mezhkul'turnye aspekty: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu prinyatiya I-j soyuznoj Konstitucii 1924 g. i 30-letiyu Konstitucii Respubliki Buryatiya.* – Ulan-Ude, 2024. – С. 8–13.
4. *Galkova O.V.* Mezhdunarodnye dokumenty o sohranении i zashchite nematerial'nogo kul'turnogo naslediya // *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii.* – 2010. – № 4. – С. 167–172.
5. *Borozdina Ya.A.* Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ohrany nematerial'nogo kul'turnogo naslediya // *Mir yuridicheskoy nauki.* – 2011. – № 6. – С. 73–77.
6. *Kiryushina Yu.V.* Nematerial'noe kul'turnoe nasledie – aktual'noe ponyatie sovremennosti // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2011. – Т. 1, № 2 (70). – С. 244–247.
7. *Surazakov A.S.* O soderzhanii fenomena «nematerial'noe kul'turnoe nasledie» // *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri.* – Gorno-Altajsk, 2007. – № 5. – С. 192–194.
8. *Shulbaev O.N., Novoselova N.V.* YUNESKO i rossijskij opyt sohraneniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya na sovremennom etape // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya.* – Tambov: Gramota, 2017. – № 1 (115). – С. 108–110.
9. *Bojko E.I.* Nematerial'noe kul'turnoe nasledie YUNESKO – sravnenie rossijskogo i avstrijskogo putej // *Mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2019. – № 2. – С. 126–134.
10. *Shatkovskaya T.V.* Pravovaya ekspertiza zakonodatel'stva ob ohrane tradicionnyh duhovno-npravstvennyh cennostej v Rossijskoj Federacii // *Sohranenie tradicionnyh duhovno-npravstvennyh cennostej kak osnova razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti: istoricheskie, pravovye i mezhkul'turnye aspekty. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu prinyatiya I-j soyuznoj Konstitucii 1924 g. i 30-letiyu Konstitucii Respubliki Buryatiya.* – Ulan-Ude, 2024. – С. 195–198.
11. *Shevlyakova D.A.* K voprosu o nacional'noj identichnosti: teoretiko-metodologicheskie podhody issledovaniya // *Kul'tura i civilizaciya.* – 2018. – Т. 8, № 1А. – С. 248–254.
12. *Minnikes I.V.* Konstitucionno-pravovoj status gosudarstvennogo gerba (sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva stran Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Azii) // *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal.* – 2024. – № 2 (25). – С. 216–223.
13. *Zagorujko M.V., Aliev O.G.* Snachala my sozdaem gerb, a potom gerb sozdaet nas // *Politika i Obshchestvo.* – 2013. – № 11. – С. 1346–1356.

УДК 347.73

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Партненко Светлана Ивановна¹,
e-mail: partnenko.svetlana@ya.ru,

¹Московский аналитический центр в сфере городского хозяйства, г. Москва, Россия

В статье проводится исследование правового регулирования межбюджетных отношений на региональном уровне в современных условиях. Цель исследования состоит в разработке механизмов правового регулирования межбюджетных отношений обеспечивающих развитие регионов путем закрепления на долгосрочной основе источников на реализацию мероприятий по достижению национальных целей развития территорий. Предметом исследования является обоснование механизмов правового регулирования межбюджетных отношений по развитию регионов и достижению установленных национальных целей. Исходя из предмета исследования, решались следующие задачи: проанализировать региональный опыт формирования правовых основ по регулированию межбюджетных отношений на региональном уровне; рассмотреть методы бюджетного права, регулирующие межбюджетные отношения; сформулировать предложения по формированию механизмов правового регулирования межбюджетных отношений на современном этапе. В ходе исследования использованы общенаучные и специальные методы, в частности системный, логический, а также методы анализа, синтеза, толкования. В результате проведенного исследования доказано, что формирование правовых механизмов межбюджетного регулирования по распределению средств консолидированного бюджета субъектов с учетом расходов муниципальных образований на реализацию мероприятий развития территорий, предусмотренных государственными программами и региональными проектами с применением целевых индикаторов, позволяет обеспечить сбалансированность местных бюджетов, а также способствует достижению национальных целей развития регионов. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: правовое регулирование, межбюджетные отношения, сбалансированность бюджетов, государственные программы, национальные цели, межбюджетное взаимодействие, целевые индикаторы, эффективность бюджетных средств

LEGAL REGULATION OF INTER-BUDGETARY RELATIONS OF REGIONAL DEVELOPMENT ON THE EXAMPLE OF THE BRYANSK REGION

Partnenko S.I.¹,
e-mail: partnenko.svetlana@ya.ru,

¹Moscow Analytical Center in the field of urban economy, Moscow, Russia

The article examines the legal regulation of inter-budgetary relations at the regional level in modern conditions. The purpose of the study is to develop mechanisms for the legal regulation of inter-budgetary relations that ensure the development of regions by securing sources on a long-term basis for the implementation of measures to achieve national territorial development goals. The subject of the study is the substantiation of the mechanisms of legal regulation of inter-budgetary relations for the development of regions and the achievement of established national goals. Based on the topic of the research, the following tasks were completed: analysis of the regional experience of forming the legal framework for regulating inter-budgetary relations at the regional level; consideration of the methods of budget law governing inter-budgetary relations; formulation of a proposal for the creation of mechanisms for legal regulation of inter-budgetary relations at this stage.

The research uses general scientific and special methods, in particular systematic, logical, as well as methods of

analysis, synthesis, interpretation. As a result of our research, we have found that the establishment of legal mechanisms for inter-budgetary regulation of the allocation of funds from the consolidated budget of regions, taking into account the expenses of municipalities for implementing territorial development measures under state programs and regional projects using targeted indicators, leads to a balanced local budget and contributes to achieving national regional development objectives. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: legal regulation, inter-budgetary relations, budget balance, state programs, national goals, inter-budgetary interaction, target indicators, efficiency of budget funds

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-44-50

Введение

На современном этапе существующие механизмы правового регулирования распределения бюджетных средств на региональном уровне требуют определения новых подходов к формированию основных принципов межбюджетных отношений, путем создания гибких механизмов межбюджетного взаимодействия, обеспечивающих бюджетную устойчивость местных бюджетов при реализации государственных программ и региональных проектов. Для достижения заданных целей развития региона требуется создание нормативно-правовой базы по регулированию межбюджетных отношений на региональном уровне, что требует постоянного анализа регионального законодательства на соответствие норм федеральному законодательству. Также с целью внедрения положительной практики требуется изучение действующей нормативно-правовой базы по регулированию межбюджетных отношений в других регионах.

Учитывая, что в настоящее время социально-экономическое развитие в регионах обеспечивается посредством реализации мероприятий, утвержденных государственными программами и региональными проектами, вопрос финансовой обеспеченности регионов для возможности участия в таких проектах достаточно актуален. Следовательно, изучение существующей системы регулирования межбюджетных отношений, применение базовых принципов и трактовок в части отношений, определяющих бюджетную обеспеченность регионов при установлении условий при софинансировании федеральных проектов во многом зависит от максимально возможного вовлечения участников программ (регионов, муниципальных районов, городских округов и т.п.) и соблюдения федерального и регионального законодательства согласно установленных полномочий.

С целью изучения инструментов правового регулирования межбюджетных отношений на региональном уровне и выявления имеющихся проблем, автором рассмотрены основные подходы к регулированию межбюджетных отношений на региональном уровне, которые затрагивают все уровни бюджетной системы Российской Федерации. Основным документ, регулирующий бюджетные правоотношения, – это Бюджетный кодекс Российской Федерации, который раскрывает понятие «межбюджетных отношений» как бюджетные правоотношения, возникающие в ходе исполнения бюджетного процесса между публично-правовыми образованиями.

Сравнительный анализ формирования правовых основ по регулированию межбюджетных отношений на региональном уровне показал, что в их основу положены базовые принципы направления развития определенных в Послании Президента РФ Федеральному Собранию, которые обеспечиваются за счет собственных ресурсов, сбалансированной и устойчивой финансовой системой регионов и их социально-экономического развития. Министр финансов РФ Антон Силуанов отметил что, все поставленные Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным в своем Послании Федеральному собранию в 2024 году задачи будут обеспечены, не нарушая бюджетную сбалансированность, которая является основой «макрэкономической стабильности»¹.

Проведя анализ имеющихся в научной среде трактовок определения «межбюджетных отношений», его сущности и содержания, автором установлено, что основные его характеристики имеют раз-

¹ Баланс бюджета не нарушится от выполнения задач послания, заявил А. Силуанов [Электронный ресурс] // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20240322/poslanie-1934933621.html>.

личные подходы. Автор обобщил и систематизировал направления применяемых подходов к определению понятия «межбюджетные отношения», и с учетом их применения в практическом плане выделил три основных направления.

Первое. Правовой (политический) подход. Авторами Садовской Т.Д., Попковой Ж.Г., Рашидовым О.Ш. понятие «межбюджетные отношения» трактуется как межбюджетные отношения, которые формируются в Российской Федерации при участии муниципальных образований на основе принципов бюджетного федерализма и отражают необходимость соблюдения интересов ее участников в части распределения полномочий. Это Российская Федерация, субъекты и муниципальные образования РФ [1, с. 24].

Автором Болтиновой О.В. межбюджетные отношения рассматриваются как отношения, которые регулируют вопросы, возникающие по образованию и распределению средств бюджета, а также перераспределению и использованию средств бюджета, между публично-правовыми образованиями [2, с. 86].

Второе. Финансово-бюджетный (экономический) подход. В рамках данного подхода Пешкова Х.В. трактует межбюджетные отношения как отношения, формирующиеся между органами государственной власти на различных уровнях и органами местного самоуправления по поводу формирования и использования бюджетных средств и обеспечения бюджетного процесса.

В настоящее время нестабильная ситуация в экономической среде, которая напрямую влияет на динамичность поступления доходов в бюджет, диктует необходимость уделить особое внимание вопросам своевременного внесения изменений в действующие законодательные акты Российской Федерации – Бюджетного кодекса и законов о межбюджетных отношениях, что позволит обеспечить исполнение основных принципов бюджетной системы по справедливому распределению финансовых средств на сбалансированность бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Также существует необходимость регулирования вопросов по установлению и распределению нормативов отчислений налогов и иных обязательных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации [3, с. 236].

Автор Рябова Е.В. трактует межбюджетные отношения как совокупность компонентов по формированию механизма бюджетного регулирования и характеризует систему экономических отношений, регулирующих распределение между бюджетами финансовых средств.

Третье. Управленческий. В рамках данного подхода автором Бочкаревой Е.А. отмечается, что межбюджетные отношения имеют новый признак, «вписанный» через парадигму межбюджетных трансфертов, которые позволяют обеспечить два регулирующих фактора: сдерживающего и побуждающего финансово-правовых механизмов обеспечить и сбалансированность, и стимулирование региональных бюджетов [4, с. 133].

Учитывая преимущества и недостатки изученных подходов к определению понятия «межбюджетных отношений», автором сформулирована уточняющая его трактовка, в соответствии с которой «межбюджетные отношения» характеризуются наличием совокупности отношений всех регулирующих категорий межбюджетной компоненты, которая имеет высокую степень интеграции механизмов бюджетного регулирования в текущей и перспективной деятельности на федеральном и региональном уровнях.

Межбюджетные отношения также включают совокупность инструментов бюджетного регулирования, которые влияют на их структуру и весомость их элементов в общем объеме, с учетом внутренних и внешних связей бюджетной системы [5, с. 116].

Формирование межбюджетных отношений базируется на основе системы принципов бюджетного федерализма, которые возникают при осуществлении бюджетного процесса. Сущность бюджетного федерализма заключается в формировании основных принципов при построении бюджетных отношений, которые регулируют интересы как федерации, так и всех участников бюджетного процесса. Основной подход, заложенный в Концепции бюджетного федерализма, включает в себя обеспечение на всей территории России конституционных прав на получение гражданами определенного объема социальных гарантий. При этом к субъектам межбюджетных правоотношений относят всех участников бюджетного процесса бюджетной системы – это и государство, и налогоплательщики, и получатели бюджетных средств и гарантий, и контролирующие органы².

² Постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 995 (ред. от 29.07.2023) «О порядке осуществления федеральными органами государственной власти (государственными органами), органами управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и (или) находящимися в их ведении казенными учреждениями, а также государственными корпорациями, публично-правовыми компаниями и Центральным банком Российской Федерации бюджетных полномочий главных администраторов доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).

Важное место в системе правового регулирования межбюджетных отношений занимают вопросы регулирования отношений между налогоплательщиками и бюджетополучателями различных уровней бюджетной системы, формирующих структуру расходов бюджета в рамках определения доходного потенциала и отношений [6, с. 11].

В ходе проведенного исследования можно выделить следующее: межбюджетные отношения – отношения, возникающие между органами государственной власти и органами местного самоуправления по распределению доходов на обеспечение закрепленных полномочий.

Основные направления правового регулирования вопросов межбюджетных отношений:

- разграничение доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы РФ;
- распределение доходов между бюджетами бюджетной системы РФ;
- перераспределение средств между бюджетами.

В настоящее время межбюджетное регулирование на региональном уровне требует постоянного совершенствования правовых норм и механизмов, обеспечивающих стабильность бюджетной системы и выравнивание бюджетной обеспеченности регионов, путем долгосрочного закрепления доходных источников за определенным уровнем бюджета, определения расходных полномочий с целью достижения сбалансированности и долгосрочной устойчивости бюджетной системы и эффективного управления финансовыми ресурсами регионов³.

Межбюджетные отношения регулируются в соответствии с бюджетным законодательством и соглашениями, предусмотренными Министерством финансов РФ с субъектами РФ. При этом одним из важных инструментов межбюджетного регулирования является закрепление доходов на длительный период, что в свою очередь способствует созданию условий по развитию территорий [7, с. 34].

В соответствии со статьей 8 Бюджетного кодекса РФ к бюджетным полномочиям субъекта РФ относится возможность установить норматив отчислений в доход бюджетов сельских поселений от федеральных налогов и сборов, налогов от спецрежимов⁴.

Учитывая имеющуюся значительную дифференциацию в социально-экономическом развитии регионов и наличие собственного бюджетного ресурса необходимы дополнительные системные меры, позволяющие стимулировать и контролировать реализацию заданных стратегических целей развития на федеральном уровне. В настоящее время межбюджетные трансферты занимают наибольший удельный вес в системе межбюджетных отношений⁵. Бюджетам субъектов межбюджетные трансферты предусматриваются из федерального бюджета в виде дотаций, субсидий и субвенций, иных межбюджетных трансфертов из них:

- дотация не носит целевой характер, предоставляется безвозмездно и безвозвратно из вышестоящего бюджета бюджетной системы РФ на обеспечение текущих расходов;
- субсидия носит целевой характер, предоставляется бюджету из вышестоящего бюджета бюджетной системы РФ, физическим, юридическим лицам с условиями софинансирования;
- субвенция и иные межбюджетные трансферты имеют целевой характер, предоставляется бюджету из вышестоящего бюджета бюджетной системы РФ, бюджету или юридическому лицу безвозмездно и безвозвратно для обеспечения определенных полномочий [8, с. 18].

Рассматривая структуру федеральных трансфертов, можно отметить, что дотации регионов имеют наибольший удельный вес. При этом вопрос объемов предоставления дотаций в нецелевом формате для регионов, имеющих отрицательные оценки в достижении целевых показателей, по мнению автора, должны иметь более жесткие условия получения дотаций в сравнении с регионами, имеющими высокий результат в достижении целевых показателей. В этой связи автор полагает необходимым разработать более гибкий механизм по уточнению подходов к распределению дотаций на выравнивание с уче-

³ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]: Министерство финансов Российской Федерации [официальный сайт].

⁴ Федеральный закон от 26.04.2007 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Рябова Е.В. Развитие межбюджетных отношений в рамках бюджетно-налоговой политики, направленной на обеспечение финансовой устойчивости субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2023. – № 7. – С. 75–89.

том влияния изменений факторов внешней и внутренней экономической среды, а также применению ограничений на общий объем дотации субъектам, не обеспечившим достижение целевых показателей.

Из регионального бюджета в муниципальные бюджеты, как и на федеральном уровне, предусматриваются межбюджетные трансферты и, соответственно, регулируются на региональном уровне нормативно-правовыми актами о межбюджетных отношениях, при этом показатели оценки бюджетной обеспеченности и условия по достижению сбалансированности бюджета должны способствовать достижению целевых показателей предусмотренных федеральными государственными программами [9, с. 267].

В ходе исследования отмечается, что формирование межбюджетных отношений на региональном уровне и применение правовых основ в Брянской области, как и многих других регионах Российской Федерации, осуществляется в соответствии с нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации и иных норм бюджетного регулирования.

При формировании бюджета Брянской области на текущий трехлетний период 2024–2026 гг. использовались основные цели направления расходов для обеспечения решения стратегических задач на текущую трехлетку с учетом установленных приоритетов в Стратегии социально-экономического развития Брянской области до 2030 года, утвержденной постановлением Правительства Брянской области от 26.08.2019 № 398-п (ред. от 12.02.2024), с соответствия с методическими рекомендациями Минэкономразвития России⁶. Стратегические задачи, обозначенные Президентом Российской Федерации в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации, были положены в основу при формировании расходов консолидированного бюджета и межбюджетных отношений в Брянской области. Параметры и характеристики областного и местных бюджетов Брянской области на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов сформированы согласно базовому варианту прогноза социально-экономического развития и в соответствии с утвержденной методикой распределения межбюджетных трансфертов в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Следует отметить, что регулирование сбалансированности региональных и местных бюджетов осуществляется путем выполнения условий, предусмотренных соглашениями, заключенными регионами с Министерством финансов Российской Федерации. Так, муниципальными образованиями должны быть выполнены условия по реализации мер по недопущению дефицита бюджета, недопущению увеличения бюджетного долга.

В Брянской области при формировании консолидированного бюджета на текущий трехлетний период для достижения поставленных целей показатели и индикаторы национальных и региональных проектов интегрированы в государственные и муниципальные программы. Также предусмотрено развитие налогооблагаемого бюджета, снижение дебиторской и кредиторской задолженности по налоговым и неналоговым платежам с учетом нормативов отчислений по налогам и сборам. Для выявления доходного потенциала в Брянской области осуществляется работа по повышению открытости бюджетных данных, что позволяет формировать единую информационную базу. Расходная часть субъекта предусматривает обеспечение всех бюджетных обязательств и в первую очередь социальных. Бюджет имеет программный формат (22 государственные программы) или 99 % расходов.

Поскольку главным инструментом, регулирующим сбалансированность бюджетов, является методологическая база, возникает необходимость совершенствования нормативно-правовых актов, касающихся межбюджетных отношений, по предоставлению муниципальным органам власти возможности самостоятельно распоряжаться бюджетными средствами.

Следует отметить, что с учетом требований бюджетного законодательства ежегодно для Брянской области, как и для других регионов Российской Федерации, по распоряжению Правительства РФ устанавливается предельный уровень софинансирования расходных обязательств. Например, в 2024 году предельный уровень софинансирования составляет 94 %, на 2025 и 2026 годы 92 %⁷. Таким образом,

⁶ Постановление Правительства Брянской области от 26.08.2019 № 398-п « Об утверждении стратегии Социально-экономического развития Брянской области до 2030 года» (ред. от 12.02.2024).

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 02.08.2023 № 2082-р «Об утверждении предельного уровня софинансирования расходного обязательства субъекта Российской Федерации, г. Байконур и федеральной территории «Сириус» из федерального бюджета на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

расходные обязательства региона при реализации национальных и региональных проектов должны обеспечиваться более чем на 99 %. Расходные обязательства муниципальных образований с учетом их бюджетной обеспеченности должны обеспечиваться на 90–95 % (согласно установленного в регионе предельного уровня софинансирования). Установление предельного уровня софинансирования является инструментом, стимулирующим развитие инвестиционной активности территорий.

Таким образом, на региональном уровне совершенствование правового регулирования межбюджетных отношений обеспечивается за счет реализации бюджетной политики, направленной на обеспечение сбалансированности и устойчивости бюджетов всех уровней, эффективность и результативность бюджетных средств, заложенных в государственных программах.

Заключение

Правовое регулирование межбюджетных отношений базируется на действующих нормативно-правовых основах и регулируется бюджетным законодательством Российской Федерации. В настоящее время для регионов в действующих экономических условиях необходим новый подход в применении принципов сбалансированности местных бюджетов. В этой связи разработка направлений по совершенствованию механизмов правового регулирования межбюджетных отношений, обеспечение финансовых, бюджетных обязательств всех уровней бюджетов и участников государственных программ и региональных проектов заключается в том, что своевременное обеспечение внесения изменений в соглашения, в действующие порядки предоставления субсидий и иные межбюджетные трансферты позволит обеспечить прозрачность и структурированность расходов на всех уровнях бюджета, повышение ответственности за достижение результатов, расширение возможностей для проведения аналитических процедур, выявление рисков. Тесная увязка нормативно-правовой базы с проводимыми мероприятиями на всех уровнях государственного регулирования межбюджетных отношений как федерального, так и регионального дает возможность достижения не только эффективности бюджетных расходов, но и развития экономики регионов на долгосрочную перспективу. Также следует учитывать, что показатели стратегии развития региона обеспечиваются не только за счет нормативно-правового регулирования межбюджетных отношений на региональном уровне, но и внедрения передовых технологий в управлении финансовыми ресурсами. В этой связи с целью улучшения межрегионального взаимодействия, изучения положительной правоприменительной региональной практики управления финансовыми средствами, автор отмечает, что необходимо обеспечить создание единого информационного ресурса для всех регионов, что позволит ускорить процедуру разработки и внедрения новых механизмов правового регулирования межбюджетных отношений.

Таким образом, развитие механизмов по совершенствованию правового регулирования межбюджетных отношений на региональном уровне способствует успешному развитию территорий и достижению целей национальных проектов при эффективном использовании бюджетных средств.

Список литературы

1. Садовская Т.Д., Попкова Ж.Г., Рашидов О.Ш. Принцип федерализма, как основа функционирования финансовой системы государства // Финансовое право. – 2023. – №11. – С. 24–29.
2. Болтинова О.В Бюджетное право: учебное пособие для магистратуры. – 4-е изд. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. – 260 с.
3. Пешкова Х.В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – С. 236–239.
4. Бочкарева Е.А. Финансово-правовые аспекты управления бюджетными ресурсами государства и его территорий // Право и практика. – 2020. – № 1. – С. 133–140.
5. Крохина Ю.А. Бюджетное право России: учебник для вузов [Электронный ресурс]. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2021. – 374 с.
6. Садовская Т.Д. Национальные проекты: от управленческих решений до документа стратегического развития [Электронный ресурс] // Финансовое право. – 2022. – № 8. – С. 11–16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Степанкина Е.Н., Поросенков Д.С.* О понятии и сущности межбюджетных отношений органов местного самоуправления с органами государственной власти субъектов Российской Федерации // *Контентус*. – 2021. – № 12. – С. 34–41.
8. *Андреевский К.В.* К вопросу о целевом воздействии на поведение участников бюджетной деятельности в условиях бюджетно-правового режима // *Финансовое право*. – 2022. – № 11. – С. 18–21.
9. *Боженко А.А.* Роль национальных проектов в развитии регионов России // *Молодой ученый*. – 2023. – № 14 (461). – С. 267–268. – URL: <https://moluch.ru/archive/461/101274/> (дата обращения: 02.04.2024).

References

1. *Sadovskaya T.D., Popkova Zh.G., Rashidov O.S.* The principle of federalism as the basis for the functioning of the financial system of the state // *Financial Law*. – 2023. – No. 11. – Pp. 24–29.
2. *Boltinova O.* In *Budget law: textbook for the magistracy*. – 4th ed. – Moscow: Norma, INFRA-M, 2023. – 260 p.
3. *Peshkova H.V.* Theoretical and legal foundations of the budgetary structure of the state: monograph. – Moscow: INFRA-M, 2018. – Pp. 236–239.
4. *Bochkareva E.A.* Financial and legal aspects of the management of budgetary resources of the state and its territories // *Law and practice*. – 2020. – No. 1. – Pp. 133–140.
5. *Krokhina, Yu.A.* *Budget law of Russia: textbook for universities* [electronic resource]. – 7th ed., reprint. and add. – Moscow: Yurait, 2021. – 374 p.
6. *Sadovskaya T.D.* National projects: from management decisions to a strategic development document [electronic resource] // *Financial Law*. – 2022. – No. 8. – Pp. 11–16. Access from the “Consultant Plus” legal reference system
7. *Stepashkina E.N., Porosenkov D.S.* On the concept and essence of inter-budgetary relations between local self-government bodies and state authorities of the subjects of the Russian Federation // *Contentus*. – 2021. – No. 12. – Pp. 34–41.
8. *Andrievsky K.V.* On the issue of the targeted impact on the behavior of participants in budgetary activities in the conditions of the budgetary and legal regime // *Financial law*. – 2022. – No. 11. – Pp. 18–21.
9. *Bozhenko A.A.* The role of national projects in the development of the regions of Russia // *Young scientist*. – 2023. – № 14 (461). – Pp. 267–268. – URL: <https://moluch.ru/archive/461/101274/> (date of reference: 04.02.2024).

УДК 340.12

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЕГО ОЦЕНКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Горбатов Сергей Васильевич¹,

*канд. пед. наук, доцент,
e-mail: gorbatovsv@ya.ru,*

Краснова Елена Александровна²,

*канд. филол. наук, доцент,
e-mail: eakrasnova@mail.ru,*

Кузина Светлана Ивановна^{3,4},

*д-р полит. наук, профессор,
e-mail: svivk@yandex.ru,*

Сагирян Инга Григорьевна³,

*канд. филол. наук, доцент,
e-mail: sagiryuan@yandex.ru,*

¹Технический университет УГМК, г. Верхняя Пышма, Россия,

²Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Россия,

³Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,

⁴Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье раскрываются особенности современной процедуры государственной регламентации качества образования в образовательных организациях в Российской Федерации, в частности в рамках государственной аккредитации по программам высшего образования. В работе даны авторские оценки и выводы, основанные на анализе нормативных актов, научных публикаций последних лет и осмыслении опыта экспертной деятельности. Особое внимание уделено проблеме соотношения содержания утвержденных регулятором системы образования аккредитационных показателей высшего образования с закрепленной законодательно дефиницией качества обучения. Подробно рассмотрен механизм организации и проведения диагностической работы, в настоящее время являющейся ключевым инструментом оценки качества образования. Определены достоинства применяемого порядка оценки качества подготовки обучающихся, а также сформулированы основные недостатки механизма проведения диагностической работы в настоящее время, которые, по мнению авторов, связаны прежде всего с недостаточной детализацией правил и процедур. Требуется разработка и утверждение ряда правовых и нормативно-методических документов, регламентирующих процедуру оценки результатов освоения образовательной программы при проведении контроля качества образования регулятором системы. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: оценка качества образования, правовое регулирование, контрольно-надзорные мероприятия, аккредитационные показатели, аккредитационная экспертиза, диагностическая работа, экспертная оценка

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE QUALITY OF EDUCATION AND THE ORGANIZATION OF ITS ASSESSMENT AT THE PRESENT STAGE

Gorbatov S.V.¹,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
e-mail: gorbatovsv@ya.ru,*

Krasnova E.A.²,

*Candidate of Philology, Associate Professor,
e-mail: eakrasnova@mail.ru,*

Kuzina S.I.^{3,4},

Doctor of Political Sciences, Professor,

e-mail: svivk@yandex.ru,

Sagiryan I.G.³,

Candidate of Philology, Associate Professor,

e-mail: sagiryan@yandex.ru,

¹*Technical University UMMC, Verkhnyaya Pyshma, Russia,*

²*Samara State Transport University, Samara, Russia,*

³*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia,*

⁴*Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia*

The article reveals the features of the modern procedure of state regulation of the quality of education in educational institutions in the Russian Federation, in particular within the framework of state accreditation for higher education programs. The article presents the author's assessments and conclusions based on the analysis of regulatory acts, scientific publications of recent years and the understanding of the experience of expert activity. Special attention is paid to the issue of the correlation between the content of accreditation indicators for higher education, as approved by the regulatory body for the education system, and the legally defined definition of the quality of education. The mechanism of organizing and conducting diagnostic work, which is currently a key tool for assessing the quality of education, is considered in detail. The advantages of the applied procedure for assessing the quality of training of students are determined, as well as the main disadvantages of the mechanism for conducting diagnostic work at the present time are formulated, which, according to the authors, are primarily associated with insufficient detail of rules and procedures. It is required to develop and approve a number of legal and regulatory documents regulating the procedure for evaluating the results of mastering an educational program when conducting quality control of education by the system regulator. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: assessment of the quality of education, legal regulation, control and supervisory measures, accreditation indicators, accreditation expertise, diagnostic work, expert assessment

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-51-58

Введение

Обеспечение качественного образования является основополагающей задачей любой образовательной организации. В Российской Федерации гарантом качества предоставляемых образовательных услуг традиционно выступает государство, осуществляя контроль и надзор за деятельностью образовательных организаций, давая разрешение на ведение образовательной деятельности и выдачу документов об образовании и квалификации государственного образца.

В последние годы система контроля качества образования в России претерпела ряд существенных изменений. Ключевым моментом стало смещение акцента с контроля формальных требований на оценку содержательных аспектов качества реализуемых образовательных программ. Были приняты федеральные законы «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ¹ и «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» 31.07.2020 № 248-ФЗ². Целью изменений стало создание системы единых и универсальных требований к образовательным организациям, контроль соблюдения которых должен стать эффективным механизмом защиты охраняемых правом ценностей, ключевой из которых является качество образования [1]. Новые правовые нормы явились одним из шагов на пути к снижению бюрократической нагрузки на сферу образования посредством переориентации фокуса внимания регулятора системы с фиксации нарушений

¹ Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/.

² Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» 31.07.2020 № 248-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/.

на их профилактику и предупреждение [2, с. 104] посредством оценки эффективности деятельности образовательных организаций [3, с. 22].

Ключевые изменения затронули статьи 92 и 93 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Процедуры аккредитации и федерального государственного контроля качества образования теперь реализуются посредством систем аккредитационного мониторинга, аккредитационной экспертизы и контрольно-надзорных мероприятий, общей целью которых является подтверждение соответствия образовательных организаций и реализуемых ими образовательных программ установленным аккредитационным показателям.

Для оценки соответствия образовательной деятельности установленным требованиям используются аккредитационные показатели, утвержденные регулятором системы образования. Новый подход к выстраиванию взаимодействия государства и образовательных организаций зиждется на выполнении аккредитационных показателей, которые охватывают как количественные, так и качественные аспекты образовательной деятельности и носят двоякий характер: это и способ оценки качества реализации образовательных программ, и элемент обязательных требований, подлежащих соблюдению образовательными организациями [4].

Новая система аккредитации действует с 2022 года, и накопленный опыт, безусловно, требует осмысления. Цель настоящей работы – проанализировать изменения в системе государственного контроля качества образования и выявить возможные проблемы и перспективы развития. В ней представлены авторские оценки и выводы, основанные на анализе законодательных актов, научной литературы и осмыслении практического опыта экспертной деятельности. Отдельные заключения могут быть использованы для совершенствования системы контроля качества образования, разработки рекомендаций для образовательных организаций по повышению качества своей деятельности, а также для подготовки предложений по нормативно-методическому регулированию процедуры государственной аккредитации.

Организация государственной оценки качества образования

Еще раз отметим, что новый подход к государственному регулированию деятельности образовательных организаций призван привлечь внимание прежде всего к качеству образования [5]. Вспомним определение понятия «качество образования», которое дано в главном нормативном акте в области образования. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» качество образования определяется как «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»³. Таким образом, в логике федерального закона формализованная система обеспечения качества образования базируется на двух основаниях: а) требования к содержанию и условиям реализации образовательных программ, установленные регулятором системы (то есть требования и условия, зафиксированные в образовательных стандартах), которые должны неукоснительно соблюдаться образовательными учреждениями; б) собственно результаты освоения обучающимися этих образовательных программ.

В предыдущей системе аккредитации наблюдался определенный перекос в пользу первой составляющей: фокус проверки был сосредоточен на соблюдении подавляющего большинства требований федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), детально проверялось соблюдение каждого пункта и подпункта, буквально «до запятой». А вот вторая составляющая – реальные знания и умения обучающихся – оставалась на периферии. У образовательных организаций складывалось ощущение, что качество и уникальность реализуемых ими образовательных программ явно проигрывают в ценности безукоризненно оформленным бумагам.

Новая система призвана исправить указанное противоречие. Во-первых, происходит перестройка государственного контроля и надзора с позиции «поиск несоответствий и нарушений» на позицию

³ Статья 2 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ.

«поддержка и профилактика». Риск-ориентированная система во многом основана на принципе самооценки образовательными организациями своей деятельности по установленным регулятором системы образования аккредитационным показателям. Государство же не только осуществляет контроль за соблюдением этих показателей, но и предупреждает о возникновении рисков их невыполнения.

Во-вторых, в фокусе внимания сегодня находится именно образовательная программа. Уникальный образовательный продукт оценивается в ходе отдельных процедур (аккредитационный мониторинг, аккредитационная экспертиза, контрольно-надзорные мероприятия) на основании выполнения аккредитационных показателей, которые являются универсальными для образовательных программ данного уровня. Количество показателей невелико: от 6 до 8. Для каждого показателя определена методика расчета и стоимостная ценность в баллах. Для каждой процедуры определен перечень применяемых показателей и минимум баллов, который образовательная организация должна набрать в сумме для получения положительного результата по образовательной программе. В любой момент образовательная организация может провести самоанализ и определить, каким показателям реализуемая ею образовательная программа соответствует, а каким – нет.

На первый взгляд все достаточно прозрачно и объективно. Однако есть целый ряд вопросов и к принципам отбора показателей, и к их содержанию, и к их соотношению с пониманием качества образования, заложенным в федеральном законе.

Так, неочевидность связи отдельных аккредитационных показателей по программам высшего образования с категорией «качество образования» отмечают многие [4; 6–9]. Наиболее спорными являются: средний балл ЕГЭ обучающихся, поступивших на образовательную программу, показатель «сохранности контингента», результаты выполнения выпускниками обязательств по договорам о целевой подготовке и др. Эти показатели не всегда напрямую отражают качество образования, а скорее могут быть индикаторами других факторов, таких как уровень подготовки абитуриентов, социально-экономические условия и т.д.

Некоторые аккредитационные показатели и ранее применялись для оценки качества реализации образовательной программы в ходе государственной аккредитации. В том числе, и требования к соблюдению кадровых условий реализации образовательной программы, установленные ФГОС: процент «остепененности» преподавателей и доля преподавателей, являющихся руководителями или сотрудниками профильных организаций⁴. Целесообразность сужения оценки условий реализации образовательных программ до учета лишь этих показателей вызывает у образовательного сообщества понятные сомнения: почему иные условия и требования, определенные ФГОС в качестве обязательных, больше не принимаются во внимание и не влияют на результат, к примеру, аккредитационной экспертизы? К тому же, как справедливо замечает И.Ю. Гольяпина, тот же показатель «остепененности» может быть в образовательной организации ниже установленного ФГОС значения, но программа имеет все шансы получить государственную аккредитацию, если наберет требуемое количество баллов за счет выполнения других аккредитационных показателей [6, с. 181].

Кроме того, основанием для расчета части аккредитационных показателей, в том числе кадровых, являются исключительно сведения, предоставляемые в формате справки за подписью руководителя образовательной организацией, без приложения подтверждающих документов. С одной стороны, это, несомненно снижает бюрократическую нагрузку при проведении внешней процедуры оценки качества, с другой стороны, вынуждает стороны «выстраивать отношения» на доверии.

И еще один штрих: аккредитационная экспертиза в соответствии с действующим законодательством может проводиться на самых ранних этапах реализации образовательной программы (через год после начала подготовки студентов). Анализ аккредитационных показателей в такой ситуации вряд ли может дать полную картину условий и результатов реализации образовательной программы. Следовательно, необходимо рассчитывать на добросовестность образовательной организации в последующие годы.

⁴ Приказ Минобрнауки России от 18 апреля 2023 № 409 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447629/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/.

Наиболее прозрачным и понятным индикатором качества образования из всего набора утвержденных аккредитационных показателей, по мнению образовательного сообщества, является аккредитационный показатель, характеризующий уровень достижения обучающимися планируемых результатов обучения [4; 7; 9–11]. Данный показатель фиксирует долю обучающихся, успешно выполнивших задания диагностической работы.

Диагностическая работа (ДР) – новое понятие в правовом поле сферы образования. Она проводится в рамках аккредитационной экспертизы, а также в ходе контрольно-надзорных мероприятий. Аккредитационный показатель доли обучающихся, справившихся с выполнением диагностической работы, установлен для образовательных программ всех уровней образования: от начальной школы до высшей. Причем по программам высшего и среднего профессионального образования «стоимость» результата выполнения заданий ДР в баллах является ключевой, эти баллы буквально перевешивают все иные аккредитационные показатели.

Стоит отметить, что после внедрения новой модели государственной аккредитации наблюдается резкий рост доли отрицательных решений: если в 2021–2022 гг. количество отказов не превышало 10 %, то в 2023–2024 гг. практически каждое второе обращение за государственной аккредитацией оказывается неудачным (42 % отказов)⁵. Главным фактором, обуславливающим отказы, является малое число обучающихся, успешно справившихся с выполнением заданий в ходе диагностической работы, а следовательно, невыполнение самого ценного в балльном выражении аккредитационного показателя. А ведь диагностическая работа составляется из оценочных материалов, самостоятельно разрабатываемых образовательной организацией и используемых ею в ходе текущего, промежуточного и итогового контроля. То есть обучающиеся буквально не могут ответить на вопросы из оценочных материалов осваиваемой ими образовательной программы.

Статистики по результатам проведения ДР в ходе контрольно-надзорных мероприятий нет, поскольку в настоящее время действует мораторий на проведение проверок. Но смеем предположить, что результат будет даже хуже, поскольку, заявляясь на государственную аккредитацию, образовательная организация, как правило, готовится к выполнению диагностической работы.

Важно отметить, что оценка качества образования проводится с привлечением экспертов. Порядок аккредитации, привлечения и отбора экспертов, а также квалификационные требования к ним установлены приказом Рособрнадзора от 18.01.2022 № 35⁶ [5]. Основными требованиями являются наличие базового высшего образования, наличие ученой степени и (или) ученого звания (для экспертов по программам высшего образования) и наличие стажа (опыта) работы в сфере образования не менее 5 лет. Аккредитация экспертов осуществляется в разрезе по уровням образования и укрупненным группам специальностей и направлений, на право экспертной оценки которых они претендуют.

В настоящее время для проведения аккредитационной экспертизы по образовательной программе приказом аккредитационного органа (Рособрнадзора) из числа лиц, включенных в реестр аккредитованных экспертов в области проведения государственной аккредитации, создается экспертная группа, в которую включаются руководитель экспертной группы и эксперт (эксперты) по укрупненной группе специальностей и направлений, к которой относится заявленная на аккредитацию образовательная программа.

Эксперты играют ключевую роль в оценке соответствия образовательной организации установленным аккредитационным показателям, особое внимание уделяя показателю качества выполнения диагностической работы (ДР). До начала аккредитационной экспертизы эксперт отбирает из фондов оценочных средств, разработанных образовательной организацией для данной образовательной программы, задания, пригодные для формирования ДР. После проведения ДР эксперт оценивает ответы обучающихся, сопоставляя их с ключами правильных ответов, предоставленными образовательной ор-

⁵ Из доклада заместителя руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Кочетовой С.М. на открытой дискуссии «Государственная аккредитация образовательной деятельности в условиях современных вызовов» в рамках VII Национальной научно-методической конференции с международным участием «Архитектура университетского образования» (г. Санкт-Петербург, 25 апреля 2024 г.).

⁶ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 18 января 2022 г. № 35 «Об утверждении порядка аккредитации, привлечения, отбора экспертов и экспертных организаций, привлекаемых к аккредитационной экспертизе, а также ведения реестра экспертов и экспертных организаций» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403458604/>.

ганизацией. По итогам оценки эксперт формирует заключение о соответствии образовательной организации аккредитационным показателям, в том числе показателю качества выполнения ДР.

Руководитель экспертной группы непосредственно организует проведение ДР в образовательной организации, осуществляет инструктаж обучающихся и контролирует ход процедуры.

Данная модель процедуры аккредитации имеет ряд весомых достоинств.

Во-первых, использование банка заданий, отобранного экспертами из оценочных материалов образовательной организации, гарантирует достаточную степень надежности результатов проверки. Студенты отвечают только на те вопросы, которые составляют содержание осваиваемой ими образовательной программы. Кроме того, в ДР попадают только задания из дисциплин, предметов, модулей, которые уже были изучены, а ответы студентов оцениваются на основе сопоставления с ключами правильных ответов, предоставленных самой образовательной организацией.

Во-вторых, привлечение независимых экспертов из разных образовательных организаций помогает избежать предвзятости и обеспечить объективность оценки. Эксперты, имеющие опыт работы в сфере образования, очевидно, могут качественно оценить и сами задания, и ответы студентов.

В-третьих, диагностическая работа служит инструментом для мониторинга качества образования на уровне как отдельных образовательных организаций, так и в целом по стране. Рособрнадзор, используя результаты диагностики, получает реальную возможность оценить эффективность работы системы образования и принять меры по ее совершенствованию.

Однако нельзя не отметить и определенные недостатки существующей процедуры аккредитации. Ключевым из которых является, на наш взгляд, отсутствие необходимой правовой и методической базы, регламентирующей процедуру проведения ДР и оценки ее результатов. Полагаем, что в ближайшее время требуется:

- утвердить регламент организации и проведения ДР, в том числе процедуру признания результатов ДР нелегитимными в случае нарушения порядка ее проведения;
- установить требования к оценочным материалам, на основании которых они могут быть включены в банк заданий для ДР или, напротив, отклонены. Зачастую экспертам приходится иметь дело с оценочными материалами низкого качества, не соответствующими содержанию учебной дисциплины и не позволяющими оценить сформированность компетенции, однако механизм отклонения некачественных материалов сегодня не определен;
- описать процедуру оценки результатов ДР, в том числе оценки «неполных» ответов, данных лишь на часть поставленного вопроса;
- установить правила защиты конфиденциальной информации и ответственность каждого из участников аккредитационной экспертизы за ее утечку;
- регламентировать механизм защиты экспертов от давления со стороны образовательных организаций или других заинтересованных сторон;
- предусмотреть возможность ознакомления образовательных организаций с результатами ДР и получения обоснования выставленных оценок.

Особого внимания требует и регламентация применения цифровых инструментов для организации и проведения ДР. Информационная безопасность ключевого процесса принятия решений регулятором системы образования должна быть обеспечена на самом высоком уровне, а ответственность за ее нарушение – установлена для всех участников процедуры.

Безусловно, приведенный перечень проблем и нормативных лакун не является исчерпывающим. Пока новый подход к оценке качества обучения проходит стадию апробации, появление вопросов неизбежно. Опыт аккредитационных экспертиз с проведением диагностических работ накапливается, и он должен быть учтен для дальнейшего совершенствования механизма, прежде всего – его нормативного аспекта.

Заключение

Проводимая реформа государственного регулирования качества образования ставит целью переход от контроля буквального соблюдения комплекса формализованных требований к гибкой системе

оценки качества реализуемых образовательных программ через систему универсальных аккредитационных показателей, общих как для процедур аккредитации, так и для контрольно-надзорной деятельности. Очевидно, что не все аккредитационные показатели в равной степени нацелены на оценку качества образования как такового. Полагаем, что для соблюдения баланса между двумя составляющими заложенного в федеральном законодательстве понимания качества образования необходимо скорректировать состав и содержание утвержденных Минобрнауки аккредитационных показателей, включив в их перечень требования ФГОС, напрямую связанные с качеством реализации образовательных программ (например: требования к структуре и объему программы, требования к условиям реализации программы).

Всем сторонам системы необходимо учиться функционировать в новых условиях применения риск-ориентированной модели: надзорным органам – в большей степени доверять образовательным организациям, их способности к самоорганизации и саморегуляции, а образовательным организациям – не злоупотреблять оказываемым доверием и ориентироваться прежде всего на качество реализации образовательных программ. Серьезным шагом в этом направлении стало открытое общение руководителей Рособнадзора и Росаккредагентства с представителями образовательного сообщества, организуемое в различных формах, в том числе в формате телеграм-канала. Уверены, что ориентация регулятора системы образования на открытое взаимодействие обеспечит серьезное осмысление накопленного опыта проведения мероприятий по контролю качества образования с учетом мнений образовательных организаций и экспертного сообщества. На данном этапе необходимо включить в правовое поле понятия «добросовестности» и «недобросовестности» образовательных организаций, которые в настоящее время активно употребляются в связи с переходом на новую систему аккредитации и контрольно-надзорной деятельности.

Внедрение такого инструмента, как диагностическая работа, уже сегодня демонстрирует результат переориентации государственной системы на обучающегося, на качество его знаний [еще более достоверной картина станет после возобновления контрольно-надзорных мероприятий). Однако сама процедура ее организации и проведения нуждается в нормативном регулировании. Полагаем, что большую прозрачность и объективность процедура получит после разработки и утверждения регулирующим органом регламента ДР, детально описывающего все этапы ее проведения, включая порядок формирования банка заданий, требования к проведению самой работы, критерии оценки результатов и порядок признания результатов нелегитимными. Уже сегодня образовательным сообществом совместно с Росаккредагентством широко обсуждаются критерии, которым должны соответствовать оценочные материалы, чтобы их можно было включить в банк заданий. Считаем, что итогом этого обсуждения должны стать в том числе нормативные акты, регламентирующие правила оценки экспертами результатов ДР, включая оценивание «неполных» ответов. Следует разработать и механизм защиты конфиденциальной информации в процессе аккредитационной экспертизы, а также установить ответственность за ее утечку. Требуется детальной проработки и вопросы информационной безопасности организации ДР и многое другое.

Оценка качества – самая сложная категория в образовательной сфере, поскольку оценка всегда предполагает наличие субъективной составляющей. В то же время без оценивания, то есть без установления соответствия текущего результата неким формальным требованиям невозможно определить направление дальнейшего развития и совершенствования. Потому вопросы нормативного регулирования качества образования есть и будут одними из самых актуальных во все времена.

Список литературы

1. Шкуракова Е.А., Конухова К.Д. Правовые методы контроля качества образования и их соблюдение в рамках соблюдения современной системы образования // Проблемы управления качеством образования: сб. статей XVI Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20–21 ноября 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 182–189.
2. Воронов А.М., Кобзарь-Фролова М.Н. О модернизации сущности и целевого предназначении контрольно-надзорной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. – 2019. – № 8. – С. 99–105.

3. Кирилловых А.А. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в сфере высшего образования в условиях административной реформы // Право и образование. – 2022. – № 8. – С. 20–25.
4. Дружинин А.В. Диагностическая работа при аккредитационной экспертизе и федеральном государственном контроле [надзоре) как способ оценки соблюдения обязательных требований образовательными организациями высшего образования // Образование и право. – 2023. – № 6. – С. 398–404.
5. Горбатов С.В., Краснова Е.А. Процессный подход к управлению качеством образования: от внутренней системы качества к аккредитационному мониторингу // Инженерное образование в цифровом обществе: материалы Международной научно-методической конференции в двух частях. Ч. 2. – Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2024. – С. 256–258.
6. Гольпяпина И.Ю. Правовое регулирование государственной аккредитации образовательной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2[206). – С. 179–182.
7. Жевлакович С.С. К вопросу о новых аккредитационных показателях по образовательным программам высшего образования // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 318–325.
8. Зернов В.А., Дарда И.В., Жидков А.А. Аккредитационный мониторинг программ высшего образования: показатели и методика их расчета // Высшее образование сегодня. – 2023. – № 1. – С. 10–18.
9. Рукавишников С.М. О некоторых вопросах правового регулирования аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования // Право и государственность. – 2023. – № 1[1). – С. 60–66.
10. Аверьянова И.Э., Анисимова М.А. Диагностическая работа как весомый фактор при аккредитации вузов // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2022. – № 4. – С. 374–377.
11. Маркинова Е.В. Роль аккредитационного показателя как фактор оценки качества образования // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2023. – Т. 4, № 7. – С. 20–26.

References

1. Shkurakova E.A., Konukhova K.D. Legal methods of monitoring the quality of education and their compliance within the framework of compliance with the modern education system // Problems of quality management in education: Collection of articles of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, November 20–21, 2023. – Penza: Penza State Agrarian University, 2023. – Pp. 182–189.
2. Voronov A.M., Kobzar-Frolova M.N. On the modernization of the essence and target purpose of control and supervisory activities // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. – 2019. – No. 8. – Pp. 99–105.
3. Kirillovykh A.A. Improving control and supervisory activities in the field of higher education in the conditions of administrative reform // Law and education. – 2022. – No. 8. – Pp. 20–25.
4. Druzhinin A.V. Diagnostic work during accreditation examination and federal state control [supervision) as a way to assess compliance with mandatory requirements by educational organizations of higher education // Education and law. – 2023. – No. 6. – Pp. 398–404.
5. Gorbatov S.V., Krasnova E.A. Process approach to education quality management: from the internal quality system to accreditation monitoring // Engineering education in a digital society: materials of the International scientific and methodological conference in two parts. P. 2. – Minsk: Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, 2024. – Pp. 256–258.
6. Golyapina I.Yu. Legal regulation of state accreditation of educational activities // Law and State: Theory and Practice. – 2022. – No. 2 [206). – Pp. 179–182.
7. Zhevlakovich S.S. On the issue of new accreditation indicators for educational programs of higher education // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 3. – Pp. 318–325.
8. Zernov V.A., Darda I.V., Zhidkov A.A. Accreditation monitoring of higher education programs: indicators and methods of their calculation // Higher education today. – 2023. – No. 1. – Pp. 10–18.
9. Rukavishnikov S.M. On some issues of legal regulation of accreditation indicators for educational programs of higher education // Law and statehood. – 2023. – No. 1 [1). – Pp. 60–66.
10. Averyanova I.E., Anisimova M.A. Diagnostic work as a significant factor in the accreditation of universities // News of Tula State University. Technical science. – 2022. – No. 4. – Pp. 374–377.
11. Markinova E.V. The role of the accreditation indicator as a factor in assessing the quality of education // Actual problems of pedagogy and psychology. 2023. – Vol. 4. – No. 7. – Pp. 20–26.

УДК 343.8

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ

Кривошеев Сергей Владимирович¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: 9262625339@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Данная статья посвящена актуальным в настоящее время вопросам проявления криминального насилия в условиях исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу. Одним из наиболее опасных преступлений, совершаемых в следственных изоляторах, несомненно, является захват заложников. Данное деяние обладает повышенной общественной опасностью, сопряжено не только с насильственным удержанием человека, но и с применением в отношении него насилом, угрозой его применения, возможностью незаконного выхода из места содержания под стражей и способностью продолжить криминальную деятельность. В настоящее время в структуре уголовно-исполнительной системы на территории всех субъектов РФ насчитывается 210 следственных изоляторов и 71 помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора (ПФРСИ)¹. В связи с чем исследование данной темы является достаточно актуальным, так как совершение данного деяния дестабилизирует деятельность не только данного исправительного учреждения, но и требует активизации всей правоохранительной системы региона. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: захват заложников, следственный изолятор, исправительное учреждение, преступление, насилие, подозреваемый, обвиняемый

THE REASONS AND CONDITIONS FOR THE HOSTAGE-TAKING IN THE DETENTION CENTER

Krivosheev S.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: 9262625339@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article discusses the current issues related to criminal violence during the implementation of a preventive measure in the form of detention. One of the most serious crimes that can occur in pre-trial detention centers is undoubtedly taking hostages. This act poses an increased public danger and is associated not only with the forced detention of a person, but also with the use or threat of violence against them, the possibility of illegal escape from detention and the potential for continued criminal activity. Currently, there are 210 pre-trial detention centers and 71 premises operating as pre-trial detention facilities² located on the territory of each region of the Russian Federation within the penal system. In this regard, the study of this topic is quite relevant, as the commission of such an act not only destabilizes the operations of this correctional facility, but also necessitates the activation of the entire law enforcement apparatus in the region. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: hostage-taking, detention center, correctional institution, crime, violence, suspect, accused

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-59-64

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // ФСИН РФ: [официальный сайт]. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 10.07.2024).

² The official website of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed: 07.10.2024).

Проявлению криминального насилия всегда предшествуют определенные причины и условия. Это проявляется во всех аспектах криминальной деятельности. Не является исключением совершение преступлений с использованием насилия в условиях содержания под стражей, лицами, подозреваемыми, обвиняемыми в совершении преступлений, которым была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Во-первых, это проявляется в специфике мест совершения деяния, к которым относятся следственные изоляторы и помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов ФСИН РФ, а также места, где временно исполняется мера пресечения в виде заключения под стражу – изоляторы временного содержания МВД РФ и пограничных войск ФСБ РФ.

Во-вторых, это проявляется и в особенностях личности лиц, содержащихся в данных учреждениях. К ним относятся лица подозреваемые, обвиняемые в совершении преступлений, в отношении которых избрана наиболее суровая мера пресечения в виде заключения под стражу, а также некоторые категории осужденных содержащихся в данных учреждениях. Например, осужденные, приговор которых вступил в законную силу, и ожидающие отправки в исправительную колонию, переведенные в следственный изолятор для проведения следственных действий, участия в судебном процессе, отбывающие наказание в данном учреждении и другие.

Необходимо отметить, что в условиях содержания под стражей преобладают лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, зачастую с применением насилия, то есть указанная категория обладает навыками применения насилия для исполнения своего замысла.

Наиболее опасными преступлениями, совершенными с применением насилия, являются убийства, причинения телесных повреждений различной степени тяжести, нападение на персонал учреждений, дезорганизация деятельности, массовые беспорядки, захват заложников и другие.

Бесспорно, любое преступление, совершаемое в следственном изоляторе, негативно влияет на все функционирование учреждения, но одним из наиболее опасных является захват заложников.

Как справедливо указывается в научной литературе [1, с. 78–82; 2, с. 68; 3, с. 257–260], данное преступное деяние отличается повышенной степенью общественной опасности [4].

Захваты заложников в следственных изоляторах фиксировались в 2006, 2009, 2022, 2024 годах.

Так, 04.09.2006 года в СИЗО №9 УФСИН России по Московской области трое лиц, содержащихся под стражей, во время проведения прогулки, не заходя в прогулочный дворик, напали на младшего инспектора, который был один, забрали у него ключи и форму. Пользуясь тем, что в силу нехватки персонала в учреждении работало большое количество прикомандированных сотрудников, которые не знали друг друга, дошли до кабинета начальника СИЗО, угрожая ему самодельным оружием, потребовали пригласить сотрудников отдела специального учета в кабинет. В результате чего взяли в заложники 15 человек, в том числе 9 женщин, и потребовали вывезти их за пределы изолятора³.

В апреле 2009 года в следственном изоляторе Ульяновской области содержался Х. 1973 г.р., осужденный по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 11 годам лишения свободы в колонии строгого режима. Для оказания стоматологической помощи он был выведен в медицинскую часть к врачу-стоматологу, в результате того, что не был произведен его полный обыск, осужденному удалось пронести в медицинский кабинет заточку, изготовленную из алюминиевой ложки. После оказания медицинской помощи осужденный забаррикадировал дверь стоматологического кабинета и осуществил захват врача.

21 августа 2022 года в СИЗО-1 ГУФСИН по Кемеровской области произошел захват заложников. При проведении вечерней проверки, при открытии двери камеры, в которой содержалось восемь человек, трое сотрудников были насильственно заведены в нее лицами, содержащимися в ней. В результате проведенных специальных мероприятий никто не пострадал⁴.

Как справедливо указывает М.В. Лопина: «Захват заложников в большинстве случаев несчастное явление, а следствие сложившихся причин» [5, с. 156].

³ Захват заложников в Капотне произошел из-за нехватки кадров и спецсредств? [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/accidents/772609.html> (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ Заключенные захватили сотрудников СИЗО Кемерово в заложники: коротко о том, что произошло [Электронный ресурс] // NGS42.RU. – URL: <https://ngs42.ru/text/criminal/2022/08/22/71590025/> (дата обращения: 26.06.2024).

Основной причиной данного преступления является желание преступников незаконно выйти из учреждения [6, с. 132; 7, с. 91]. Но существуют и иные, имеющие демонстративный характер, например, привлечение внимания к некоторым нерешаемым проблемам сотрудниками администрации следственного изолятора.

Как показало исследование, за последние годы в следственных изоляторах нашей страны данное преступление фиксировалось несколько раз и не является распространенным ни в следственных изоляторах, ни в исправительных колониях, но в тоже время оно является одним из наиболее резонансных, совершаемых в условиях изоляции от общества, на борьбу с которым направляются все правоохранительные органы региона.

Наиболее опасное проявление данное деяние получило в 2024 году при захвате заложников в СИЗО-1 ГУФСИН по Ростовской области. Где помимо самого захвата заложников с выдвиганием требования покинуть данное учреждение, причинением насилия к персоналу учреждения, публично демонстрировалась символика экстремистской организации, с соответствующими высказываниями преступников, выражающимися в явном неуважении к обществу, в котором они проживают, а также к религиозным и национальным особенностям. Целью захвата было не только желание незаконного освобождения из-под стражи, но и дестабилизация обстановки внутри нашей страны, особенно южных регионов, на фоне того, что исполнителями преступления являлись лица, обвиняемые в совершении террористической и экстремистской деятельности.

При этом в процессе совершения преступления они демонстративно показывали приверженцам своих взглядов невозможность отступления от своих принципов в условиях изоляции от общества, тем самым устрашая население.

О пренебрежении к различным традициям и обычаям, а также нормам действующего законодательства указывает тот факт, что преступники в продолжение своего незаконного замысла захватили в заложники представителя переговорной группы из числа сотрудников ГУФСИН по Ростовской области, а также применили к нему насилие.

Одним из показателей экстремистской направленности действий преступников оказывается тот факт, что они, являясь представителями исламской религии, при проведении переговоров отказались общаться с ее духовным представителем.

Данная особенность присуща многим лицам, исповедующим ислам, содержащимся под стражей. Это объясняется тем, что некоторые представители данной религии, попадая в места лишения свободы, начинают активно ее изучать именно там, самостоятельно или доверяясь более «опытным» сокамерникам. Данная категория является очень закрытой для общения и проведения профилактической работы, в результате чего формируется неверное мировоззрение, отторжение всего чуждого, включая не только иные религиозные взгляды, но и нормы права. Права других лиц отходят на второй план, как и требования администрации по соблюдению режимных правил. На указанное обстоятельство указывают и другие авторы [8].

По данным исследования, проводимого в следственных изоляторах Московской области в 2022–2023 годах, была выявлена особенность, что 47% лиц посещали православного священника или готовы к общению, когда появится такая возможность, а мусульмане, готовые посещать имама, напротив, составляют только 3%.

Во многом именно изучение радикального ислама позволяет вербовать данных лиц в группы для совершения различных преступлений против «инакомыслящих», представителей иных религий, национальностей. Это может проявляться и в нападении на персонал, на других подозреваемых, обвиняемых, захватах заложников и т.д.

На этот факт стали обращать внимание и государственные деятели. Так глава комитета Госдумы по информационной политике Александр Хинштейн указал, что захват заложников в СИЗО в Ростове-на-Дону – это «результат отсутствия профилактики экстремизма и распространения деструктивных идей в системе ФСИН», вследствие чего возникают «тюремные джамааты» (неформальные объединения мусульман в местах лишения свободы)⁵.

⁵ Хинштейн заявил, что «многим придется ответить погонями» за ЧП в СИЗО [Электронный ресурс] // РБК life: [офф. сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/16/06/2024/666eb1eb9a7947c3d7252dae> (дата обращения: 28.06.2024).

Указанное обстоятельство является одной из причин совершения насильственных преступлений в условиях содержания под стражей.

Также к причинам и условиям, способствующим совершению захвата заложников, следует отнести факторы, прямо влияющие на проявление данного деяния:

- нехватка персонала, выполняющего функции по обеспечению режима и надзора в следственных изоляторах. Следствием чего является невозможность по перекрытию всех объектов в учреждении, невыполнение требований режима в части проведения обысковых и досмотровых мероприятий, своевременному выявлению запрещенных предметов и каналов их поступления, мероприятий, направленных на обеспечение собственной безопасности при выполнении служебных обязанностей. Особенно это касается крупных городов.

Так, по данным исследования было установлено, что например, в учреждениях уголовно-исполнительной системы Московской области, на территории которой функционируют в основном следственные изоляторы, за 1 квартал 2024 года комплект персонала составляет 29,2%, из них младший начальствующий состав около 22%, средний и старший – 7–8%. Соответственно и возложенные задачи на данные учреждения невозможно исполнить полноценно.

Данная проблема относится не только к указанному региону, она проявляется по всей стране и является в последние годы системной. Так, после захвата заложников в Ростове-на-Дону, было выявлено, что нехватка сотрудников в регионе составляет 1186 человек, или 24,6%⁶;

- отсутствие законодательной возможности при осуществлении постоянного внутреннего конвоирования в СИЗО использовать некоторые специальные средства, в частности наручники, в результате чего как индивидуальное, так и групповое сопровождение происходит небезопасно для персонала;

- недостаточные знания персоналом порядка действий в нештатных ситуациях, законодательства и ведомственных подзаконных актов;

- некачественное выполнение требований ведомственных нормативно-правовых актов в части обеспечения режима и надзора, иногда низкая требовательность к лицам, содержащимся под стражей, что так же частично является следствием нехватки персонала;

- пропаганда вседозволенности и защищенности спецконтингента, которая прививается им через средства массовой информации, законодательство, деятельность некоммерческих организаций, и на этом фоне достаточно слабая защищенность персонала учреждения, законтированность любых действий, требующих постоянного отчета. В связи с чем сотрудники не применяют законные меры предупреждения в виде применения физической силы, специальных средств к уже начинающимся преступным проявлениям, когда на ранней стадии можно предотвратить развивающееся противоправное деяние;

- недостаточная внутриобъектовая защищенность персонала и помещений, что во многих учреждениях проявляется в отсутствии локальных участков безопасности для младшего инспектора на внутреннем посту, отгороженного решетчатой или металлической дверью. В случае незаконного покидания камеры спецконтингентом у сотрудника имеется возможность только скинуть ключи от камер в специальное место, а сам он останется не защищен.

Также в учреждениях слабо защищены от входа посторонних лиц помещения для персонала, находящиеся на режимной территории, в частности помещение дежурной части. Как правило, двери оборудуются обычным замком, который не запирается в дневное время. В ходе исследования было установлено, что сотрудники зачастую дверь в дежурную часть не закрывают, из-за необходимости часто ее покидать, а также слабой проветриваемости, особенно в летнее время.

Зная причины и условия совершения рассматриваемых деяний, легче выработать предупреждающие меры. Следует отметить, что в настоящее время, в частности, отсутствует законодательная возможность пользоваться некоторыми специальными средствами, например при осуществлении постоянного внутреннего конвоирования в СИЗО использовать наручники. Закон позволяет это делать только в исключительных случаях. В связи с чем **предлагается изменить п. 8 ч. 1 ст. 30 ФЗ «Об уч-**

⁶ В ростовском СИЗО, где взяли заложников, не хватает почти 80 сотрудников [Электронный ресурс] // Новые Известия online. – URL: <https://newizv.ru/news/2024-06-17/v-rostovskom-sizo-gde-vzyali-zalozhnikov-ne-hvataet-pochti-80-sotrudnikov-431070> (дата обращения: 28.06.2024).

реждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ», убрав из него слова: «если они своим поведением дают основание полагать, что намерены совершить побег либо причинить вред окружающим или себе» и изложив его в следующей редакции: «при конвоировании, охране или сопровождении осужденных и лиц, заключенных под стражу, осуществлении надзора за осужденными, отбывающими наказание в колониях-поселениях».

Рассмотренные факторы являются негативным фоном, сопровождающим работу следственных изоляторов, а также причинами и условиями формирования преступного умысла у лиц, содержащихся под стражей, направленного на возможность незаконного освобождения из данных учреждений. И если вопросам внешней охраны уделяется в последние годы повышенное внимание в уголовно-исполнительной системе, то вопросы внутренней безопасности во многом остаются неразрешенными, чем и стараются воспользоваться некоторые подозреваемые, обвиняемые и осужденные.

Список литературы

1. Павлик М.Ю. Возникновение и развитие российского уголовного законодательства об ответственности за захват заложника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-zahvat-zalozhnika> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Канунникова Н.Г., Шхагапсоев З.Л. Захват заложников как способ совершения актов терроризма: понятие и предупреждение // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №2 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-zalozhnikov-kak-sposob-soversheniya-aktov-terrorizma-ponyatie-i-preduprezhdenie> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Несмелов П.В., Солдатова О.В. Захват заложника: комплексный (исторический, социально-философский, криминологический, уголовно-правовой, международно-правовой) анализ // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-zalozhnika-kompleksnyu-istoricheskiy-sotsialno-filosofskiy-kriminologicheskij-ugolovno-pravovoy-mezhdunarodno-pravovoy> (дата обращения: 10.07.2024).
4. Новиков А.В., Лопина М.В. Современное состояние захвата заложников, совершаемого в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3. – С. 282. – EDN VBRGHR.
5. Лопина М.В. Конфликт как детерминант захвата заложников в учреждениях, исполняющих уголовное наказание // Общество и право. – 2012. – №2 (39). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-kak-determinant-zahvata-zalozhnikov-v-uchrezhdeniyah-ispolnyayuschih-ugolovnoe-nakazanie> (дата обращения: 28.06.2024).
6. Черняков М.Ю. Уголовно-правовая характеристика захвата заложников в исправительных учреждениях // Вестник Коломенского института (филиала) Московского политехнического университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – № 14. – С. 90–96. – EDN RYQVBXN.
7. Лопина М.В., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Криминологическая характеристика захвата заложников в учреждениях ФСИН России. Экспертные выводы и рекомендации // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 1А. – С. 129–137. – EDN XRFHKP.
8. Гаврилов Е.Д. Тенденции пенитенциарных преступлений, совершаемых иностранными гражданами в российских исправительных учреждениях // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 31. – С. 109.

References

1. Pavlik M. Yu. Vozniknovenie i razvitie rossijskogo ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za zahvat zalozhnika // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2006. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-zahvat-zalozhnika> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
2. Kanunnikova N. G., Shkhagapsoev Z. L. Zahvat zalozhnikov kak sposob soversheniya aktov terrorizma: ponyatie i preduprezhdenie // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2016. – №2 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-zalozhnikov-kak-sposob-soversheniya-aktov-terrorizma-ponyatie-i-preduprezhdenie> (data obrashcheniya: 10.07.2024).

3. *Nesmelov P.V., Soldatova O.V.* Zahvat залozhника: kompleksnyj (istoricheskij, social'no-filosofskij, kriminologicheskij, ugovolno-pravovoj, mezhdunarodno-pravovoj) analiz // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-zalozhnika-kompleksnyy-istoricheskij-sotsialno-filosofskiy-kriminologicheskij-ugolovno-pravovoy-mezhdunarodno-pravovoy> (data obrashcheniya: 10.07.2024).
4. *Novikov A.V., Lopina M.V.* Sovremennoe sostoyanie zahvata zalozhnikov, sovershaemogo v uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2-3. – S. 282. – EDN VBRGHR.
5. *Lopina M.V.* Konflikt kak determinant zahvata zalozhnikov v uchrezhdeniyah, ispolnyayushchih ugovolnoe nakazanie // Obshchestvo i pravo. – 2012. – №2 (39). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-kak-determinant-zahvata-zalozhnikov-v-uchrezhdeniyah-ispolnyayushchih-ugolovnoe-nakazanie> (data obrashcheniya: 28.06.2024).
6. *Chernyakov M.Yu.* Ugolovno-pravovaya harakteristika zahvata zalozhnikov v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik Kolomenskogo instituta (filiala) Moskovskogo politekhnicheskogo universiteta. Ser.: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2019. – № 14. – S. 90–96. – EDN RYQBXH.
7. *Lopina M.V., Novikov A.V., Slabkaya D.N.* Kriminologicheskaya harakteristika zahvata zalozhnikov v uchrezhdeniyah FSIN Rossii. Ekspertnye vyvody i rekomendacii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – T. 8, № 1A. – S. 129–137. – EDN XRFHKP.
8. *Gavrilov E.D.* Tendencii penitenciarных prestuplenij, sovershaemyh inostrannymi grazhdanami v rossijskih ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Evrazijskij soyuz uchenyh. – 2016. – № 31. – S. 109.

УДК 343.13

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ХОДЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Палиева Оксана Николаевна¹,

*канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: palievaoksana@mail.ru,*

Палиев Владимир Борисович¹,

*канд. пед. наук,
e-mail: radanpal58@mail.ru,*

Осипян Наталья Борисовна¹,

*канд. псих. наук,
e-mail: nosipyuan@miemp.ru,*

¹Московский университет им С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия

Судебное разбирательство является центральной стадией уголовного судопроизводства, в ходе которой исследуются все собранные в рамках расследования уголовного дела доказательства. Достаточно часто тщательному исследованию подлежат судебные экспертизы, которые были проведены в ходе предварительного расследования.

В процессе судебного исследования возникают ситуации, когда суд устанавливает несоответствие выводов и исследовательской части экспертизы, несоответствие выводов нескольких проведенных экспертиз, некомпетентность эксперта и иные нарушения, которые влияют на полноту и ясность судебной экспертизы, и в целом влияют на ее объективность. В такой ситуации с целью установления истины по делу, есть необходимость в назначении дополнительных, повторных, комиссионных или комплексных судебных экспертиз в рамках судебного разбирательства.

Авторы проанализировали судебную практику назначения различных видов судебных экспертиз в судебном следствии. Это позволило выявить нарушения, допускаемые при производстве экспертиз в ходе предварительного расследования, соответственно обобщить основания назначения судебных экспертиз в рамках судебного следствия. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: судебное следствие, исследование доказательств, судебная экспертиза, назначение, процессуальный порядок, дополнительная судебная экспертиза, повторная судебная экспертиза, комиссионная судебная экспертиза, комплексная судебная экспертиза, правоприменительная практика

LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF ORDERING FORENSIC EXAMINATIONS DURING A JUDICIAL INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Palieva O.N.¹,

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: palievaoksana@mail.ru,*

Paliev V.B.¹,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
e-mail: radanpal58@mail.ru,*

Osipyuan N.B.¹,

*Candidate of Psychological Sciences,
e-mail: nosipyuan@miemp.ru,*

¹Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

The trial is the central stage of the criminal proceedings, during which all the evidence gathered during the investigation of the criminal case is examined. Quite often, forensic examinations that were carried out during the preliminary investigation are subject to thorough investigation.

In the course of judicial proceedings, situations may arise where the court identifies inconsistencies in the conclusions and research part of an examination, inconsistencies between the findings of multiple examinations, expert incompetence, and other issues that affect the thoroughness and clarity of a forensic investigation, and ultimately its objectivity. In such a situation, in order to determine the truth in a case, it is necessary to conduct additional, repeated forensic examinations as part of the trial process.

The authors analyzed the judicial practice of appointing various types of forensic examinations in judicial investigations. This made it possible to identify violations committed during the examinations in the course of the preliminary investigation, and, therefore, to summarize the grounds for the appointment of forensic examinations within the framework of a judicial investigation. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: trial, examination of evidence, forensic examination, appointment, procedural order, additional forensic examination, repeated forensic examination, commission forensic examination, complex forensic examination, law enforcement practice

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-65-72

Значимым видом доказательств, исследуемых в суде первой инстанции, выступает экспертное заключение.

Целью получения доказательства рассматриваемого вида является использование специальных познаний в процессе доказывания и получение ответов на вопросы, которые суд в силу своей специфики не может разрешить самостоятельно. В настоящее время практически по каждому уголовному делу назначается судебная экспертиза, а по некоторым делам их количество доходит до нескольких десятков. Поскольку для разрешения некоторых вопросов следствия необходимо использовать специальные познания, должностные лица назначают судебно-медицинские, почерковедческие, компьютерные, компьютерно-технические, молекулярно-генетические, объектов биологического происхождения и другие экспертизы. С учетом развития научного прогресса появляются все новые и новые виды экспертиз.

Назначение экспертизы в рамках судебного следствия оформляется судебным актом на основании ходатайства одной из сторон или по инициативе самого суда. При назначении экспертизы должны учитываться все обстоятельства дела, имеющиеся доказательства в деле, их достаточность с точки зрения предмета и пределов доказывания. Кроме того, решение вопроса о назначении экспертизы в ходе судебного разбирательства зависит от качества экспертного заключения, проведенного на досудебной стадии, в частности его достоверности, относимости и допустимости.

Суд первой инстанции принимает решение о назначении определенного вида судебной экспертизы: комиссионной и комплексной, предусмотренных ст. 200–201 УПК РФ; дополнительной и повторной, предусмотренных ст. 207 УПК РФ. Вид экспертизы зависит от оснований, возникающих в процессе рассмотрения дела по существу¹.

После принятия решения о назначении судебной экспертизы суд предлагает сторонам представить в письменной форме свои варианты вопросов эксперту. Предложенные вопросы обязательно оглашаются на заседании и обсуждаются представителями сторон. Мнение каждого из представителей выслушивается председательствующим, а затем суд, рассмотрев предложения участников процесса, может мотивированно отклонить некоторые вопросы по причине отсутствия их связи с уголовным делом или недостаточной компетенцией выбранного эксперта. Суд также может сформулировать вопросы судебным экспертам на свое усмотрение.

Н.В. Ягупец предлагает внимательно относиться к постановке вопросов на экспертизу. Они должны быть четкими и логическими, тогда ответы экспертов на них также будут точны. Вопросы должны быть сформулированы правильно, чтобы не возникало путаницы в их задачах и ответах на них [1, с. 341]. При составлении вопросов важно избегать ссылок на нефиксированные данные. Некоторые вопро-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – №5-2. – Ст. 259.

сы эксперту вообще могут быть лишены смысла, если не требуют специализированных знаний. Также внимательно следует относиться к описательной части постановления о назначении экспертизы. Часто в описательной части указываются детали исследования, в которых нет смысла и особого значения.

Таким образом, для эффективного проведения экспертизы необходимо соблюдение таких требований, как правильная постановка вопросов, их структурная трактовка, логическая последовательность и определенность. Постановление о назначении судебной экспертизы или определение суда оформляются в соответствии с процессуальными требованиями и после сбора всего необходимого материала.

Выбор экспертной организации зависит от судебского усмотрения, но обязательно должны учитываться мнения сторон. Более того, у сторон имеется право на отвод эксперту в порядке статьи 70 УПК РФ. При этом необходимо иметь в виду, что экспертом может выступать не только представитель государственных судебно-экспертных учреждений, но и любые другие лица, обладающие специальными знаниями, и которые суд посчитает достаточными для ответа на поставленные им вопросы (ч. 2 ст. 195 УПК РФ, ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее ФЗ «ГСЭД»))². Как следует из позиции высшей судебной инстанции, о компетентности и надлежащей квалификации лица, не работающего в судебно-экспертном учреждении, могут свидетельствовать образование, специальность, стаж работы³. Иными словами, не требуется никакого специального статуса или лицензии/разрешения для того, чтобы быть назначенным судебным экспертом [2, с. 215].

Считаем необходимым отметить положительный момент в процедуре назначения судебной экспертизы в судебном следствии, описанный выше. Суды всегда следуют этому порядку в отличие от органов предварительного следствия. Следователи допускают и иной порядок назначения судебной экспертизы и зачастую даже не знакомят стороны с постановлением о назначении экспертизы и вопросами, которые сами ставят эксперту, чем нарушают принципы уголовного судопроизводства (ст. 15–16 УПК РФ) и порядок назначения экспертизы, предусмотренный в соответствующих нормах (ст. 195, 198 УПК РФ) [3, с. 126; 4, с. 46]. Тем самым они нарушают права и обязанности участников уголовного судопроизводства.

Данное требование ч. 3 ст. 195 УПК РФ распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях⁴.

Законодатель уделяет особое внимание вынесению постановления о назначении экспертизы судом и предусматривает в ч. 2 ст. 256 УПК РФ удаление в совещательную комнату для постановления письменного решения в виде процессуального документа.

Важным, требующим тщательного анализа, является вопрос оснований назначения судебной экспертизы в ходе судебного следствия.

Постановление Пленума Верховного Суда № 28 однозначно указывает, что недостаточная ясность экспертного заключения выражается в «невозможности уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса эксперта»⁵. Некоторые ученые считают, что недостаточную ясность возможно устранить и пу-

² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (п. 3) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав ст. 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1620-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стальмакова Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 3044-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей ст. 195 и ч. 1 ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2.

тем допроса эксперта в судебном заседании [5]. Но, если это невозможно, тогда и не следует назначать судебную экспертизу.

Иначе обстоит дело с критерием «полноты» исследования. Вышеуказанное постановление дает следующее разъяснение: «неполным заключение эксперта является в случае отсутствия ответов на все поставленные перед экспертом вопросы или если учтен неполный объем имеющих значение обстоятельств»⁶. Исходя из смысла указаний постановления, критерием неполноты является содержание исследования, которое в недостаточной мере следует методике экспертного исследования. В свою очередь нарушение методики экспертного исследования может указывать на некомпетентность эксперта, производившего экспертизу.

Ю.К. Орлов считает, что основанием для назначения дополнительной экспертизы является появление в уголовном деле новых объектов для исследования [6, с. 32], а Б.И. Пинхасов наоборот, считает, что объекты должны быть прежними, а обстоятельства по делу, новыми, что и повлечет дополнительное исследование [7, с. 46]. На самом деле основания назначения повторных и дополнительных экспертиз вызывают живую и достаточно длительную дискуссию среди ученых и к единому мнению пока они не пришли. Но в правоприменительной практике, если говорить о назначении указанных видов экспертиз в ходе судебного следствия, они назначаются на основании аргументированных доводов участников уголовного судопроизводства. По такому пути идет сейчас правоприменительная практика.

Основания назначения повторных, дополнительных и иных видов судебных экспертиз неразрывно связано с оценкой судебной экспертизы, которая проводилась в рамках предварительного следствия либо самого судебного разбирательства в суде первой инстанции. Любое доказательство по уголовному делу, в том числе и судебное заключение, должно соответствовать критериям относимости, допустимости и достоверности.

Критерий, который достаточно часто нарушается в правоприменительной деятельности, это достоверность заключения. Достоверным заключение эксперта может быть только тогда, когда правильно использованы методы и средства исследования. Выполнение указанного критерия связано с компетентностью эксперта, выполнявшего экспертное заключение. Стороны судебного следствия, как правило, всегда обращают на это внимание. По одному из уголовных дел в отношении Т. была проведена психолого-сексолого-психиатрическая судебная экспертиза, в ходе которой было установлено хроническое психическое расстройство, лишившего Т. возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. На основании полученного экспертного заключения пришли к выводу о невозможности Т. понимать характер и значение уголовного судопроизводства, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания. Однако, государственный обвинитель не согласился с указанным заключением и высказал мнение о необоснованности и недостоверности выводов экспертов. Он заявил, что заключение эксперта должно быть непротиворечивым и научно достоверным и на этом основании ходатайствовал о повторной стационарной комплексной психолого-сексолого-психиатрической экспертизе. По результатам исследования в рамках повторной экспертизы было установлено, что у Т. имеется смешанное расстройство личности и установлена симуляция. Выводы экспертизы были обоснованы в исследовательской части судебного заключения. В отношении Т. вынесен обвинительный приговор по п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ [8, с. 107]. В вышеназванном случае государственное обвинение подвергло сомнению обоснованность выводов и убедило суд первой инстанции в необходимости проведения повторной судебной экспертизы.

Применительно к заключению эксперта достоверность означает соответствие заключения объективной действительности. Достоверность как научный термин – это понятие более широкое. Достоверность определяется как путем анализа самого заключения, так и его оценкой в совокупности с другими доказательствами. Выводы эксперта могут быть вполне обоснованными, но могут противоречить другим доказательствам. В случае обнаружения противоречий между заключением эксперта и другими доказательствами, в частности с другими экспертными заключениями, как правило, назначается повторная судебная экспертиза (ст. 70 УПК РФ). В результате ее проведения либо выявляются какие-то недочеты первого исследования, не замеченные ранее, либо оно полностью подтверждается,

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2.

и первоначальный экспертный вывод получает дополнительное обоснование. Обоснованность заключения эксперта означает доказанность выводов результатами проведенного исследования, а также их убедительность, аргументированность и мотивированность.

Основанием к проведению повторной экспертизы может быть сомнение в обоснованности выводов экспертизы с точки зрения субъекта, проводившего экспертизу. В уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 70) четко обозначено основание для отвода, где указано, что заинтересованность и зависимость эксперта является основанием для его отвода от проведения экспертизы. По одному из уголовных дел в качестве обвиняемого привлекался сотрудник полиции (ст. 293 УК РФ) и в рамках дела в ЭКЦ УВД соответствующего региона была произведена фоноскопическая экспертиза. По результатам исследовательской части, эксперт сделал вывод о том, что аудиозапись, представленная на экспертизу, имеет множественные посторонние шумы, которые мешают достоверно разобрать разговорную речь. Однако, по инициативе гособвинения в ходе судебного следствия аудиозапись была прослушана и было установлено, что даже при обычном прослушивании возможно понять смысл текста говорящего человека. Государственный обвинитель подверг сомнению заключение эксперта и заявил ходатайство о повторной фоноскопической экспертизе, и которая по решению суда была назначена в другой регион. Значимым аргументом такого назначения повторной экспертизы явился факт работы привлекаемого лица в правоохранительных органах вместе с экспертом, проводившим экспертизу [9, с. 41]. Соблюдение принципа независимости эксперта, а также его компетентности, требуют действующие нормативные правовые акты в сфере судебно-экспертной деятельности, а также иные ведомственные правовые акты⁷.

Комиссионная экспертиза проводится в случае, когда необходимо получить заключение от нескольких экспертов с целью уточнения определенных вопросов. Обычно комиссионную экспертизу назначают в случаях, когда необходимо проанализировать сложные медицинские, экологические, технические или иные вопросы, требующие высокой квалификации и узкой специализации экспертов.

В ФЗ «ГСЭД» установлены требования к процедуре назначения комиссионной экспертизы, к числу привлекаемых экспертов, их квалификации, методикам проведения экспертизы, порядку подписания заключения, а также общий порядок его использования органами юстиции.

Как правило, заключение комиссионной экспертизы состоит из общей части, отражающей общие выводы и предварительные сведения, и специальной части, содержащей ответы на конкретные вопросы, поставленные перед экспертом. Эксперты также могут дополнять заключения своими комментариями и примечаниями.

Если мнения экспертов по ряду вопросов расходятся, суд может назначить повторную экспертизу. Повторная экспертиза проводится при необходимости уточнения некоторых моментов, которые не были учтены в предыдущей комиссионной экспертизе.

Комиссионная экспертиза может быть назначена судом и в тех случаях, когда один эксперт не может дать заключение, которое бы устраивало обе стороны дела. В таких случаях составляется единое заключение на основе мнения двух или более экспертов.

В рамках расследования конкретного уголовного дела органами предварительного следствия назначались и проводились две судебно-медицинские экспертизы, в ходе которых устанавливался вред, причиненный потерпевшему К.А.В., и возможность причинения вреда здоровью ударом бейсбольной битой либо ногой, обувью.

Заключение судебно-медицинской экспертизы № 667 указывает на то, что потерпевшему К.А.В. были причинены телесные повреждения в виде «закрытого внутрисуставного оскольчатого вдавленного перелома наружного эпиметадифиза левой большеберцовой кости со смещением, сопровождавшийся смещением внутреннего мениска» (п. 3), чем был «причинен тяжкий вред здоровью по квалифицирующему признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть» (п. 3.1). «Характер повреждения указывает на то, что травма левого коленного сустава могла быть получена как от однократного удара действия твердого предмета, так и от неоднократных воздей-

⁷ Приказ Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Приказ Генерального прокурора РФ от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствий». Эксперт в рамках экспертизы четко указал, что «высказаться об индивидуальных особенностях предмета, которым причинен удар, не представляется возможным» (п. 5). Указанное заключение экспертизы было получено еще в рамках предварительного расследования. Сторона защита посчитала, что данная экспертиза выполнена некачественно, и указала на ряд ошибок, которые имелись в заключении, в том числе и технических. С учетом этого, следователь счел необходимым назначить комиссионную (комплексную) судебно-медицинскую экспертизу. Заключение комиссионной (комплексной) судебно-медицинской экспертизы № 580 было следующего содержания п. 3.1. «Отмеченный перелом не мог быть получен потерпевшим К.А.В. от удара твердым тупым предметом в область его коленного сустава, а именно ногой, обувью в обувь или бейсбольной битой, представленной на экспертизу, что достоверно подтверждается, если учитывать размеры палки и локальный характер перелома». Согласно п. 5 потерпевшему «причинен тяжкий вред здоровью по квалифицирующему признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть». Остановившись на выводах комиссионного судебно-медицинского заключения, органы предварительного следствия квалифицировали действия виновных по ч. 2 ст. 111 УК РФ и направили уголовное дело в суд.

Суд тщательным образом проверил все доказательства по делу. С учетом противоречивых выводов двух судебно-медицинских экспертиз, различающихся показаний подсудимых и потерпевшего, свидетелей обвинения и свидетелей защиты и по ходатайству защиты суд назначил еще одну, уже третью судебно-медицинскую экспертизу, которая была проведена Российским Центром судебно-медицинских экспертиз (г. Москва). Заключение дополнительной комиссионной (комплексной) судебно-медицинской экспертизы № 291/13 было совсем иного характера и выводы экспертов в корне отличались от первых двух экспертиз. «Причиненная потерпевшему К.А.В. тупая травма левой нижней конечности сопровождалась длительным расстройством здоровья, что является квалификационным признаком среднего вреда здоровью» (п. 1.2). Экспертной комиссией не представилось возможным объективно установить «...индивидуальные особенности орудия, причинившего выявленные телесные повреждения...», а также утвердительно высказаться, что данное повреждение образовалось от удара палкой, приобщенной к материалам уголовного дела (п. 3.2). Суд оценил все доказательства в совокупности и вынес обвинительный приговор, переqualифицировав действия виновных с ч. 2 ст. 111 УК РФ на п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ [10, с. 106].

Таким образом, суд проверил в судебном следствии обстоятельства дела путем проведения дополнительной комиссионной (комплексной) судебно-медицинской экспертизы, которая установила абсолютно иные обстоятельства по делу, позволившие суду переqualифицировать действия подсудимых на более мягкую статью, и привлечь их к уголовной ответственности по п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

В завершении научного исследования хотелось бы еще раз отметить, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает процедуры назначения судебной экспертизы в стадии назначения дела к слушанию. Согласно с мнением Л.В. Зорина, который достаточно тщательно проанализировал вопросы назначения судебной экспертизы в рамках судебного разбирательства и пришел к выводу о том, что есть необходимость во включении в законодательство процессуальной процедуры назначения судебной экспертизы на этапе предварительного слушания [11, с. 8]. Участники уголовного судопроизводства должны быть обеспечены правом ходатайствовать о назначении судебной экспертизы на любом этапе судопроизводства. Даже суд апелляционной инстанции обладает правом назначения судебной экспертизы в ходе рассмотрения апелляционной жалобы (представления), согласно ч. 1, 6, 6.1 ст. 389.13 УПК РФ. Участники уголовного судопроизводства должны иметь гарантии на реализацию своих прав.

Исходя из изложенного, можно выделить следующий механизм и обоснования назначения судебной экспертизы в судебном следствии:

- проявление инициативы со стороны участников процесса (сторона обвинения, сторона защиты, суд);
- установление оснований, указывающих на необходимость назначения судебной экспертизы (исследование экспертизы, проведенной в рамках предварительного расследования, допрос эксперта, допрос специалиста, установление новых фактов по делу, нарушение норм уголовно-процессуального законодательства и иные);
- обсуждение участниками процесса вопросов, позволяющих вынести обоснованное постановление о назначении судебной экспертизы (формулировка вопросов, определение объектов, направляемых на исследование, выбор экспертного учреждения).

На основании проведенного исследования выделим несколько оснований к назначению судебных экспертиз в рамках судебного следствия, часто встречающихся в судебной практике. Установлены:

- нарушения уголовно-процессуального законодательства при назначении и производстве судебной экспертизы, не позволяющие признать ее доказательством по делу;
- факты, указывающие на противоречивые выводы судебной экспертизы, что порождает сомнения в ее объективности (заключение специалиста, противоречивые заключения нескольких судебных экспертиз и другие);
- новые факты по делу в рамках судебного следствия, указывающие на необходимость назначения повторной или дополнительной экспертизы.

Указанный перечень не является исчерпывающим. Установить конкретный список оснований не представляется возможным ввиду разных обстоятельств в правоприменительной практике.

Суд в процессе судебного следствия оценивает экспертное заключение с точки зрения соблюдения процессуального порядка назначения экспертизы, соблюдения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, его полноты, обоснованности и достоверности в соответствии с другими доказательствами по делу.

Список литературы

1. Ягупец Н.В. Действия адвоката по привлечению специалиста и представление полученных от него сведений // Уральский журнал правовых исследований. – 2019. – № 2 (3). – С. 341.
2. Сенников С.А. Актуальные проблемы проведения судебных экспертиз научными организациями // Вопросы российского и международного права. – 2022. – № 3. – С. 215.
3. Палиева О.Н., Палиев В.Б. О проблемах назначения и производства судебно-медицинских экспертиз в уголовном судопроизводстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 6 (109). – С. 126–129.
4. Пинхасов Б.И. Назначение и производство дополнительной экспертизы: сб. науч. тр. ТашНИИСЭ. – Вып. V. – Ташкент, 1968. – С. 46.
5. Forensic examinations in criminal proceedings: problems of law enforcement / Y. Demidchenko, O. Paliyeva, V. Paliyev, B. Tcoi // Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences. – URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.2767611> IAJPS. – 2019. – № 06 (05). – Pp. 9491–9498.
6. Орлов Ю.К. Дополнительная и повторная судебные экспертизы в уголовном процессе // Судебная экспертиза. – 2016. – № 1. – С. 32.
7. Федотов И.С. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу // Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 107.
8. Исаенко В.Н. Надлежащий субъект производства экспертизы в уголовном процессе // Законность. – 2022. – № 5. – С. 41.
9. Гаспарян Н.С. Недопустимые доказательства. Теория и систематизированная судебная практика. Ч. 3. Адвокатская палата Ставропольского края. – Ставрополь: Литера, 2010. – С. 106.
10. Зорин Л.В. Назначение и проведение судебной экспертизы в стадии судебного разбирательства: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – С. 8.

References

1. Yagupets N.V. Actions of a lawyer to attract a specialist and presentation of information received from him // Ural Journal of Legal Research. – 2019. – No. 2 (3). – P. 341.
2. Sennikov S.A. Current problems of conducting forensic examinations by scientific organizations // Issues of Russian and international law. – 2022. – No. 3. – P. 215.
3. Paliyeva O.N., Paliyev V.B. On the problems of assigning and conducting forensic medical examinations in criminal proceedings // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – No. 6 (109). – 2019. – P. 126–129.
4. Pinkhasov B.I. Appointment and production of additional examination: Sat. scientific tr. TashNIISE. – Vol. V. – Tashkent, 1968. – P. 46.

5. Forensic examinations in criminal proceedings: problems of law enforcement / Y. Demidchenko, O. Paliyeva, V. Paliyev, B. Tcoi // Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences. – URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.2767611> IAJPS. – 2019. – № 06 (05). – Pp. 9491–9498.
6. Orlov Yu.K. Additional and repeated forensic examinations in criminal proceedings // Forensic examination. – 2016. – No. 1. – P. 32.
7. Fedotov I.S. Evaluation of the conclusion and testimony of an expert, the conclusion and testimony of a specialist as evidence in a criminal case // Criminal Law. – 2014. – No. 3. – P. 107.
8. Isaenko V.N. Proper subject of examination in criminal proceedings // Legality. – 2022. – No. 5. – P. 41.
9. Gasparyan N.S. Inadmissible evidence. Theory and systematized judicial practice. P. 3. Bar Association of the Stavropol Territory. – Stavropol: Litera, 2010. – P. 106.
10. Zorin L.V. Appointment and conduct of forensic examination at the trial stage: 00.12.08 – Criminal law and criminology; criminal executive law: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences. – Chelyabinsk, 2010. – P. 8.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Семенцова Ирина Анатольевна^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: irina_semen@inbox.ru,

Федорова Екатерина Алексеевна³,

канд. юрид. наук,
e-mail: gelonkinaea@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия,

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия,

³Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск, Россия

Взятничество как форма преступного поведения, связанная с деятельностью государственных органов, формирует систему противоправных преимуществ в доступе к власти, материальным ресурсам и благам, исключает, таким образом, свободную рыночную конкуренцию, нарушает принципы демократии и социальной справедливости в обществе. В статье анализируется текущее состояние борьбы со взятничеством. Приведенные официальные статистические данные Судебного департамента и МВД России о состоянии коррупционной преступности подтверждают актуальность рассматриваемой темы. Рост числа преступлений, связанных с дачей или получением взятки, посредничеством во взятничестве может свидетельствовать, с одной стороны, об активной работе правоохранительных органов по выявлению и повышению раскрываемости коррупционных преступлений, и с другой – о недостаточной, слабой и неэффективной профилактической работе контролирующих органов. В статье проводится разграничение понятий «коррупция», «взятничество», «подкуп», раскрываются способы взятничества. Ставятся проблемные вопросы касательно разграничения взятничества со смежными составами, определения предмета взятки. Указывается на правовые и иные средства противодействия взятничеству. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: взятничество, преступления коррупционной направленности, дача взятки, получение взятки, посредничество во взятничестве, уголовная ответственность, предмет взятки, должностное лицо

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE STRUGGLE AGAINST BRIBERY OF OFFICIALS

Sementsova I.A.^{1,2},

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: irina_semen@inbox.ru,

Fedorova E.A.³,

Candidate of Legal Sciences,
e-mail: gelonkinaea@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia,

²Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia,

³Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia

Bribery as a form of criminal behavior associated with the activities of government bodies creates a system of illegal advantages in access to power, material resources and benefits, thus excluding free market competition, violating the principles of democracy and social justice in society. The article analyzes the current state of the struggle against bribery. The official statistical data of the Judicial Department and the Ministry of Internal Affairs

of Russia on the state of corruption crime confirm the relevance of this issue. The increase in the number of crimes related to bribery and mediation in bribery may indicate, on the one hand, the active work of law enforcement agencies in identifying and increasing the detection of these crimes. However, it may also indicate the insufficient, weak, and ineffective preventive work of regulatory agencies. The article distinguishes between the concepts of "corruption", "bribery", "tampering", reveals the methods of bribery. Problematic issues are raised regarding the distinction between bribery and related offenses, determining the subject of a bribe. Legal and other means of combating bribery are indicated. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: bribery, corruption crimes, bribery, bribe taking, mediation in bribery, criminal liability, subject of the bribe, official

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-73-78

Когда уровень и масштаб коррумпированности власти имеет тенденцию к неуклонному росту, наступает риск потери рычагов управления государством со стороны легитимной власти, распад государственных институтов и прекращение демократического развития государства. Публичные общественные отношения, защищаемые государственными органами, становятся предметом преступной деятельности самих должностных лиц [1, с. 27]. Коррупционные проявления свойственны всем звеньям органов государственной власти и местного самоуправления. Значительно осложняет криминогенную ситуацию противоправная деятельность многочисленных организованных групп и преступных организаций с коррупционными и транснациональными связями. Взятничество приводит к искажению правосознания общества, внушая гражданам идею о легком удовлетворении своих потребностей через подкуп чиновников [2, с. 171].

Преступления, совершенные в сфере государственной службы, обладают повышенной общественной опасностью, так как их осуществление приводит к существенному нарушению конституционных прав человека, свидетельствует о неспособности государства обеспечить их надлежащую защиту.

В настоящий момент можно с уверенностью утверждать, что взяточничество является одним из самых распространенных видов должностных преступлений, свойственных всем сферам жизнедеятельности общества. Также стоит отметить, что данный вид преступности обладает высоким уровнем латентности, так как с каждым разом устанавливаются и формируются новые способы, формы и методы совершения таких преступлений, что правоохранительные органы просто не успевают подстроиться за современными реалиями [3]. Отсутствуют объективные критерии оценки некоторых вещей и услуг, выступающих в качестве предмета взятки (неимущественные услуги, запрещенные или ограниченные в обороте товары). Предмет взятки достаточно часто может быть завуалирован под благотворительный взнос или пожертвование. Латентность должностной преступности имеет сложный характер, что обусловлено отсутствием свидетелей либо их попустительским отношением к коррупции, а также заинтересованностью всех субъектов (взятокодателя, взятокополучателя, посредника).

Взяточничество является одним из видов должностной преступности, которое обладает наибольшей повышенной опасностью. Как справедливо отмечает Д.А. Казанцев, взяточничество, прежде всего, направлено на получение в незаконном порядке материальной выгоды и материальных благ, которыми взяточник может распоряжаться по своему усмотрению [4, с. 20].

Проблемным видится аспект правильной квалификации действий взяточника. Традиционно смежным составом выступают мошеннические действия. Нередки случаи перекалфикации преступлений с 290 или 291.1 на 159 статью УК РФ. Это отражается на статистике преступности в целом и назначении справедливого наказания для виновного. Разграничивать данные необходимо по таким признакам, как отсутствие факта обмана и злоупотребления доверием при получении взятки, отсутствие признаков хищения имущества при получении взятки и добровольная передача взятки взятокополучателю [5, с. 26].

Вопрос о содержании понятия «взяточничество» в науке уголовного права относится к ряду дискуссионных. Существует точка зрения, в соответствии с которой этим понятием охватываются дача, получение взятки, посредничество во взяточничестве и провокация взятки. Данные преступления объединены общим объектом и предметом, содержанием и характером действий, и представляют собой совокупность уголовно-наказуемых деяний, совершение которых непосредственно связано с дачей/по-

лучением взятки. Действия, связанные с провокацией взятки, все же, безусловно, нельзя отнести к взяточничеству, и следует считать преступлением, которое прилагается к нему.

Взяточничество как социальное явление связано с основными социально-экономическими процессами, которые протекают в нашей стране, и, с одной стороны, оно является порождением этих процессов, с другой – непосредственно и существенно влияет на их развитие.

Существует точка зрения, согласно которой получение, дача взятки и посредничество во взяточничестве является одним сложным преступлением. К взяточничеству прилагаются действия связанные с провокацией взятки. По мнению отдельных ученых провокация взятки охватывается родовым понятием «взяточничество» [6, с. 145]. Такая позиция обосновывается, главным образом, однородностью терминологии, которая используется в диспозициях соответствующих уголовно-правовых норм.

Высказываются и другие мнения относительно сущности провокации взятки, которые сводятся к тому, что это деяние находится за пределами понятия «взяточничество», поскольку оно направлено на создание искусственной ситуации для дачи или получения взятки, является видом злоупотребления должностным лицом властью или должностным полномочием, которое заключается в использовании незаконных способов искусственного создания доказательств обвинения [7]. Единственное, что связывает провокацию взятки со взяточничеством – это то, что этот способ применяется для искусственного создания доказательств обвинения в совершении преступлений. Если же этот способ соответствующими должностными лицами (следователем, лицом, производящим дознание, прокурором) используется для искусственного создания доказательств обвинения в совершении других преступлений, то их действия образуют состав квалифицированного привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ). В других случаях такого рода действия могут быть расценены как подстрекательство к совершению определенного преступления.

Такого рода аргументы не лишены определенной логики, как не лишена ее и позиция тех юристов, которые считают, что такой вид должностного преступления, как посредничество во взяточничестве, не нуждается в специальной криминализации, а следовательно, его не нельзя рассматривать как отдельный вид взяточничества. Эту позицию сегодня разделяет много ученых.

Учитывая указанное, взяточничество можно определить как совокупность уголовно-наказуемых деяний, совершение которых непосредственно связано с дачей/получением взятки.

В отношении взяточничества субъектом получения выступает должностное лицо, а предметом выступает именно взятка. При этом, относительно данного преступления стоит сказать, что это могут быть не только материальные вещи, деньги, ценные бумаги. И здесь возникает проблемный вопрос, связанный с отсутствием единых критериев оценки (определения стоимости) отдельных предметов взятки, чаще всего при оказании услуг имущественного характера. К слову, данное понятие уголовный закон не раскрывает. Оконченным, как известно, такое преступление считается с момента начала оказания услуг. Проблемным видится оценка услуг или работ, которые не завершены. Критерием здесь могут быть денежная оценка, размер базового тарифа предмета взятки, стоимость издержек на затраты предмета взятки и т.д.

Еще сложнее видится вопрос квалификации деяний, предметом которых выступают услуги имущественного характера, информация или официальная оценка (заключение, рецензия, отзыв, характеристика, награды, присвоение почетного звания). В целом считаем, что предмет может быть любой, если за его счет совершаются те или иные действия, которые не должны были совершаться, если бы не взятка. Взятки также могут классифицироваться на взятки-авансы, взятки-расчеты или благодарность и систематические взятки за покровительство и попустительство, а также за законные и незаконные действия.

Квалификацию взяточничества за незаконные действия может усложнить существующее в уголовном законе противоречие, а именно указание на «заведомость» таких действий в ч. 3 ст. 291 и ч. 2 ст. 291¹ УК РФ [8, с. 49]. При этом в норме о получении взятки (ч. 3 ст. 290 УК РФ) этот признак субъективной стороны отсутствует. Достаточно сложно разграничить просто незаконные действия (бездействия) от заведомо незаконных. Значение «заведомости» для разных составов трактуется различно, легального определения нет. Это может привести к неоднозначной оценке преступного деяния. В этой связи считаем целесообразным унифицировать нормы о даче/получении взятки и исключить из ч. 3 ст. 291 и ч. 2 ст. 291¹ УК РФ признак заведомости.

Взятничество в публицистике, в юридической литературе довольно часто отождествляют с коррупцией. Иногда взятничество считается одним из наиболее опасных видов этого явления или же ставят его рядом с коррупцией, выделяя такие отдельные правовые категории, как коррупция, взятничество, злоупотребление властью и служебным положением и тому подобное. В связи с этим возникает закономерный вопрос – как на самом деле соотносятся между собой такие понятия, как «взятничество» и «коррупция», насколько правомерно их отождествление или, наоборот, обособление?

В целом преступления коррупционной направленности в УК РФ не сводятся в единую главу, они находятся в разных местах (например, ст. 141.1, 184, 289, 290, 291, 159, 204 УК РФ и др.) и их объединяет общее свойство – это использование своего служебного положения в сфере государственной или муниципальной деятельности, коммерческих и иных организациях в корыстных целях и вопреки интересам органа или учреждения. Современная коррупция – это и взятка, и подкуп, и должностные злоупотребления, и помехи здоровой конкуренции, и мошенничества, и незаконные использования бюджетных средств, а также иные виды хищения с использованием служебных полномочий для личной выгоды.

Взятничество же является традиционным, наиболее распространенным и в историческом аспекте самым древним и опасным проявлением коррупции. Взятничество царит в государственной среде с обязательным фигурантом в качестве взяткополучателя специального субъекта «должностного лица» и предмета преступления «взятка». «Взятничество» и «коррупция» являются органически взаимосвязанными, вытекающими одна из другой. Правовые средства противодействия коррупции и взятничеству не совпадают: противодействие коррупции включает достаточно широкий круг правовых средств, в то время как основным правовым средством борьбы со взятничеством являются соответствующие уголовно-правовые нормы.

Характеристика современного состояния проблемы взятничества дала нам право утверждать, что непонимание существенного вреда и тяжких последствий этих преступлений исключительно как материальной категории приводит к целому ряду публикаций о несостоятельности борьбы правоохранительных органов с коррупционной преступностью в целом.

За последние годы количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности растет (рисунок 1). Так, в 2023 году было зарегистрировано более 35 тыс. таких преступлений, что более чем на 3 % превышает показатели 2022 года (в 2018 – 29 634; в 2019 – 30 495; в 2020 – 30 991; в 2021 – 30 813, в 2022 – 35 340)¹.

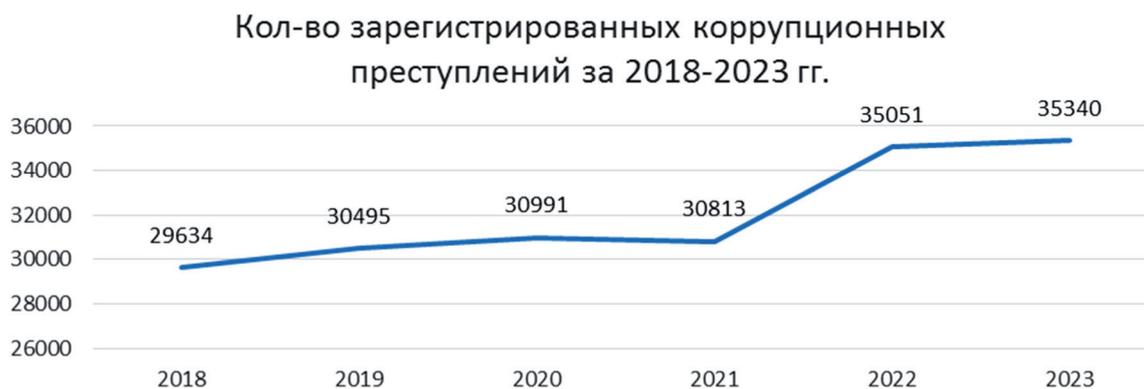

Рисунок 1 – Количество зарегистрированных коррупционных преступлений за 2018–2023 гг.

Стоит отметить, что согласно данным статистики судебного департамента РФ (рисунок 2) с введением в действие статьи 291.2 (Мелкое взятничество) количество осужденных по данной статье составляют большую часть².

¹ Состояние преступности [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 22.07.2024).

² Основные статистические показатели состояния судимости в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 22.07.2024).

Кол-во осужденных за взяточничество за 2020–2023 гг.

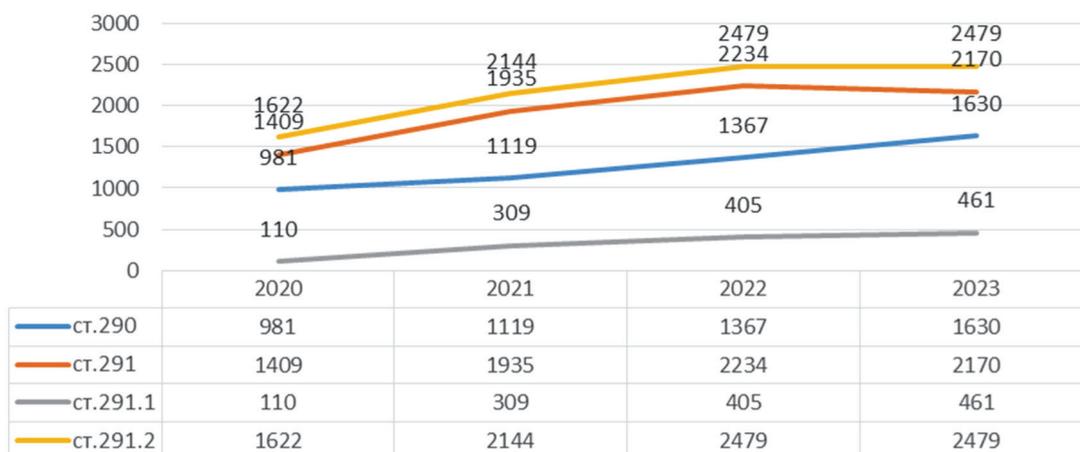

Рисунок 2 – Количество осужденных за взяточничество за 2020–2023 гг.

Существующая практика статистического учета осужденных, когда принимают во внимание только наиболее распространенные или более тяжкие преступления, приводит к тому, что количество осужденных за преступления коррупционной направленности среди общего количества осужденных лиц составляет 1,5–1,6 %, то есть в два раза меньше, чем установленных и зарегистрированных преступлений в общем количестве преступлений.

Кроме того, высокий уровень латентной преступности в сфере получения или дачи взятки затрудняет оценку ее реального состояния. Согласно статистическим данным, представленным на сайте МВД России, только за январь–май 2024 года было зарегистрировано 11 480 случаев взяточничества, что на 11,1 % больше аналогичного периода прошлого года³.

Если рассматривать должностные преступления на уровне регионов, то отмечается, что наиболее часто должностная преступность присутствует в таких регионах, как: г. Москва, Краснодарский край, Ставропольский край, Челябинская область, республика Башкортостан, республика Татарстан, республика Дагестан, Московская область.

С учетом приведенных статистических данных можно прийти к выводу, что уровень преступлений, совершаемых в сфере служебной деятельности, неуклонно растет. Государство против этого бедствия не реализует всех средств борьбы. Меры борьбы со взяточниками сформулированы, известны и должны активнее применяться надзорными и иными государственными органами. Помимо выявления непосредственно фактов коррупции, должен осуществляться контроль над доходами и расходами госслужащих, обеспечиваться прозрачность и доступность деятельности госструктур, минимизация бюрократии и волокиты, повышение правовой грамотности и культуры, улучшение социально-имущественного положения должностных лиц, совершенствование нормативно-правовой базы, проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов, соблюдение принципа неизбежности ответственности. Останавливает либо тормозит реализацию данных мер пресловутый человеческий фактор, лень, корыстные стремления к быстрой наживе, культ роскоши, отсутствие мотивов и стимулов правомерного поведения. Правоохранительные органы могут и способны эффективно противодействовать коррупционным преступлениям, нужно лишь перестать заниматься случайным законотворчеством, парализующим их работу.

Список литературы

1. Донгак Б.К. Борьба с коррупцией в системе государственной службы Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. – 2022. – № 2.1 (33). – С. 34–38.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–май 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/51988292/> (дата обращения: 22.07.2024).

2. Кубиевич С.В. Уголовная ответственность за взяточничество: проблемы и современное состояние // Закон и право. – 2024. – № 7. – С. 170–173.
3. Данилова Е.В., Городнова О.Н. Понятие и классификация коррупционных преступлений // Вестник Российского университета кооперации. – 2021. – № 3 (45). – С. 105–107.
4. Казанцев Д.А. Некоторые проблемы применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за взяточничество // Российско-азиатский правовой журнал. – 2019. – № 1. – С. 19–23.
5. Власова Е.И. Предупреждение коррупционного поведения государственных гражданских служащих // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. – 2022. – № 2.1 (33). – С. 23–28.
6. Ровнейко В.В. Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. – 2015. – Т. 25, № 2. – С. 144–147.
7. Лужнова О.В. К вопросу об отграничении дачи взятки от провокации взятки // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 131–133.
8. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности за взяточничество // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – №1 (55). – С. 46–51.

References

1. Dongak B.K. Bor'ba s korrupciej v sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 2: Yuridicheskie nauki. – 2022. – № 2.1 (33). – S. 34–38.
2. Kubievich S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za vzyatochnichestvo: problemy i sovremennoe sostoyanie // Zakon i pravo. – 2024. – № 7. – S. 170–173.
3. Danilova E.V., Gorodnova O.N. Ponyatie i klassifikaciya korrupcionnyh prestuplenij // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. – 2021. – № 3 (45). – S. 105–107.
4. Kazancev D.A. Nekotorye problemy primeneniya ugolovno-pravovyh norm, predusmatrivayushchih otvetstvennost' za vzyatochnichestvo // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. – 2019. – № 1. – S. 19–23.
5. Vlasova E.I. Preduprezhdenie korrupcionnogo povedeniya gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 2: Yuridicheskie nauki. – 2022. – № 2.1 (33). – S. 23–28.
6. Rovnejko V.V. Provokaciya vzyatki kak korrupcionnoe prestuplenie, sovershennoe s ispol'zovaniem sluzhebno polozeniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo. – 2015. – T. 25, № 2. – S. 144–147.
7. Luzhnova O.V. K voprosu ob otgranichenii dachi vzyatki ot provokacii vzyatki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2010. – № 3. – S. 131–133.
8. Bagautdinov F.N. Aktual'nye voprosy ugolovnoj otvetstvennosti za vzyatochnichestvo // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – №1 (55). – S. 46–51.

УДК 343.3/7

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

Карпова Наталия Анатольевна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: isakovkos@yandex.ru,

Юдина Ульяна Сергеевна²,

e-mail: yudina.uljana@yandex.ru,

¹Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Россия,

²Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия

В статье рассматриваются субъективные признаки посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, так как в настоящее время увеличивается число подобных деяний, в связи с чем данная тема весьма актуальна. Предметом исследования выступает уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Целью исследования является обоснование предложений по совершенствованию законодательства на основе анализа признаков субъекта и субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ. В содержании статьи рассматриваются примеры из правоприменительной практики по квалификации указанного преступления с учетом субъективных признаков состава преступления и в соответствии с судебным толкованием. При проведении исследования применялись следующие методы: формально-логический, сравнительно-правовой, а также анализ, синтез, дедукция. Новизна исследования заключается в том, что высказаны предложения авторов по изменению действующего уголовного законодательства РФ с целью более точной квалификации рассматриваемого деяния. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, применение насилия в отношении представителя власти, угроза убийством, угроза применения насилия, субъект и субъективная сторона преступления, возраст преступника, общественная опасность деяния

SUBJECTIVE SIGNS OF ENCROACHMENT ON THE LIFE OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER

Karпова N.A.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: isakovkos@yandex.ru,

Yudina U.S.²,

e-mail: yudina.uljana@yandex.ru,

¹The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

²Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

The article examines the subjective signs of an encroachment on the life of a law enforcement officer, since the number of such acts is currently increasing, and therefore this topic is very relevant. The subject of the study is a criminal law norm that provides for liability for an encroachment on the life of a law enforcement officer. The purpose of the study is to substantiate proposals for improving legislation based on an analysis of the characteristics of the subject and the subjective side of the crime provided for in Art. 317 of the Criminal Code of the Russian Federation. The content of the article discusses examples from law enforcement practice on the qualification of this crime, taking into account the subjective characteristics of the crime and in accordance with judicial interpretation. The following methods were used during the research: formal logical, comparative legal, as well as analysis, synthesis, and deduction. The novelty of the study lies in the fact that the authors made pro-

posals to change the current criminal legislation of the Russian Federation in order to more accurately qualify the considered act. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: encroachment on the life of a law enforcement officer, use of violence against a representative of authority, threat of murder, threat of violence, subject and subjective side of the crime, age of the offender, public danger of the act

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-79-84

Введение

В настоящее время посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, ответственность за которое предусмотрена главой 32 УК РФ, обладает повышенной степенью общественной опасности. Отметим, что это единственное преступление в указанной главе и одно из пяти в УК РФ (помимо преступлений, предусмотренных ст. 105, 277, 295 и 357 УК РФ), за которое законодатель предусмотрел не только пожизненное лишение свободы, но и в качестве альтернативы смертную казнь. Также высокая степень общественной опасности обусловлена тем, что рассматриваемое преступление является двухобъектным. По мнению Г.С. Шкабина, Л.Д. Гаухмана, А.И. Чучаева и других ученых, общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок деятельности правоохранительных органов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, образуют основной непосредственный объект рассматриваемого преступления, а жизнь потерпевших, перечисленных в ст. 317 УК РФ, составляет дополнительный непосредственный объект¹.

На сегодняшний день возросло количество осужденных за указанное преступление. П.Ю. Немченко и А.М. Васильев также обращают внимание на прирост данного преступления [1, с. 122]. Так, согласно данным официальной статистики, в 2020 г. было осуждено 26 человек, в 2021 – 21, в 2022 – 21, 2023 – 36 человек². Это говорит о том, что жизнь сотрудника правоохранительного органа нуждается в большей защите со стороны государства ввиду увеличения в целом посягательств на данный объект уголовно-правовой охраны.

Неслучайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 14 от 01.06.2023 г.³ пристальное внимание обратил на особенности квалификации данного преступления. Однако существует ряд проблем, касающихся субъективных признаков исследуемого преступления, требующих решения [2, с. 41–58].

1. Исследование субъекта посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа

Отметим, что субъектом данного преступления выступает физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Интерес представляет следующий пример. В Республике Дагестан 6 мая 2024 г. 16-летний подросток напал на сотрудника полиции при следующих обстоятельствах. Школьник совершил административное правонарушение, после чего на служебном автомобиле ППСП его собирались доставить в отдел полиции. В это время подросток достал находившийся при нем нож и нанес несколько ударов двум полицейским, причинив одному из них телесные повреждения. По факту совершения данного преступного деяния возбудили уголовное дело по ст. 317 УК РФ⁴. В соответствии с п. 7 ППВС РФ № 14 от 01.06.2023 при совершении указанного преступления направленность умысла

¹ Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. – Москва: Юриспруденция, 2018. – С. 726–727; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. – Москва: Юриспруденция, 1999. – С. 722; Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. – С. 519.

² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 09.04.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ В Дагестане подросток напал на полицейских // РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240506/dagestan-1944099809.html> (дата обращения: 06.05.2024).

виновного состоит в лишении потерпевшего жизни⁵. Как мы полагаем, исходя из обстоятельств дела, у школьника был умысел именно на убийство полицейского.

Анализ материалов правоприменительной практики свидетельствует о снижении возраста лиц, совершающих подобные деяния. Так, 14 сентября 2022 г. 16-летний подросток напал на участкового с ножом и перцовым баллончиком. По данным некоторых источников нападавший перепутал участкового со своим отцом, который работал в том же опорном пункте полиции, которому школьник хотел отомстить по причине неуплаты алиментов. При этом уголовное дело было возбуждено по ст. 317 УК РФ⁶. Налицо ошибка в объекте: нападавший ошибочно напал на другого человека, при этом мотивом выступала не месть за законную деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а личные неприязненные отношения, сложившиеся по поводу неуплаты алиментов и в целом отсутствия общения с семьей.

Согласно п. 9 ППВС РФ от 01.06.2023 № 14, если посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа совершено из мести на почве личных неприязненных отношений, то такое деяние подлежит квалификации как преступление против личности⁷. В этой связи, на наш взгляд, наличие юридическая оценка содеянного должна быть осуществлена по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Перечисленные преступления далеко не единственные: известны различные примеры совершения данного деяния несовершеннолетними⁸.

Как верно отмечает Н.Г. Кадников, если преступления против жизни без смягчающих обстоятельств, предусмотренных специальными нормами, в частности, ст. 317 УК РФ, совершены лицами, не достигшими 16-летнего возраста, то содеянное надлежит квалифицировать по общей норме, предусматривающей ответственность за убийство с 14 лет, то есть по ст. 105 УК РФ [3, с. 70–71].

Приведем следующий пример. В Бурятии 14-летний подросток ранил полицейского ножом при следующих обстоятельствах. Сотрудники полиции задержали подростков, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, после чего на служебном автомобиле осуществляли поездку до отдела полиции с целью установления личности последних. Во время следования один из подростков достал нож и нанес им удар по лицу водителя служебного транспорта, причинив ему проникающее ранение носовой и ротовой полости⁹. Как мы видим, подросток желал воспрепятствовать доставлению его в отдел полиции, в связи с чем у него возник умысел совершить посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Тем не менее сведения о возбуждении уголовного дела отсутствуют, тогда как лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁰.

По мнению ряда ученых, необходимо снизить возраст уголовной ответственности за совершение исследуемого преступления [4, с. 190; 5 с. 77] и, как совершенно справедливо отмечают Н.Г. Кадников и Н.А. Карпова, некоторых аналогичных преступных деяний, например, предусмотренных ст. 295 УК РФ [6, с. 125]. Поддерживая данные суждения, отметим, что лицо, достигшее 14-летнего возраста, может осознавать социально значимый характер своего поведения и принимать соответствующие решения¹¹. Ввиду того, что в ч. 2 ст. 20 УК РФ указана ст. 105 УК РФ, предполагается осознание факта убийства, в том числе в связи с осуществлением им служебной деятельности. Наше мнение обосновано и распространенностью данного деяния среди несовершеннолетних: согласно данным официальной ста-

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Раскрыт мотив нападения 16-летнего подростка на российского полицейского // LENTA.RU [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/14/police/> (дата обращения: 06.05.2024).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Юный разбойник покушался на жизнь сотрудницы полиции // NASHGORODRU [Электронный ресурс]. – URL: <https://nashgorod.ru/news/2015-09-24/yunu-razboynik-pokushalsya-na-zhizn-sotrudnitsy-politsii-2078952> (дата обращения: 11.04.2024).

⁹ Подросток в Бурятии ранил ножом полицейского // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/7447173> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁰ Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.Г. Кадникова. – Москва: Юриспруденция, 2018. – С. 730.

¹¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / А. А. Абдульманов и др.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.Г. Кадникова. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – С. 240.

тики, ежегодно более 120 осужденных совершают в несовершеннолетнем возрасте преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 317–319 УК РФ¹².

2. Исследование субъективной стороны посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа

Субъективная сторона входит в основание уголовной ответственности, в связи с чем играет важную роль при оценке преступных деяний. В преступлении, предусмотренном ст. 317 УК РФ, внутренняя сторона противоправного деяния представлена следующими обязательными признаками:

- умышленной формой вины в виде прямого умысла;
- целью в виде воспрепятствования законной деятельности указанных в диспозиции статьи лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности;
- мотивом мести за такую деятельность [7, с. 115].

Возвращаясь к вопросу ошибки в личности потерпевшего при совершении рассматриваемого посягательства, отметим, что в научной среде существует множество точек зрения по поводу квалификации подобных деяний. Умыслом лица является посягательство конкретно на сотрудника правоохранительного органа – оно должно владеть информацией о принадлежности потерпевшего к определенной структуре, например, на нем – форменное обмундирование, либо при нем находится служебное удостоверение, либо он передвигается на служебном автотранспорте, либо находится в специализированном учреждении, например, в территориальном отделе МВД России.

Так, мы поддерживаем мнение С.В. Борисова и С.В. Иванцова о том, что покушение на убийство в ст. 317 УК РФ, совершающееся при ошибке в личности потерпевшего, тем не менее подразумевает угрозу для охраняемого уголовным законом объекта, которая признается как оконченное преступление ввиду высокой общественной опасности данного деяния. В этой связи подобные действия следует квалифицировать по ст. 317 УК РФ, если лицо ошибочно приняло личность потерпевшего за сотрудника, например, ввиду сходства по внешним признакам, темного времени суток или других обстоятельств [8, с. 111]. Объясняется это так же тем, что умысел лица остается неизменным, и он посягает именно на два объекта уголовно-правовой охраны.

Как отмечено в п. 7 ППВС РФ № 14 от 01.06.2023, следует отличать посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, не повлекшее причинение ему смерти по независящим от лица обстоятельствам, от применения насилия, опасного для его жизни, так как в первом случае умыслом лица является именно лишение потерпевшего жизни, а во втором – отношение лица к наступлению смерти сотрудника может быть выражено исключительно в форме неосторожности¹³.

Характерен следующий пример. А. был задержан сотрудниками полиции и доставлен в отдел полиции. По прибытии А. решил оказать неповиновение сотрудникам полиции и, желая скрыться и избежать задержания, произвел выстрел из находившегося при нём девятимиллиметрового пистолета «Стар» в сторону сотрудника полиции М.Д.С., с целью испугать последнего и таким образом избежать задержания. Как отмечено в приговоре, у А. отсутствовал умысел на лишение потерпевшего жизни. Своими действиями обвиняемый не причинил вред здоровью потерпевшего, однако создал реальную угрозу для жизни и здоровья М.Д.С., и у последнего имелись реальные основания опасаться ее осуществления. Суд указал, что угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 318 УК РФ, диспозиция которой не конкретизирует вид угрозы, в связи с чем состав данного преступления имеет место и при угрозе любым насильем, а также при угрозе убийством. В этой связи действия лица суд переквалифицировал со ст. 317 УК РФ на ч. 1 ст. 318 УК РФ¹⁴.

¹² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 09.04.2024).

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Приговор Волгоградского областного суда Волгоградской области № 2-35/2023 от 23 ноября 2023 г. по делу № 2-35/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uCion0TbLho5/> (дата обращения: 16.04.2024).

Мы согласны с позицией суда, однако ни в УК РФ, ни в ППВС РФ № 14 от 01.06.2023¹⁵ не конкретизируется содержание угрозы в части включения в ее содержание угрозы убийством. В ст. 296 УК РФ установлена ответственность за угрозу убийством в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде. В ряде источников угроза убийством сотрудника правоохранительного органа оценивается как преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ¹⁶. Однако большинство ученых придерживается позиции, что данные действия надлежит квалифицировать по ст. 318 УК РФ. Например, по мнению Л.Д. Гаухмана, угроза применения насилия в отношении представителя власти включает в себя, в частности, словесно или деятельно выраженное лицом намерение причинить смерть¹⁷. А.И. Чуцаев также указывает, что содержание угрозы в диспозиции ст. 318 УК РФ не носит конкретизированного характера и в том числе предполагает угрозу убийством¹⁸.

Мы солидарны с приведенными точками зрения ученых, в связи с чем предлагаем в целях устранения неопределенности включить в ППВС РФ от 01.06.2023 № 14 разъяснение следующего содержания: «Угроза применения насилия в ч. 1 ст. 318 может выражаться в угрозе убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, нанесением побоев, совершением иных насильственных действий, которые могут причинить боль, и другими действиями, если потерпевший воспринимает их в качестве реальной угрозы жизни или здоровью».

Заключение

Таким образом, в ходе исследования субъективных признаков посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, нами были сформулированы следующие выводы.

1. На наш взгляд, необходимо снизить возраст уголовной ответственности до 14 лет, в связи с чем выше нами дана аргументированная позиция.

2. Признаки субъективной стороны исследуемого преступления составляют вину в виде прямого умысла и альтернативно: цель в виде воспрепятствования законной деятельности сотрудников правоохранительных органов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также мотив мести за такую деятельность. Таким образом, при наличии данных признаков и с учетом фактической ошибки в личности потерпевшего, покушение на его убийство в рамках ст. 317 УК РФ свидетельствует о том, что умыслом виновного лица охватывалось посягательство на два объекта уголовно-правовой охраны.

3. С целью недопущения неопределенности предлагаем конкретизировать виды угрозы применения насилия в рамках ч. 1 ст. 318 УК РФ и включить в них, в частности, угрозу убийством, о чем, по нашему мнению, необходимо разъяснение Пленума ВС РФ в постановлении от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Список литературы

1. Немченко П.Ю., Васильев А.М. Посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2024. – № 2-3 (89). – С. 121–124.
2. Кунашев А.А. Насильственные посягательства в отношении сотрудников правоохранительных органов и других представителей власти (ст. 317, 318 УК РФ): вопросы квалификации и позиция Пленума Верховного Суда РФ // *Уголовное право*. – 2023. – № 12 (160). – С. 41–58.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Управление МВД России по городу Севастополю [Электронный ресурс]. – URL: <https://92.mvd.pf/news/item/37573326> (дата обращения: 17.04.2024).

¹⁷ Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под общ. ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. – Москва: Юриспруденция, 1999. – С. 722.

¹⁸ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чуцаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. – С. 519.

3. *Кадников, Н.Г.* Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. – Москва: Юриспруденция, 2019. – 336 с.
4. *Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А., Пузанов Ю.П.* Теоретические и правоприменительные проблемы квалификации посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №2. – С. 183–191.
5. *Кутаков Н.Н.* Ответственность за посягательства на жизнь и здоровье сотрудника исправительного учреждения: проблемы теории и правоприменительной практики // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 1 (62). – С. 74–84.
6. *Карпова Н.А., Кадников Н.Г.* К вопросу об ответственности за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей. – Москва: Юриспруденция, 2020. – С. 119–125.
7. *Парфенчик В.Ю.* Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации: вопросы теории и судебной практики // Вестник науки. – 2023. – № 12 (69). – С. 513–516.
8. *Иванцов С.В., Борисов С.В.* Актуальные вопросы уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 6. – С. 109–115.

References

1. *Nemchenko P.Yu., Vasiliev A.M.* Attempt on the life of law enforcement officers // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 2-3 (89). – P. 121–124.
2. *Kunashev A.A.* Violent attacks against law enforcement officers and other government officials (Articles 317, 318 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues and the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal Law. – 2023. – No. 12 (160). – P. 41–58.
3. *Kadnikov N.G.* Qualification of crimes and issues of judicial interpretation: monograph. – Moscow: Jurisprudence, 2019. – 336 p.
4. *Abbasov F.N., Agaev G.A., Puzanov Yu.P.* Theoretical and law enforcement problems of qualifying an attempt on the life of a law enforcement officer (Article 317 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2005. – No. 2. – P. 183–191.
5. *Kutakov N.N.* Responsibility for attempts on the life and health of an employee of a correctional institution: problems of theory and law enforcement practice // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2022. – No. 1 (62). – P. 74–84.
6. *Karpova N.A., Kadnikov N.G.* On the issue of liability for an attempt on the life of a person administering justice or preliminary investigation // Crimes against justice committed at the pre-trial stages of criminal proceedings: Collection of scientific articles. – Moscow: Jurisprudence, 2020. – P. 119–125.
7. *Parfenchik V.Yu.* Criminal-legal protection of law enforcement officers of the Russian Federation: issues of theory and judicial practice // International scientific journal “Bulletin of Science”. – 2023. – No. 12 (69). – P. 513–516.
8. *Ivancov S.V., Borisov S.V.* Actual issues of criminal liability for an attempt on the life of a law enforcement officer // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 6. – P. 109–115.

УДК 343.985

НАПАДЕНИЕ НА ТРУБОПРОВОД «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК»: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА. Статья вторая

Срето Ного¹⁻³,

*доктор, профессор; президент; вице-президент,
e-mail: umkp.rs@gmail.com,*

Драган Манойлович¹,

*доктор, профессор,
e-mail: umkp.rs@gmail.com,*

¹Университет «Мегатренд», г. Белград, Республика Сербия,

²Сербская ассоциация международного уголовного права, г. Белград, Республика Сербия,

³Всемирный форум по преступности и уголовному праву, г. Пекин, Китайская Народная Республика

В рамках научных подходов в статье анализируется состав преступления, в результате которого насильственным образом были повреждены трубопроводы, известные как «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2», а также исследуются возможности определения виновных лиц, совершивших данное преступление. Утаивание информации и ее «искажение» мировыми средствами массовой информации (далее – СМИ), молчание одной части международного сообщества и воздержание от оценки данного преступления рядом постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности (далее – СБ) ООН, срыв международного решения о начале процесса расследования на международном уровне фактически показывают, что проводятся действия по созданию помех (физических, географических) для раскрытия и расследования данного преступления. Исследование показывает, что этот преступный акт может быть классифицирован как сложное преступление, показавшее уязвимость инфраструктуры, посредством которой осуществляется обмен товарами и услугами через воды морей и океанов, так как она не подпадает под суверенитет – не находится под непосредственной защитой национальной юрисдикции государств. Совершение указанных преступлений может угрожать не только экономической безопасности, но и любой другой суверенности и территориальной целостности государств.

Ключевые слова: «Северный поток», трубопроводы, диверсия, преступность, лицо, совершившее преступление, международное преступление

ASSAULT ON THE NORD STREAM PIPELINE: AN INTERNATIONAL CRIME OF A STATE CHARACTER. Article two

Sreto Nogo¹⁻³,

*doctor, professor; president; vice president,
e-mail: umkp.rs@gmail.com,*

Dragan Manojlovic¹,

*doctor, professor,
e-mail: umkp.rs@gmail.com,*

¹Megatrend University, Belgrade, Republic of Serbia,

²Serbian Association of International Criminal Law, Belgrade, Republic of Serbia,

³World Forum on Crime and Criminal Law, Beijing, People's Republic of China

In the article, within the framework of scientific approaches, the corpus delicti was analyzed, as a result of which the Nord Stream 1 and Nord Stream 2 pipelines were violently damaged. The possibilities of determining the perpetrators of this crime were explored. The concealment of information and its distortion by the world media, the silence of some members of the international community, and the refraining of some permanent and non-

permanent members of the UN Security Council from assessing this crime, as well as the failure of international decision-makers to launch an investigation at the international level, all indicate that there are attempts to create physical and geographical obstacles to the disclosure and investigation of these crimes. The study shows that this crime can be classified as a complex offense that has exposed the vulnerability of the infrastructure used to exchange goods and services through the waters of the seas and oceans. It is not covered by the direct protection of national jurisdiction, as it falls outside the sovereignty of States. The commission of such crimes can threaten not only the economic security of countries, but also their sovereignty and territorial integrity.

Keywords: Nord Stream, pipelines, sabotage, crime, the person who committed the crime, international crime

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-85-93

2. Результаты исследования: обсуждение и анализ¹

2.4. Результаты, полученные на основе высказываний и анализа документов

Расследование любого преступления, в том числе совершенного в отношении трубопроводов «Северного потока», достигнет результатов, если будет хорошо организовано следствие. Системный подход является важной частью расследования и гарантирует, что оно достигнет своей основной цели – раскрытия информации о совершенном преступлении. Расследование взрывов на трубопроводах «Северного потока» предполагает многоэтапный процесс.

Первый этап заключается в охвате всех доступных источников информации после совершения преступления.

Второй этап начинается после выявления и документирования фактов, установленных на первом этапе, и состоит в непосредственном раскрытии совершенного преступления.

Третий этап состоит в поиске фактов, которые подтвердят или опровергнут установленную информацию о преступнике.

На четвертом этапе проверяется достаточность доказательств, которые подтвердят или опровергнут выводы о совершенном преступлении и исполнителе преступления с помощью четких, достоверных и надежных результатов исследования и объективных фактов.

После заявления журналистов и государственных чиновников о совершении нападения на трубопроводы «Северного потока» в Балтийском море, возник вопрос: «Кто несет за это ответственность?». Существующая информация для ответа на заданный вопрос может быть в различных формах, обнаруживаться, интерпретироваться, собираться и предоставляться из множества различных источников.

Начать исследование доказательств можно еще с истории вопроса. Так вблизи прокладки трубопровода «Северный поток» на морском дне в 2006 году без каких-либо возражений со стороны стран региона был построен трубопровода «Лангелед», соединяющий материковую Норвегию и Англию.

В отличие от указанного трубопровода, строительство «Северного потока» как до начала, так и в процессе его реализации, было предметом резкой критики не только стран Балтии, но и других стран. Первую группу составили те страны, которые обладали определенной правовой способностью влиять на реализацию проекта, такие как Швеция, Финляндия или Эстония. Вторую группу стран, не имевших «законных прав» влиять на проект, возглавили Польша, Литва и Латвия, выразив обеспокоенность тем, что такой проект может поставить под угрозу их безопасность. Третью группу стран, не имевших географических контактов с проектом «Северный поток», возглавили США, которые заняли позицию, согласно которой этот проект ставит Европу в подчиненное положение – положение зависимости от России [1, с. 5]. То есть уже с самого начала к строительству Российской Федерацией указанного трубопровода относились критично.

После взрыва, в числе первых, кто указал на ответственного за взрыв трубопроводов «Северного потока», был министр экономики ФРГ Роберт Хабек (Robert Habeck). После встречи министров

¹ Продолжение. Начало см. в «Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки № 2 (42) 2024».

энергетики Евросоюза в Брюсселе он заявил, что знает о вине России, которая несет ответственность за взрыв газа в трубах «Северного потока» в Балтийском море².

Таким образом, анализ показаний позволяет установить, что министр Правительства ФРГ предполагает, что Российская Федерация участвовала в нападении и спровоцировала взрыв трубопровода. В дальнейшем своем выступлении министр Р. Хабек приводит важные для исследования доказательства: «для проведения атаки потребовались специальные технические устройства и экспертные знания для организации взрыва на трубопроводах “Северного потока”». Одновременно он заявляет, что нет прямых доказательств причастности России³. Анализ показаний немецкого чиновника позволяет утверждать, что преступление было совершено не только против трубопроводов, но и против ФРГ, которая является одной из жертв преступления, совершенного путем взрывов трубопровода «Северный поток». Министр Р. Хабек своим заявлением о необходимых возможностях для проведения диверсии (человеческих и технических), методом профилирования сузил круг потенциальных преступников, причастных к совершению преступления, и констатировал, что ФРГ находится на стадии «беспомощности» (код значения источника – А; код значения информации из источника – 2)⁴.

Премьер-министр Швеции Андерсон заявил: «Швеция не будет делиться результатами расследования взрыва газопровода с Россией». Шведский прокурор Матс Лунгквист пояснил: «Это потому, что некоторые данные в расследовании являются конфиденциальными – напрямую связаны с национальной безопасностью».

Применяя методы криминалистической оценки показаний шведских государственных чиновников, можно понять, что преступление совершено действием человека взрывным веществом. Непонятно, какая информация уголовного расследования на месте совершенного преступления имеет или может иметь отношение к национальной безопасности Шведского королевства? Из приведенных доказательств можно сделать вывод, что Швеция решила, скрывая полученные доказательства, приблизиться к ряду «укрывателей» преступной деятельности и самого субъекта преступления. Нельзя согласиться с мнением о том, что преступное нападение со взрывчатым веществом на трубопроводы «Северного потока» – это «саботаж». Заявляя о том, что это был «саботаж», шведские официальные лица дезориентируют общественность, обращая внимание на то, что нападение на трубопровод было совершено одним из владельцев трубопровода, классифицируя нападение – диверсию со взрывом как «мазохистские» действия.

В конце октября 2022 года Швеция и Дания опубликовали данные предварительного расследования. Результаты показали, что: «утечка газа в трубопроводах была вызвана взрывом»⁵, без предоставления другой информации.

2.5. Результаты исследования очевидных доказательств

Посредством электронных и печатных СМИ общественность была проинформирована о том, что устройства сейсмологических измерений, по крайней мере двух стран: Дании и Швеции, зафиксировали серию взрывов⁶. При этом указывались координаты морского дна, на котором проложена инфраструктура газопровода «Северный поток», место, на котором проложены трубопроводы (подводные

² URL: <https://www.bloomberg.com/news> (дата обращения: 11.02.2024). Yin-Kaiyan, 2023.

³ URL: The Washington Post. 27/09/2022. <https://www.washingtonpost.com/world/nord-stream-gas-pipelines-damage-russia/> (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Для целей кодирования оценки источника и оценки информации из источника будет использоваться система «4x4». Оценка источника: А – нет сомнений в подлинности, надежности, целостности, компетентности или истории полной надежности источника; Б – источник, из которого была собрана информация, в большинстве случаев оказался надежным; В – источник, из которого была собрана информация, в большинстве случаев оказался ненадежным; Г – надежность не может быть оценена. Оценка информации из источника: 1 – без сомнения, точность информации; 2 – информация, известная лично источнику, но не известная лично передающему ее должностному лицу, – логичная сама по себе – согласуется с другой информацией в этой теме; 3 – информация неизвестна лично источнику, но уже подтверждена другой информацией; 4 – информация, которая неизвестна лично источнику и не может быть независимо подтверждена (Europol Analytical Unit, The Hague, 1999).

⁵ URL: <https://www.euronews.com> (дата обращения: 11.02.2024).

⁶ Источнику данной информации может быть присвоен код А (нет сомнений в подлинности, надежности, целостности, компетентности или истории полной надежности источника), в то же время как информация, полученная из источника, может быть помечена кодом 2 (информация, известная лично источнику, но не известная лично должностному лицу, которое передает ее – она сама по себе логична – согласуется с другой информацией в этой теме).

установки – трубы) (код оценки источника – А; код оценки информация из источника – 1). Эта новость в СМИ была опубликована вместе с комментариями о том, что, несмотря на подозрения о совершении преступного правонарушения, высказанные некоторыми государствами, их государственными органами и официальными лицами, нет никаких доказательств того, как и кто организовал взрывы (код оценки источника – Г; код оценки информации из источника – 4).

На основании представленных показаний делается вывод о том, что доказательства получены из источников, которые непосредственно передают их. Отсюда следует, что указанные источники имеют разные уровни доказательной силы, а именно: государства, чьи органы регистрировали сейсмологические сигналы с помощью измерительных устройств, имеют доказательную силу: код оценки источника – А; код оценки информации из источника – 1. Эти выводы подтверждаются и научными исследованиями авторов Штехлер и Зенхойзерн из Института геофизики Цюриха, а также Клинтона и Джардини из сейсмологической службы. На основании проведенных ими научных исследований [2, с. 5], само нападение, совершенное взрывчаткой на трубопроводах «Северного потока», сначала было публично обозначено как инцидент, а чуть позже – как преступное событие⁷, которое ставит под угрозу критическую подводную инфраструктуру [3] (код оценки источника – А; код оценки информации из источника – 1).

Высказывались опасения, что совершенное преступление было лишь началом иных атак на другую подводную инфраструктуру. Следует не согласиться с такими авторами, как Soldi, Gaglione, Raponi, Forti, d’Afflisio, Kowalski, Millefiori, Zissis, Braca, Willett, Maguer, Carniel, Sembenini, Warner и другими, которые используют термин «саботаж»⁸, с помощью которого было совершено нападение, предполагая, что государство, являющееся владельцем трубопровода «Северный поток» или некоторые его органы (государственные или негосударственные), действуя изнутри, организовали и осуществили атаку взрывчаткой и повредили трубопроводы.

2.6. Результаты исследований, основанные на научных данных

Применяя научно-экспертные знания в области криминальной разведки и уголовного процесса, аналитик и следователь по уголовным делам на основе внешних проявлений-форм определенного явления в окружающей среде, принимают определенные решения. Первый вопрос, который необходимо решить: имеет ли утечка газа из трубопровода «Северный поток» элементы противоправного деяния?

Для оценки эксперты руководствуются своими выводами и выводами экспертов из других научных областей. На основании результатов исследований, проведенных с использованием научных методов, было обнаружено, что сейсмические события, предшествовавшие утечке газа из газопровода «Северный поток», могут быть истолкованы как взрывы на морском дне, скорее всего, вызванные человеком [2, с. 4].

Научные исследователи Штехлер и Зенхойзерн из Института геофизики Цюриха, а также Клинтон и Джардини из сейсмологической службы обнаружили, основываясь на результатах исследования, что оба события показывают отсутствие сильных «С-волн», что согласуется с изотропным источником, таким как взрыв⁹.

Из представленных результатов исследований сделан вывод, что утечка газа из трубопровода «Северный поток» не является следствием сейсмических событий, то есть не представляет случайность, а является следствием преступного нападения, которое было совершено над трубопроводами с применением взрывчатых веществ. Без сомнения, можно сделать вывод, что это криминальное явление, которое включает в себя преступление, имеющее конкретного заказчика и исполнителя.

⁷ Необходимость понимания взаимосвязи между событием и преступным событием для расследования преступления имеет важное значение. В то время как событие – это явление, которое выделяется в ряде повседневных явлений, преступное событие представляет собой деятельность, которая нарушает ход вещей.

⁸ Употребляя термин «саботаж» в научных работах так называемых западных исследователей, предполагается, что нападение на трубопроводы «Северного потока» было совершено не вражескими силами, а это было делом сил внутри государств – владельцев трубопроводов, будь то эти силы государственные или негосударственные, которые организовали и осуществили нападение по различным мотивам, от политических, таких как подрыв власти, затем самообороны и многим другим.

⁹ Код оценки источника А, в то время как информация, полученная из источника, может быть помечена кодом 2.

2.7. Результаты исследования, полученные на основе анализа места взрыва. Дополнительные доказательства

Наличие определенных доказательств позволяет скорректировать процесс расследования.

В условиях расследования изучение преступного события включает в себя анализ географических баз данных, геопространственной информации (метеорология и океанография), рассмотрение различных отчетов разведки, распорядок поведения участников морского судоходства.

Одна из наиболее полных баз данных, которая может позволить на основе записанного содержания расшифровать указанное поведение – это база «АИС» (*Automatic identification system*)¹⁰ – система для идентификации морских судов. Указанная база может предоставить необходимые знания о морской структуре, что позволяет собирать (раскрывать) ключевую информацию, которая может быть использована для предварительной классификации траекторий судов в месте, где было совершено преступление.

Чтобы уменьшить возможность раскрытия указанной существенной информации, авторы преступления прибегли к тайной операции в рамках военного маневра с использованием самолета, не имеющего морского образца движения, отклонения от «стандартных» морских путей, внезапного изменения поведения судна, тем самым уменьшая возможности и эффективность методов, применяемых на основе данных для обнаружения морских аномалий, что позволило бы следователям сформулировать следственные ситуации и классифицировать их как «инциденты», требующие расследования. Таким системам, как «ЛАИС¹¹ и САИС» необходимо сотрудничество с судами для предоставления любых данных. Однако суда, совершающие незаконные действия, часто злоупотребляют данной обязанностью. Такие авторы, как Николич, Стойкович, Пузович, Попович, Стоилькович, Грбич и Орлич, считают, что «сравнение данных “АИС и ХФСВР” с целью выявления моделей поведения (судов с отключенными устройствами АИС) может дать адекватную оценку риска. Более того, следы, созданные при совершении незаконной деятельности, легко отличаются от других при анализе следственной ситуации в целом» [4, с. 2].

2.8. Принятие решения атаковать трубопроводы «Северного потока»: планирование и непосредственное размещение взрывчатки на трубопроводах

Важным выводом исследования является часть, связанная с формированием и принятием решения о начале и проведении преступного нападения на трубопроводы «Северного потока».

Из выше изложенного можно сделать вывод, что взрыв на газопроводах «Северный поток» – это дело рук человека, и поэтому человек занимает особое место в исследованиях как источник сведений о личности преступника, непосредственных участниках с определением их ролей, а также любых других действий, предпринятых для осуществления взрыва трубопровода.

По информации, полученной со стороны исследователя Сеймора Херша, можно сделать вывод, что «следы указывают на то, что операция по подготовке нападения на трубопроводы “Северного потока” началась на территории Соединенных Штатов Америки под эгидой ее высших государственных чиновников в рамках высших органов власти»¹².

По результатам исследования, которое провел С. Херш можно сделать вывод, что «есть достоверная и правдивая информация, что решение, принятое высшими должностными лицами Соединенных Штатов о размещении взрывчатки на трубопроводах “Северного потока” в водах Балтийского моря, было реализовано дайверами из центра дайвинга и спасения ВМС США»¹³.

¹⁰ Считается, что сигналы АИС имеют горизонтальную дальность около 40 морских миль (что составляет 74 км). Отмеченный факт определяет вывод о том, что операция вблизи датского острова Борнхолл была зафиксирована в зоне инфраструктуры трубопровода, но не так, как некоторые исследователи хотят представить и предложить – за несколько дней до нападения, а задолго до этого, ещё во время военных учений НАТО BALTOPS22.

¹¹ Land automatic identification system (LAIS) and satellite automatic identification system (SAIS). – URL: <https://www.researchgate.net/figure/Land-automatic> (дата обращения: 11.02.2024).

¹² How America Took Out The Nord Stream Pipeline, Seymour Hersh | Substack <https://seymourhersh.substack.com/how-america-took-...> (дата обращения: 11.02.2024). (Seymour, 2023); Код источника А, в то время как информация, полученная из источника, может быть помечена кодом 2.

¹³ How America Took Out The Nord Stream Pipeline, Seymour Hersh | Substack <https://seymourhersh.substack.com/how-america-took> (дата обращения: 11.02.2024). (Seymour, 2023).

Операция по установке взрывчатых веществ, как выяснил С. Херш, была проведена под эгидой учений «НАТО» под названием «BALTOPS 22»¹⁴, которые состоялись в 2022 году. Дайверы установили взрывчатку под так называемым «прикрытием вооруженных сил».

2.9. Реализация решения атаковать трубопроводы «Северного потока»: инициирование взрывчатых веществ

В этой части научные исследования и их результаты направлены на сбор доказательств, которые дадут возможность предоставить необходимые факты об инициировании взрывчатого вещества, что вызвало разрушение трубопровода «Северный поток» 26 сентября 2022 года.

На основании других доказательств, которые представлены в исследовании С. Херша, можно сделать вывод, что «самолет наблюдения ВМС Норвегии “П8” во время полета сбросил в воды Балтийского моря гидролокаторный буй¹⁵, и что впоследствии именно этот буй спровоцировал взрыв большой разрушительной силы. Как следствие этого взрыва – три из четырех трубопроводов были выведены из строя»¹⁶.

2.10. Мотивационно-причинный аспект атаки на трубопроводы «Северного потока»

Ряд исследователей, таких как Lang, Kai-Olaf, Westphal, Kirsten в работе «Nord Stream 2: a political and economic contextualisation», рассмотрели спорные точки зрения, существовавшие в Европе и отдельных странах в отношении газопровода «Северный поток – 2». После того, как к существующему проекту «Северный поток – 1» была добавлена еще одна пара труб, внутри Европейского союза возникли политические реакции. В то время как «Газпром» и сторонники европейского проекта утверждали, что «Северный поток – 2» и его новая прямая связь между российскими газовыми ресурсами и энергетическим рынком ЕС улучшат европейскую энергетическую безопасность, Комиссия ЕС и отдельные государства-члены ЕС отнеслись к этому скептически. Они опасались дальнейшего расширения доминирующего положения «Газпрома» на рынках ЕС и ослабления позиций нынешних транзитных стран, которые потенциально могут полностью потерять функцию транспортировки российского газа в Центральную и Западную Европу. Высказывались опасения, что проект может негативно повлиять на безопасность поставок в восточном регионе и может иметь политические последствия в виде оживления германо-российского сотрудничества [5, с. 5].

Обсуждение проходило параллельно со строительством «Северного потока – 2». Были подняты различные вопросы, в т.ч. вопрос о том сможет ли трубопровод пройти тестирование. Во-первых, тестирование по выполнению правил внутреннего энергетического рынка (имеется в виду рынок ЕС). Во-вторых, с точки зрения политики и целей безопасности. И, в-третьих, в отношении внутренней сплоченности ЕС, поскольку имеются разногласия между государствами-членами по поводу политики в отношении России и энергетики, а также, потому что проект трубопровода может побудить государства-члены больше сосредоточиться на энергетической политике, чем на своей политической безопасности.

Некоторые авторы свои исследования назвали как «угрозу со стороны России, которая подвергает Европу инфраструктурным рискам», заявляя, что «атаки, приписываемые российским действиям, в основном происходили как месть за политику Запада против России, по введению санкций», но без

¹⁴ Четырнадцать союзников по НАТО вместе с двумя странами-партнерами по НАТО, Финляндией и Швецией, приняли участие в учениях «Балтийская операция» (BALTOPS 22) с участием более 45 кораблей, более 75 самолетов и 7 500 личного состава. Участвующими странами были: Бельгия, Болгария, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Швеция, Турция, Великобритания и США. Сценарии учений включали десантные операции, стрельбу, противолодочные операции, противовоздушную оборону, операции по разминированию, обезвреживание фугасных боеприпасов, беспилотные подводные аппараты и медицинское реагирование (https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_196240.htm?selectedLocale=en). С точки зрения криминальной разведки все страны, участвовавшие в маневре, находятся в статусе подозреваемых, независимо от того, будет ли позже определен их статус: помощники, укрыватели или они невольно участвовали в преступном проекте без их согласия. На данный момент нельзя оценить достоверность знания о доле деятельности каждой страны в отдельности в осуществлении преступного намерения атаковать трубопроводы «Северного потока».

¹⁵ Специализированные зонды, сделанные для специальных целей, могут обнаруживать электрические поля и инициировать взрыв взрывчатого вещества. – URL: <https://sonobuoytechsystems.com/about-the-sonobuoy/> (дата обращения: 11.02.2024).

¹⁶ Источник и достоверность существенной информации из источника может быть обозначена кодом А в соответствии с анализом уголовно-разведывательных расследований, в то же время информация, полученная из источника, может быть обозначена кодом 2.

конкретной информации о том, о каких атаках идет речь. В том же исследовании авторы заявляют, что «критическая инфраструктура является привлекательной целью, учитывая сложность раскрытия таких атак и отсутствие неминуемых смертельных случаев, что снижает вероятность эскалации или возмездия» [6]. Их выводы не позволяют понять, о каких сложностях идет речь. Однако эти исследователи ошибаются: не обязательно для идентификации преступника нужно, чтобы последствием преступления являлась смерть. Последствия могут быть материальными, в форме ущерба, например, имущественные – при невыполнении обязательств контракта на поставку газа и др.

2.11. Самообвинение в совершении преступления

Элементы самообвинения по результатам исследования были сделаны из выводов, которые опубликовало так называемое «международное сообщество»: «был совершен “саботаж”, а не преступное нападение, вызванное взрывом газопровода “Северный поток”».

Одними из первых чиновников, которые подошли к самообвинению публично, являются представители НАТО, которые, отметив утечку природного газа из трубопровода «Северный поток», заявили, что газопровод был «намеренно, безрассудно и безответственно саботирован» [7, с. 3]. Для самообвинения в этом исследовании решающее значение имеет заявление председателя Комиссии ЕС Урсулы фон дер Ляйен: «Утечка (газа) произошла из-за “саботажа”». Наиболее важным является заявление председателя Комиссии ЕС, в котором она призвала «провести расследование, чтобы полностью понять инцидент и его причины», тем самым официальный представитель Европейского Союза Урсула фон дер Ляйен сделала значительный шаг вперед, поскольку приняла в качестве существенного факта то, что трубопровод «Северный поток» принадлежит комплексу европейской энергетической инфраструктуры, который должен охраняться [7; 8].

Заключительные выводы

Ряд государств и альянс НАТО (его члены), выполняющие различные роли в преступлении: преступник, пособник, подстрекатель, невольный укрыватель, на основании результатов исследований создали преступную ассоциацию (злоупотребляя существующей инфраструктурой государств – военной и гражданской), инициировали и провели секретную разведывательную и диверсионную операцию прямого действия; используя взрывчатое вещество и инициируя взрыв совершили преступление, разрушив три из четырех трубопроводов «Северного потока» 26 сентября 2022 г. в непосредственной близости от датского острова Борнхольм в Балтийском море. Данное преступление представляет собой диверсию в отношении трубопроводов «Северного потока» – преступление межведомственного терроризма. Способ совершения преступления, в результате которого были повреждены трубопроводы «Северного потока», используемые средства, масштабы разведывательной и преступной деятельности, имеют все признаки преступления с международным государственным характером.

Результаты, полученные из проведенного анализа, в соответствии с объективными критериями научных исследований требуют, чтобы статус преступного нападения со взрывчаткой на трубопроводы «Северного потока» в Балтийском море был разделен на несколько сегментов.

Первый сегмент преступления состоит из данных и полученной информации о психологических и материальных предпосылках принятия решения о нападении на трубопроводы «Северного потока», а затем реализации этой идеи и организации нападения.

Второй сегмент преступления – это место совершения нападения и материальные следы преступления, на основании которых из результатов исследований можно обосновать ответы на объективные вопросы: Что произошло? Где? Когда? С помощью чего совершено преступление?

Что случилось? Результаты исследований и факты подтверждают, что было совершено преступление, которое не является следствием природного явления, а является следствием действий человека.

Где произошло? Преступное нападение совершено в водах Балтийского моря вблизи датского острова Борнхольм.

Когда произошло? Атака путем инициирования взрывчатого вещества – взрыва на трубопроводах «Северного потока» – была совершена 26 сентября 2022 года.

С помощью чего совершено? Результаты исследования следов преступления, обнаруженных на месте его совершения, несомненно, подтверждают, что преступное нападение на трубопроводы «Северного потока» было совершено путем инициирования и подрыва взрывчатого вещества большой разрушительной силы, ранее размещенного на трубопроводах на морском дне.

Третий сегмент преступления состоит из признаков: кто является субъектом преступления и кто является жертвой преступления? На основании полученных фактов из результатов исследований можно обосновать ответы на поставленные вопросы: ряд стран мира навязывают ложь, представляя общественности через СМИ, что субъект преступления – Российская Федерация путем саботажа против своего же имущества.

Субъект преступления. По словам исследователя Сеймора Херша (Seymour Hersh), для целей совершенного преступления подготовка была осуществлена «высшими должностными лицами властей Соединенных Штатов Америки, которые создали преступную ассоциацию из отдельных лиц и государств для целей совершения преступления над трубопроводами “Северного потока”».

Жертва преступления (потерпевший). Результаты исследований показывают, что некоторые жертвы преступления, совладельцы трубопроводов «Северного потока», такие как Федеративная Республика Германия и другие страны, находятся в состоянии «научной беспомощности».

Четвертый сегмент – это мотив совершения преступления, который кроется в убеждениях некоторых европейских и других стран, что трубопровод подрывает политические решения третьих стран и их энергетическую безопасность, влияет на внутреннюю сплоченность ЕС, вызывая политические разногласия между государствами-членами ЕС по поводу политики в отношении РФ и энергетики. Результаты показывают и иное, что за всем этим стоит интерес к руководству в области безопасности и экономики на международном уровне. Также очевидно намерение отдельных стран навязать общественности мнение о том, что Российская Федерация будет финансировать вооруженные действия на Украине во время конфликта за счет прибыли от продажи газа по существующим трубопроводам.

Пятый сегмент – исследование позволяет сделать вывод о том, что преступное нападение на трубопроводы «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» было диверсионной операцией, совершенной международной преступной ассоциацией, состоящей из ряда государств.

Список литературы

1. *Solum Whist Bendik*. Nord Stream: Not Just a Pipeline An analysis of the political debates in the Baltic Sea region regarding the planned gas pipeline from Russia to Germany. – 2008. 1-89.
2. *S.C. Stähler, G. Zenhäusern, J. Clinton, D. Giardini*. Locating the Nordstream explosions without a velocity model using polarization analysis. – 2022. 1-6.
3. *Giovanni Soldi, Domenico Gaglione, Simone Raponi, Nicola Forti, Enrica d’Afflisio, Paweł Kowalski, Leonardo M. Millefiori, Dimitris Zissis, Paolo Braca, Peter Willett, Alain Maguer, Sandro Carniel, Giovanni Sembenini, and Catherine Warner*. Monitoring of Underwater Critical Infrastructures: the Nord Stream and Other Recent Case Studies // IEEE Aerospace and Electronic Systems. – 2023. 1-17.
4. *Nikolić Dejan, Stojković Nikola, Puzović, Snežana; Popović Zdravko, Stojilković Nikola, Grbić Nemanja, Orlić Vladimir*. Increasing Maritime Safety and Security in the Off-Shore Activities with HFSWRs as Primary Sensors for Risk Assessment. Activities with HFSWRs as Primary Sensors for Risk Assessment. – 2023.
5. *Lang-Kai-Olaf-Westphal, Kirsten*. Nord Stream 2: a political and economic Contextualisation // Stiftung Wissenschaft und Politik. – 2017.
6. Russia threat exposes Europe’s infrastructure risks, Expert Briefings // Oxford Analytica. – 2023. – URL: <https://doi.org/10.1108/OXAN-DB278095>
7. *Жулюй Инь-Кайянь Чжон*. Взрывы «Северного потока» и стоящая за ними геополитическая игра // Закон и Власть. – 2023. – № 1. – С. 3–7.
8. *Liboreiro Jorge*. ‘Sabotage’ and ‘deliberate acts’ suspected in mysterious Nord Stream leaks, EU says // Euronews. – 2022. – URL: <https://www.euronews.com/myeurope/2022/09/28/sabotage-and-deliberate-actssuspected-in-mysterious-nord-stream-leaks-eu-says> (дата обращения: 11.02.2024).

References

1. *Solum Whist Bendik*. Nord Stream: Not Just a Pipeline An analysis of the political debates in the Baltic Sea region regarding the planned gas pipeline from Russia to Germany. – 2008. 1-89.
2. *S.C. Stähler, G. Zenhäusern, J. Clinton, D. Giardini*. Locating the Nordstream explosions without a velocity model using polarization analysis. – 2022. 1-6.
3. *Giovanni Soldi, Domenico Gaglione, Simone Raponi, Nicola Forti, Enrica d’Afflisio, Paweł Kowalski, Leonardo M. Millefiori, Dimitris Zisis, Paolo Braca, Peter Willett, Alain Maguer, Sandro Carniel, Giovanni Sembenini, and Catherine Warner*. Monitoring of Underwater Critical Infrastructures: the Nord Stream and Other Recent Case Studies // IEEE Aerospace and Electronic Systems. – 2023. 1-17.
4. *Nikolić Dejan, Stojković Nikola, Puzović, Snežana; Popović Zdravko, Stojiljković Nikola, Grbić Nemanja, Orlić Vladimir*. Increasing Maritime Safety and Security in the Off-Shore Activities with HFSWRs as Primary Sensors for Risk Assessment. Activities with HFSWRs as Primary Sensors for Risk Assessment. – 2023.
5. *Lang-Kai-Olaf-Westphal, Kirsten*. Nord Stream 2: a political and economic Contextualisation // Stiftung Wissenschaft und Politik. – 2017.
6. Russia threat exposes Europe’s infrastructure risks, Expert Briefings // Oxford Analytica. – 2023. – URL: <https://doi.org/10.1108/OXAN-DB278095>
7. *Zhuyuj In’-Kajyan’ CHzhon*. Vzryvy «Severnogo potoka» i stoyashchaya za nimi geopoliticheskaya igra // *Zakon i Vlast’*. – 2023. – № 1. – S. 3–7.
8. *Liboreiro Jorge*. ‘Sabotage’ and ‘deliberate acts’suspected in mysterious Nord Stream leaks, EU says // *Euronews*. – 2022. – URL: <https://www.euronews.com/myeurope/2022/09/28/sabotage-and-deliberate-actssuspected-in-mysterious-nord-stream-leaks-eu-says> (data obrashcheniya: 11.02.2024).

УДК 347.1.

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ К ПРИЗНАНИЮ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ

Лаптев Григорий Михайлович¹,

e-mail: laptev.greg@yandex.ru

¹Российский новый университет, г. Москва, Россия

Осуществление закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд затрагивают интересы широкого круга лиц. В статье рассматриваются способы признания государственных и муниципальных контрактов недействительными, вследствие нарушения правил осуществления закупок. Анализ подходов к признанию государственных и муниципальных контрактов недействительными осуществляется путем сопоставления применения норм законодательства в сфере закупок товаров, работ и услуг и норм Гражданского кодекса Российской Федерации. Поднимается вопрос совершенствования законодательства в сфере закупок товаров, работ и услуг в части признания контрактов недействительными. Автором рассматривается сложившаяся судебная практика, основанная на общих положениях о недействительности сделок, в том числе подходы к признанию недействительными торгов. Ввиду того, что осуществление государственных и муниципальных закупок затрагивают широкий круг лиц, то автором рассмотрены вопросы применения реституции и конвалидации сделок. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: сделка, контракт, недействительность сделок, исполнение обязательств, конкурентная закупка, торги, единые требования, конвалидация

APPLICATION OF GENERAL AND SPECIAL RULES TO INVALIDATION OF STATE AND MUNICIPAL CONTRACTS

Laptev G.M.¹,

e-mail: laptev.greg@yandex.ru,

¹Russian New University, Moscow, Russia

The procurement of goods, works and services for state and municipal needs affects the interests of a wide range of people. The article discusses ways to invalidate state and municipal contracts due to violations of procurement rules. The analysis of approaches to the recognition of state and municipal contracts as invalid is carried out by comparing the application of legislation in the field of procurement of goods, works and services and the norms of the Civil Code of the Russian Federation. The issue of improving legislation in the field of procurement of goods, works and services is raised in terms of including special grounds for invalidation of contracts. The author considers the established judicial practice based on general provisions on the invalidity of transactions, including approaches to invalidation of trades. Due to the fact that the implementation of state and municipal procurement affects a wide range of people, the author considers the issues of the application of restitution and convalidation of transactions. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: transaction, contract, invalidity of transactions, fulfillment of obligations, competitive procurement, bidding, uniform requirements, convalidation

DOI 10.21777/2587-9472-2024-3-94-101

Введение

Заключение государственного контракта в подавляющем большинстве случаев осуществляется после проведения конкурентной процедуры в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), а также по некоторым основаниям заключение контракта возможно с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

В тоже время контракт по своей правовой природе – это сделка, а согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) сделками признаются действия граждан или юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Контрактная система в сфере закупок подразумевает, что при подаче заявки участник закупки – потенциальное лицо, которое будет исполнять обязательства, дает свое согласие на исполнение контракта на тех условиях, что указаны в извещении об осуществлении закупки (ч. 5 ст. 44 Закона о контрактной системе). По мнению автора, указанными действиями участник закупки дает согласие на совершение сделки – заключение контракта, в случае объявления его победителем конкурентной закупки, то есть подтверждает, что его действия направлены на установление в будущем правоотношений с Заказчиком.

1. Применение специальных норм о признании государственных и муниципальных контрактов недействительными

При рассмотрении вопроса о признании недействительным государственного и муниципального контракта следует иметь ввиду следующее.

Закон о контрактной системе как специальный закон, регулирующий порядок размещения закупок, порядок заключения контракта, порядок исполнения и расторжения контракта, не содержит различного перечня специальных норм, которые бы регламентировали порядок признания государственного или муниципального контракта недействительным.

Тем не менее законодатель установил в ч. 22 статьи 34 Закона о контрактной системе, что контракт может быть признан судом недействительным, в том числе по требованию контрольного органа в сфере закупок, если будет установлена личная заинтересованность руководителя контрактной службы заказчика, контрактного управляющего в заключении и исполнении контракта.

Эффективно ли использование установленной в специальном законе нормы? В сложившейся судебной практике использование вышеуказанной нормы не нашло своего широкого применения, на что есть ряд причин.

Исходя из диспозиции указанной нормы, контракт может быть признан судом недействительным по требованию контрольного органа в сфере закупок, если будет установлена личная заинтересованность должностного лица заказчика в заключении и исполнении контракта.

Заинтересованность заключается в получении должностными лицами доходов в виде денег, ценностей, иного имущества, в том числе имущественных права или услуг имущественного характера, а также выгоды для себя или третьих лиц.

Первоочередно необходимо исследовать подходы к понятиям «заинтересованное лицо» и «личная заинтересованность».

В самом Законе о контрактной системе, как верно указывает Цатурян Е.А. [1], понятие «заинтересованное лицо» встречается 10 раз. Наиболее полно данное понятие раскрыто в ч. 1 ст. 8 Закона о контрактной системе, из которой следует, что заинтересованным лицом является любое лицо, которое имеет возможность стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Однако такое заинтересованное лицо может признать сделку недействительной, используя общие положения ГК РФ о признании сделок недействительными, например, в соответствии со п. 1 ст. 168 ГК РФ, если будет выявлено нарушение принципов Закона о контрактной системе¹.

¹ Пункт 18 «Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017).

А вот понятие «личная заинтересованность» в Законе о контрактной системе не раскрыто, но в п. 2 ч. 6 ст. 39 Закона о контрактной системе используется ссылочная диспозиция на Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в ч. 2 ст. 10 которого под личной заинтересованностью понимается возможность получения должностным лицом доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ).

Корякина В.М. отмечает, что заинтересованность лиц заказчика заключается в получении этими лицами доходов в виде денег, ценностей, иного имущества, в том числе имущественных прав или услуг имущественного характера, а также иной выгоды для себя или для третьих лиц [2].

Следовательно, по смыслу ч. 22 ст. 34 Закона о контрактной системе признание контракта недействительным возможно исключительно при выявлении контрольными органами нарушений коррупционного характера, которые заключаются в получении должностными лицами заказчика каких-либо благ.

Законодатель указал, что контрольными органами в сфере закупок являются: Федеральная антимонопольная служба России; уполномоченный контрольный орган субъекта РФ и муниципальный контрольный орган или орган субъекта РФ. Указанные контрольные органы проводят плановые и внеплановые проверки в соответствии со ст. 99 Закона о контрактной системе.

Однако, у указанных выше контрольных органов нет полномочий и функций по выявлению личной заинтересованности при заключении контракта, следовательно предъявлять исковое заявление по указанному основанию перечисленные контрольные органы не могут.

Получение должностными лицами заказчика каких-либо благ от третьих лиц при заключении контракта является нарушением коррупционного характера, что означает впоследствии возбуждение административного или уголовного дела.

Исходя из этого исковое заявление о признании контракта недействительным по основаниям, указанным в ч. 22 ст. 34, может предъявляться органами прокуратуры в соответствии ч. 6 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях защиты общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации.

Органы же прокуратуры как контрольные органы в ст. 99 Закона о контрактной системе не перечислены и не могут принимать участия в контрольных мероприятиях в отношении заказчиков.

Скачкова А.Е. отмечает, что ни Закон о контрактной системе, ни Закон о государственном оборонном законе не содержат норм о прокурорском надзоре и правомочии на обращение в суд [3].

Хотя прокуратура Российской Федерации в соответствии п. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

«Легитимность государственного (муниципального) договора (соглашения, контракта), является предметом прокурорского надзора с позиции законности, обоснованности, своевременности заключения (размещения), законности предмета и его условий и исполнения», – указывает Скачкова Е.А.

Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации в ст. 52 предусмотрено право прокурора обратиться в суд с иском о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг, и о применении последствий недействительности таких сделок.

Судебная практика демонстрирует, что основанием для обращения прокурора в суд является не выявление личной заинтересованности, а нарушение общих положений Закона о контрактной системе при заключении контракта и его исполнении.

Так, решением Арбитражного суда Приморского края от 04 декабря 2023 года по делу № А51-8027/2023² по иску прокурора был признан недействительным контракт между Министерством транспорта и дорожного хозяйства Приморского края и Акционерным обществом «Специализированное

² Решение Арбитражного суда Приморского края от 04.12.2023 года по делу №А51-8027/2023.

строительное управление» ввиду нарушения правил описания объекта закупки в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе.

Еще одним примером активного участия органов прокуратуры является Решение Арбитражного суда города Москвы от 16 ноября 2022 года по делу № А40-105553/22-131-994³ по иску военной прокуратуры Северного флота. Арбитражным судом было признано недействительным дополнительное соглашение к контракту, поскольку оно нарушало требования ч. 2 ст. 34 Закона о контрактной системе в части изменения сроков исполнения обязательств.

Указанные выше примеры, являются иллюстрацией того, что правильным будет включить органы прокуратуры в перечень контрольных органов в сфере закупок товаров, работ и услуг. Органы прокуратуры смогут выявлять признаки личной заинтересованности должностных лиц заказчика, при заключении и исполнении контракта.

Еще одним решением будет расширить полномочия контрольных органов уже перечисленных в ст. 99 Закона о контрактной системе. На текущий день указанные в Законе о контрактной системе контрольные органы ограничены в таких функциях, что и делает затруднительным применение ч. 22 ст. 34 Закона о контрактной системе.

Государственный контракт может быть признан недействительным при выявлении конфликта интересов.

Закон о контрактной системе в п. 9 ч. 1 ст. 31 устанавливает требования об отсутствии между заказчиком и участником закупки конфликта интересов.

Под конфликтом интересов понимается наличие между участником закупки и заказчиком брачных или близких родственных отношений. Заказчик в данном случае – руководитель заказчика, член комиссии по осуществлению закупок, руководитель контрактной службы заказчика, контрактный управляющий, которые являются супругами, либо близкими родственниками участников закупки.

Верховный суд Российской Федерации расширяет этот круг лиц, указывая, что конфликт интересов может иметь место не только в отношении руководителей, указанных в п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе, но и в отношении должностных лиц (в частности, их заместителей), непосредственно участвующих в осуществлении закупки, полномочия которых являются тождественными по функциональным обязанностям полномочиям руководителя, позволяют влиять на процедуру закупки и результат ее проведения⁴.

Сложившаяся судебная практика показывает, что контрольными органами, в том числе органами прокуратуры, предъявляются иски о признании контракта недействительным при выявлении конфликта интересов.

Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 12 марта 2018 года по делу № А55-7317/2017⁵ контракт был признан недействительным, поскольку учредитель компании-участника закупки являлся супругом члена комиссии заказчика. Ввиду чего у члена комиссии заказчика была личная заинтересованность в заключении контракта компании-участника, где учредителем являлся ее супруг.

В данном случае для выявления личной заинтересованности не требуется проведение особого расследования, поскольку информация об учредителях и единолично исполнительных органах юридического лица может быть представлена в выписке из Единого государственного реестра юридических лиц, что позволяет доказать факт связи между должностными лицами заказчика и участниками закупки.

Контрольные органы, перечисленные в ст. 99 Закона о контрактной системе, обращаются с исками о признании контракта недействительным из-за наличия конфликта интересов. Антимонопольный орган⁶ обратился с иском о признании контракта недействительным, поскольку генеральный директор

³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 16.11.2022 года по делу № А А40-105553/22-131-994.

⁴ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 28.09.2016) – пункт 3.

⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12 марта 2018 года по делу № А55-7317/2017.

⁶ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 28.09.2016) – пункт 6.

общества (участника закупки) состоял в браке с контрактным управляющим заказчика. Несмотря на тот факт, что брак был расторгнут, контракт признан ничтожным.

Действия участников закупки и должностных лиц заказчика в рассматриваемых случаях указывают на их недобросовестное поведение при осуществлении конкурентной закупки, из чего далее следует ничтожность самой заключаемой по итогам конкурентной закупки сделки.

Склоковский К.И. указывает, что заказчик не только нарушает положения Закона о контрактной системе, но также в действиях заказчика прослеживается мотив нарушения публичных интересов, поскольку сделка, заключенная при наличии конфликта интересов, затрагивает интересы неопределенного круга лиц [4].

Признание сделки недействительной вследствие выявления конфликта интересов не требует создания отдельного для этого основания в самом Законе о контрактной системе ввиду того, что нарушение единых требований к участнику закупки является само по себе достаточным основанием для признания государственного контракта ничтожным.

2. Применение общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации при признании государственных и муниципальных контрактов недействительными

Обширная правоприменительная практика сложилась при признании государственных и муниципальных контрактов недействительными по общим основаниям недействительности сделок в ГК РФ и нормам о признании недействительными торгов.

В первую очередь следует выделить признание торгов недействительными в соответствии со ст. 449 ГК РФ, что в свою очередь одновременно влечет признание недействительным и заключенного контракта, что прямо предусмотрено п. 2 ст. 449 ГК РФ.

Перечень оснований для признания торгов недействительными приведен в п. 1 ст. 449 ГК РФ и является открытым.

Торги могут быть признаны недействительными по иску заинтересованного лица в течение одного года со дня проведения торгов.

Определение понятия «торги» в Законе о контрактной системе отсутствует. Понятие «торги» также не раскрыто и в ГК РФ. «Ни один федеральный закон не говорит о том, что такое торги (и, соответственно, что торгами считать нельзя), где торги «начинаются», что к ним относится и в какой момент они «заканчиваются». Такая неопределенность влечет риски ошибочной квалификации каких-либо действий как совершенных на торгах либо, наоборот, необоснованное освобождение от ответственности виновных в нарушении антимонопольных требований к торгам на том основании, что данные действия формально к торгам не относятся», – отмечает этот факт Алешин К.Н. [5].

П.В. Крашенинников дает следующее понятие, что такое «торги»: «Торги – это специальный порядок (способ) заключения договора, состоящий в том, что собственник вещи или иное правомочное лицо (организатор торгов) проводит состязание между пожелавшими принять в нем участие лицами (участники торгов) на предмет заключения договора, который заключается с лицом, предложившим наиболее приемлемые условия (лицо, выигравшее торги)» [6].

А.Г. Карапетов дает более емкое, но широкое по смыслу определение понятия «торги»: «Торги – это универсальная модель приобретения различного рода прав» [7]. По мнению А.Г. Карапетова торги имеют следующие сущностные предназначения: субъективный юридически значимый интерес одного лица (заказчика торгов) устроить соревнования по заранее определенным правилам между двумя и более лицами (претендентами) с тем, чтобы только лишь одному из них предоставить особое право на заключение такого договора, одновременно выявив наиболее предпочтительные его условия; наличие двух и более претендентов, желающих заключить данный договор и готовых к соперничеству друг с другом.

Следовательно, торги являются своего рода соревновательным способом установления правоотношений, при котором заказчик рассматривает предложенные участником условия исполнения обязательств и выбирает победителя, которого и наделяет правом на заключение договора.

В свою очередь Закон о контрактной системе содержит понятие «конкурентные способы», однако полностью оно не раскрыто, а скорее законодателем указаны признаки конкурентного способа закупки, которые отвечают в целом сущности торгов.

Как выше уже сказано, признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного лицом, выигравшим торги, и применение ст. 167 ГК РФ.

Однако насколько существенным должно быть нарушение при проведении торгов, чтобы они были признаны недействительными?

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) указал⁷, что недостоверность сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ, не свидетельствует о нарушении участников требований Закона о контрактной системе и является устранимым обстоятельством.

ВС РФ отметил, что недостоверность сведений в заявке участника не свидетельствует о нарушении участником требований законодательства в сфере закупок и является устранимым обстоятельством. Указанные обстоятельства, по мнению ВС РФ, не создают оснований для применения положений п. 2 ст. 449 ГК РФ.

В свою очередь, действующая редакция Закона о контрактной системе в п. 7 ч. 12 ст. 48 содержит норму, которая обязывает отклонить заявку участника, если такая заявка содержит недостоверную информацию.

В данном случае с позицией Верховного Суда нельзя согласиться однозначно. Законом о контрактной системе установлено, что заявка участника подлежит отклонению в случае выявления недостоверной информации, содержащейся в заявке на участие в закупке.

Редакция Закона о контрактной системе на момент принятия ВС РФ рассматриваемого определения предусматривала отклонение заявок участников в случае наличия в документах недостоверной информации.

ВС РФ согласился, что сведения, представленные в заявке, являются недостоверными. По смыслу п. 1 ст. 449 заказчиком были допущены существенные ошибки порядка проведения торгов, повлекшие неправильное определение цены.

С одной стороны, указанную сделку можно признать ничтожной по правилам п. 2 ст. 168 ГК РФ, так как она в данном случае нарушает требования Закона о контрактной системе, но с другой – признание контракта недействительным будет нарушать общественные интересы.

В таком случае, указывает Д.А. Чваненко [8], разрешить данный вопрос способна только конвалидация («исцеление», «оздоровление») ничтожного контракта. Механизм конвалидации на сегодняшний день указан в п. 1 ст. 165, п. 2 ст. 171 и п. 2 ст. 172 ГК РФ и применяется к сделкам в частных интересах.

При использовании конвалидации к государственным и муниципальным контрактам следует установить, чьи интересы будут нарушены в случае признания контракта недействительным и чьи интересы конкретно пострадают: общественные или интересы публично-правового образования.

Дополнительно стоит выделить и разъяснение, изложенное в пункте 1 Письма ВАС № 101⁸, в котором указывается, что лицо, обращающееся с требованием о признании торгов недействительными, должно доказать наличие защищаемого права или интереса с использованием мер, предусмотренных гражданским законодательством. Нарушения порядка проведения торгов не могут являться основаниями для признания торгов недействительными по иску лица, чьи имущественные права и интересы данными нарушениями не затрагиваются и не могут быть восстановлены при применении последствий недействительности заключенной на торгах сделки.

Как указывает Ю.М. Лермонтов [9], возможность признания недействительными торгов в связи с нарушением правил, предусмотренных законом, влечет обязанность суда выяснить не только факт допущенных нарушений при проведении торгов, но также и совокупность иных обстоятельств.

Таковыми иными обстоятельствами по мнению Ю.М. Лермонтова являются: могут ли права и законные интересы конкретного лица быть защищены и восстановлены принятием судебного акта; воз-

⁷ Определение ВС РФ от 09 августа 2019 года № 306-ЭС19-12777 по делу № А65-17766/2018.

⁸ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101.

можно ли проведение повторных торгов; исполнены ли контракты, заключенные по итогам оспариваемых торгов; в чем выражается интерес лица, оспаривающего торги; насколько признание торгов недействительными отвечает публичным интересам. Например, иск прокурора о признании контракта недействительным ввиду того, что участник не отвечал единым требованиям к участникам⁹.

Единые требования к участникам приведены в ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе. ВС РФ указал¹⁰, что нарушение требований ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе влечет ничтожность государственного контракта на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ. И такой подход к признанию государственного контракта с нарушением требований ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе находит постоянное отражение в судебной практике [10].

В свою очередь, заказчик не может проверить соответствие единым требованиям на момент рассмотрения заявок, так как участник просто декларирует соответствие данным требованиям. В таком случае, признание контракта недействительным возможно после начала его исполнения, проверки контрольных или надзорных органов. Если государственный контракт важен для публичных нужд, например поставка питания в дошкольное учреждение, то признание его недействительным нарушает права детей в части получения питания.

С целью избежания признания торгов и контракта недействительными законодатель мог бы предусмотреть механизм проверки соответствия участника единым требованиям. Одним из таких решений является предоставление заказчику права на неформальную проверку заявки участника закупки требованиям Закона о контрактной системе, но и права делать запросы в государственные органы, например в налоговые органы с целью проверки отсутствия у участника закупки недоимки по налогам, сборам, задолженности по иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации. Сейчас такого права у заказчиков нет, а участник закупки просто декларирует данный факт.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, считаю, что описанная в ч. 22 ст. 34 Закона о контрактной системе норма не нашла своего применения на практике, поскольку контрольные органы, перечисленные в ст. 99 Закона о контрактной системе, не уполномочены на выявление личной заинтересованности должностных лиц заказчика.

Личная заинтересованность по смыслу Закона о контрактной системе является коррупционным нарушением. Считаю, что для эффективного применения нормы, предусмотренной ч. 22 ст. 34 Закона о контрактной системе, необходимо включить органы прокуратуры в число органов, осуществляющих контроль в сфере закупок товаров, работ и услуг. Такая мера должна значительно повысить эффективность осуществления закупок и исполнения контрактов.

Анализ судебной практики демонстрирует, что признание государственных контрактов недействительными происходит вследствие нарушения порядка проведения конкурентной закупки по основаниям, предусмотренным ст. 449 ГК РФ.

Сокращение количества таких споров возможно в случае предоставления заказчику права на проверку участника закупки единым требованиям, а также наделения участника обязанностью предоставлять подтверждающие соответствие единым требованиям документы, например справку из налоговой инспекции.

Такая мера должна обеспечить справедливый отбор добросовестного исполнителя и соблюдение принципа открытости, прозрачности и конкуренции.

⁹ Постановление АС Дальневосточного округа от 05.04.2024 по делу № А51-9740/2023.

¹⁰ П. 10 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 28.09.2016).

Список литературы

1. Договор: Постатейный комментарий глав 27, 28 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2010.
2. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1425 с.
3. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора: монография / Д.А. Чваненко; под ред. д-ра юрид. наук, проф. РАН О.А. Беляевой. – Москва: Юстицформ, 2023. – 276 с.
4. *Скловский К.И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности; 4-е изд., доп. – Москва: Статут, 2019. – 278 с.
5. *Цатурян С.А.* Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография. – Статут, 2020 – 224 с.
6. *Алешин К.Н.* Мнимая конкуренция на торгах: проблемы квалификации // Российское конкурентное право и экономика. – 2017. – № 1. – С. 28–31.
7. *Лебедева (Скачкова) А.Е.* Гражданский иск прокурора в сфере исполнения бюджетного законодательства о государственных (муниципальных) договорах (соглашениях), контрактах, в том числе в сфере государственного оборонного заказа: проблематика эффективности // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. – 2022. – № 8. – С. 96–103.
8. *Лермонтов Ю.М.* Признание недействительными торгов в форме электронного аукциона // Советник бухгалтера бюджетной сферы. – 2019. – № 6. – С. 70–72.
9. *Корякин В.М., Воропаев Д.А.* Вопросы недействительности гражданско-правовых сделок, совершенных с признаками коррупции // Российская юстиция. – 2014. – № 6. – С. 6–10.
10. *Курц Н.А.* Актуальные вопросы судебной практики по делам о признании недействительными государственных и муниципальных контрактов // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 6. – С. 47–53.

References

1. Dogovor: Postatejnyj kommentarij glav 27, 28 i 29 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. P.V. Krasheninnikova. – Moskva: Statut, 2010.
2. Dogovornoe pravo (obshchaya chast’): postatejnyj kommentarij k stat’yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / A.K. Bajramkulov, O.A. Belyaeva, A.A. Gromov i dr.; отв. red. A.G. Karapetov. – Moskva: M-Logos, 2020. – 1425 s.
3. Gosudarstvennyj kontrakt kak osobaya model’ grazhdansko-pravovogo dogovora: monografiya / D.A. Chvanenko; pod red. d-ra jurid. nauk, prof. RAN O.A. Belyaevoj. – Moskva: Yusticform, 2023. – 276 s.
4. *Sklovskij K.I.* Sdelka i ee dejstvie. Kommentarij glavy 9 GK RF. Princip dobrosovestnosti; 4-e izd., dop. – Moskva: Statut, 2019. – 278 s.
5. *Caturyan S.A.* Gosudarstvennyj kontrakt v grazhdanskom prave Rossii: problemy teorii i praktiki: monografiya. – Statut, 2020 – 224 s.
6. *Aleshin K.N.* Mnimaya konkurenciya na torgah: problemy kvalifikacii // Rossijskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. – 2017. – № 1. – S. 28–31.
7. *Lebedeva (Skachkova) A.E.* Grazhdanskij isk prokurora v sfere ispolneniya byudzhetnogo zakonodatel’stva o gosudarstvennyh (municipal’nyh) dogovorah (soglasheniyah), kontraktah, v tom chisle v sfere gosudarstvennogo oboronno go zakaza: problematika effektivnosti // Oboronno-promyshlennyj kompleks: upravlenie, ekonomika i finansy, pravo. – 2022. – № 8. – S. 96–103.
8. *Lermontov Yu.M.* Priznanie nedejstvitel’nyimi tovgov v forme elektronno go aukciona // Sovetnik buhgaltera byudzhetnoj sfery. – 2019. – № 6. – S. 70–72.
9. *Koryakin V.M., Voropaev D.A.* Voprosy nedejstvitel’nosti grazhdansko-pravovyh sdelok, sovershennyh s priznakami korrupcii // Rossijskaya yusticiya. – 2014. – № 6. – S. 6–10.
10. *Kurc N.A.* Aktual’nye voprosy sudebnoj praktiki po delam o priznanii nedejstvitel’nyimi gosudarstvennyh i municipal’nyh kontraktov // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. – 2020. – № 6. – S. 47–53.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 3 (43)' 2024

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Альтенгоф А.А.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 21.10.2024.

Печ. л. 12,75. Усл.-печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 9,11.

Объем 1,9 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 24-0048.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.